

МИЭТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования *Научный журнал*

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс в АО Агентство «Роспечать»:
80114

№ 4(32)
Октябрь — декабрь 2021 г.

ISSN 2409-1073

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research *Scientific Journal*

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription index of AO Rospechat agency:
80114

No. 4(32)
2021 October — December

ISSN 2409-1073

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishings doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

© «Экономические и социально-гуманитарные исследования», 2021
© МИЭТ, 2021

© "Economic and Social Research", 2021
© MIET, 2021

Редакционный совет

Председатель редсовета

Чаплыгин Ю. А., академик РАН, доктор технических наук, профессор

Сопредседатель редсовета

Чумаков А. Н., доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИФ РАН

Агапов В. С., д. псих. н., Моск. ун-т МВД РФ

Андрienко Е. В., д. филос. н., проф. Донецкого нац. университета (ДНР)

Анискин Ю. П., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Гаврилов С. А., д. техн. н., проф., НИУ МИЭТ

Гагарин А. В., д. пед. н., проф. РАНХиГС

Данильченко А. В., д. экон. н., проф. БНТУ (Республика Беларусь)

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. психол. н., проф., РАНХиГС

Захлебный А. Н. д. пед. н., проф., академик РАО, Центр экологического образования РАО

Инфанте Д., PhD, проф. Университета Калабрии (Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф., Бакинский Центральный технологический колледж (Азербайджан)

Князев В. Н., д. филос. н., проф., МПГУ

Ковальчук К. Ф., д. экон. н., проф. Нац. Металлургическая академия Украины (г. Днепр, Украина)

Лаце Н., Dr. Sci. (Econ.), проф. Рижского университета (Латвия)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф., МАИ

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф., МГППУ

Моисеева Н. К., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Мрочко Л. В., д. филос. н., проф., Моск. гуманитар. ун-т

Пабединскайте А. О., Dr. Sci. (Econ.), проф., Вильнюсский технический ун-т им. Гедиминаса (Литва)

Пирогов А. И., д. филос. н., проф., НИУ МИЭТ

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф., Евроакадемия (Эстония)

Растимешина Т. В., д. полит. н., доцент, НИУ МИЭТ

Реморенко И. М., канд. филос. н., доцент, ректор МГППУ

Редакционная коллегия

Главный редактор

Растимешина Т. В., доктор политических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Пирогов А. И., доктор философских наук, профессор

Агапов В. С., д. псих. н., Моск. ун-т МВД РФ

Алексеев С. В., д. пед. н., проф., РГПУ им. Герцена

Андрienко Е. В., д. филос. н., проф. Донецкого нац. университета (ДНР)

Анискин Ю. П., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Алексеева И. Ю., д. филос. н., проф., ИФ РАН

Гриценко Н. Ф., д. ист. н., проф., Дом русск. зарубежья им. А. Солженицына

Гуськова Н. Д., д. экон. н., проф., МГУ им. Н.П. Огарева

Даниелян Н. В., д. филос. н., доцент, НИУ МИЭТ

Данильченко А. В., д. экон. н., проф., БНТУ (Республика Беларусь)

Евдокимова М. Г., д. пед. н., доцент, НИУ МИЭТ

Емец В. С., д. полит. н., проф., Правительство Рязанск. обл.

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. психол. н., проф., РАНХиГС

Захлебный А. Н., д. пед. н., проф., академик РАО, Центр экологического образования РАО

Иванова Г. П., д. пед. н., проф. МГОУ

Ильин В. В., д. филос. н., проф., ИППК при МГУ им. Ломоносова

Инфанте Д., PhD, проф. Университет Калабрии (Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф., Бакинский Центральный технологический колледж (Азербайджан)

Кальней В. А., д. пед. н., проф., РМАТ

Ковальчук К. Ф., д. экон. н., проф. Нац. металлургическая академия Украины (г. Днепр, Украина)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф., МАИ

Лоза Г. Г., д. полит. н., проф., Ин-т экономики и права «Академия труда и соц. отношений»

Лукичева Л. И., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Мамедов Н. М., д. филос. н., проф., РАНХиГС

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф., МГППУ

Моисеева Н. К., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Мушта А. А., к. филос. н., доцент (Республика Беларусь)

Пабединскайте А. О., Dr. Sci. (Econ.), проф., Вильнюсский технический ун-т им. Гедиминаса (Литва)

Панов А. И., д. полит. н., проф., МГОУ

Прокофьев А. А., д. пед. н., к. ф.-м. н., доцент, НИУ МИЭТ

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф. Евроакадемии (Эстония)

Реморенко И. М., канд. филос. н., доцент, ректор МГППУ

Родин В. Ф., д. пед. н., проф. Моск. ун-т МВД РФ

Смирнова Ж. Вяч., Dr. Sci. (Econ.), проф. Университет Калабрии (Италия)

Степанов С. А., д. пед. н., проф., прорект. МНЭПУ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.

Заведующий редакцией — **А. И. Пирогов**

Научный редактор — **Т. В. Растимешина**

Компьютерная верстка — **С. О. Брылев**

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ. **Тел.:** 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Сайт: <http://esgi-miet.ru>

Подписано в печать 20.12.2021. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 18,1 усл. печ л., 10,6 уч. изд. л. Заказ № 20.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Editorial Council

Chairman

Chaplygin Yu. A., Dr. Sci. (Tech.), Prof., Acad. RAS

Co-Chairman

Chumakov A. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof., RAS Institute of Philosophy

Agapov V. S., D. crazy. Sciences, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the RF

Andriyenko O. V. (Donetsk People's Republic), Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Donetsk National University

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Gavrilov S. A., Dr. Sci. (Tech.), Prof. MIET

Danilchenko A. V. (Republic of Belarus), Dr. Sci. (Econ.), Prof. of Belarusian National Technical University

Zakhlebnyi A. N. Dr. Sci. (Ped), Acad. RAO, Center for environmental education of RAO

Zazykin V. G., Dr. Sci. (Psych.), Prof., RANEPa

Infante D. (Italy), PhD (Polit. Econ.), Prof. University of Calabria

Ismailov V. I., Dr. Sci. (Philos.), Dir. Baku Central technological College (Azerbaijan)

Knyazev V. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof. Moscow State Pedagogical University

Kovalchuk K. F. (Ukraine), Dr. Sci. (Econ.), Prof. National Metallurgical Academy of Ukraine

Lace N. (Latvia), Dr. OEc., Prof. Riga Technical University

Lobastov G. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof. Moscow Aviation Institute

Mikhalkin N. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof. MSPPU

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Mrochko L. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., Moscow State University for the Humanities

Pabedinskaite A. O. (Lithuania), Dr. OEc., Prof. Vilnius Gediminas Technical University

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MIET

Põlajeva T. (Estonia), Dr. OEc., Prof. Euroacademy

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., MIET

Remorenko I. M., Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Rector of MGPU

Editorial Board

Editor-in-Chief

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.

Deputy Editor-in-Chief

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Agapov V. S., D. crazy. Sciences, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the RF

Andriyenko O. V. (Donetsk People's Republic), Dr. Sci. (Philos.), Prof. Donetsk National University

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Alekseeva I. Yu., Dr. Sci. (Philos.), Prof. Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences

Gagarin A. V., Dr. Sci. (Ped), Prof., RANEPa

Gritsenko N. F., Dr. Sci. (Hist.), Prof., Home Russian. foreign to them. Alexander Solhenitsyn

Guskova N. D., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Ogarev Moscow state University

Danielyan N. V., Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., MIET

Danilchenko A. V. (Republic of Belarus), Dr. Sci. (Econ.), Prof. Belarusian National Technical University

Emets V. S., Dr. Sci. (Polit.), Prof., The Government of the Ryazan. areas.

Evdokimova M. G., Dr. Sci. (Ped), Assoc. Prof.

Zakhlebnyi A. N. Dr. Sci. (Ped), Acad. RAO, Center for environmental education of RAO

Zazykin V. G., Dr. Sci. (Psych.), Prof., RANEPa

Ivanova G. P., Dr. Sci. (Ped), Prof., MRSU

Ilyin V. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., IPPK at Lomonosov Moscow state University

Infante D. (Italy), PhD (Polit. Econ.), Prof. University of Calabria

Ismailov V. I., Dr. Sci. (Philos.), Dir. Baku Central technological College (Azerbaijan)

Kalney V. A., Dr. Sci. (Ped), Prof.

Kovalchuk K. F. (Ukraine), Dr. Sci. (Econ.), Prof. of National Metallurgical Academy of Ukraine

Lobastov G. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Loza G. G., Dr. Sci. (Polit.), Prof., Institute of Economics and law «Academy of labor and social relations»

Lukicheva L. I., Dr. Sci. (Econ.), Prof., MIET

Mamedov N. M., Dr. Sci. (Philos.), Prof. RANEPa

Mikhalkin N. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof. MSPPU

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Mushta A. A. (Republic of Belarus), Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.

Pabedinskaite A. O. (Lithuania), Dr. OEc., Prof. Vilnius Gediminas Technical University

Panov A. I., Dr. Sci. (Polit.), Prof. Moscow state University

Põlajeva T. (Estonia), Dr. OEc., Prof. of Euroacademy

Prokofiev A. A., Dr. Sci. (Ped), Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., MIET

Remorenko I. M., Cand. Sci. (Ped), Assoc. Prof., Rector of MGPU

Rodin V. F., Dr. Sci. (Ped), Prof., RF MoI University

Smirnova J. V. (Italy), Dr. Sci. (Econ.), Prof. of University of Calabria

Stepanov S. A., Dr. Sci. (Ped), Vice-rector of MNEPU

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Managing editor — **A. I. Pirogov**

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Digital page makeup — **S. O. Brylev**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET. **Tel.:** +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Web: <http://esgi-miet.ru>

Signed to print 20.12.2021. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 18.1. Published sheets: 10.6. Order No. 20.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Senior editor — **T. V. Rastimeshina**

Editor — **E. V. Malinkina**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

<i>Балашов А.И.</i> Цифровизация порядка оказания социальных услуг населению: инновации и препятствия на пути их реализации	6
<i>Васильев В.И., Егорычева Е.В.</i> Организационно-правовые аспекты индивидуального цифрового предпринимательства	16
<i>Мрочко Л.В., Спиридонова Г.В., Жук А.А.</i> Цифровая трансформация и адаптация бизнеса в период локдауна	25
<i>Посохова А.В.</i> Конкурентоспособность как инвариант профессионализма субъектов управления	37

Философия: мир в человеке и человек в мире

<i>Евстифеева Е.А., Комаров Г.В.</i> Феномен тайны в контексте пандемии COVID-19 и биоэтической проблемы	43
<i>Кальней М.С.</i> Демократический и тоталитарный проекты: проблемы и противоречия	50
<i>Ковалев А.А.</i> К вопросу об актуальности германской военно-стратегической мысли (Фридрих Великий и Ганс Дельбрюк)	56
<i>Корнюхов Д.В.</i> Аксиологические основания феномена лидерства	65
<i>Литвинович В.М., Пирогов А.И.</i> Учим «цифре», учимся в «цифре»: EdTech в эпоху цифровой трансформации государства и общества	72
<i>Малахов А.А., Михайлина С.А.</i> Общественное благо в концепции государства всеобщего благосостояния	80
<i>Огородов Д.А., Добрынина М.В.</i> Спорт высоких достижений в контексте советской политики и идеологии	89
<i>Привалова И.Ю.</i> Этика постчеловечества	99
<i>Равочкин Н.Н., Гилязов Р.Ш., Кузнецов Н.В., Петров М.А.</i> Трансформация содержания социальных идей под влиянием цифровизации	106
<i>Рогатова С.В.</i> Классификация и роль квазиреалий в литературной вселенной Дж.Р.Р. Толкина на материале романа-эпопеи «Властелин колец»	118

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

<i>Горбунова С.В., Мрочко Л.В., Спиридонова Г.В.</i> Цифровые платформы и IT-сервисы в образовании: применение в период локдауна	124
<i>Филиппченкова С.И.</i> Особенности формирования профессионального стресса и эмоционального выгорания у пожарных-спасателей	131

Личность. Политика. Право

<i>Пирогов А.И., Иванцов А.В.</i> Феномен информационного суверенитета государства: анализ политологического дискурса	138
---	-----

Информация

К сведению авторов	147
Этические нормы публикационного процесса	149

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

<i>Balashov A.I.</i> Digitalization of the procedure for the provision of social services to the population: innovations and obstacles to their implementation	6
<i>Vasiliev V.I., Egorychev E.V.</i> Organizational and legal aspects of individual digital entrepreneurship	16
<i>Mrochko L.V., Spiridonova G.V., A.A. Zhuk</i> Digital Transformation and Business Adaptation during the lockdown period	25
<i>Posokhova A.V.</i> Competitiveness as an invariant of professionalism of management entities	37

Philosophy: Universe in Man and Man in Universe

<i>Evstifeeva E.A., Komarov G.V.</i> The phenomenon of secrecy in the context of the COVID-19 pandemic and the bioethical issue	43
<i>Kalney M.S.</i> Democratic and Totalitarian Projects: Problems and Contradictions	50
<i>Kovalev A.A.</i> On the question of the relevance of German Military-strategic Thought (Frederick the Great and Hans Delbruck)	56
<i>Kornyukhov D.V.</i> The axiological background of the phenomenon of leadership	65
<i>Litvinovich V.M., Pirogov A.I.</i> We learn «digital», we study «digital»: EdTech in the era of digital transformation of the state and society	72
<i>Malakhov A.A., Mikhailina S.A.</i> Public Good in the concept of welfare state	80
<i>Ogorodov D.A., Dobrynina M.V.</i> High Performance Sport in the Context of Soviet Policy and Ideology	89
<i>Privalova I.Yu.</i> Posthuman ethics	99
<i>Ravochkin N.N., Gilyazov R.Sh., Kuznetsov N.V., Petrov M.A.</i> Social ideas content transformations under the influence of digitalization	106
<i>Rogatova S.V.</i> Classification and role of quasi-realities in J.R.R. Tolkien's literary universe on the epic novel material «The Lord of the Rings»	118

Pedagogical coordinate system education, upbringing, human development

<i>Gorbunova S.V., L.V. Mrochko, G.V. Spiridonova</i> Digital platforms and IT-services in education: application during the lockdown period	124
<i>Filippchenkova S.I.</i> Formation features of professional stress and emotional burnout in firefighters-rescuers	131

Personality. Politics. Right

<i>Pirogov A.I., Ivantsov A.V.</i> The phenomenon of state information sovereignty: analysis of political science discourse	138
---	-----

Information

For the Authors	147
Ethical Norms of Publishing	149

**ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH:
THEORY AND PRACTICE**

УДК 338.23

DOI: 10.24151/2409-1073-2021-4-6-15

**Цифровизация порядка оказания социальных услуг населению:
инновации и препятствия на пути их реализации**

А.И. Балашов

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

aleksey.i.balashov@gmail.com

Проведен анализ и выявлены барьеры на пути к цифровизации порядка оказания социальных услуг в мегаполисе на основе анализа инструментов и стратегий цифровизации: необходимость постоянного совершенствования систем безопасности и способов хранения и обработки данных граждан с применением облачных технологий, в том числе разработка соответствующих стратегий и государственных программ; необходимость адаптировать различные инструменты цифровизации к требованиям и возможностям местного сообщества; сложность в проведении оценки спроса получателей социальных услуг на определенные электронные ресурсы; необходимость в сопутствующих мероприятиях по обучению как получателей, так и поставщиков социальных услуг. Сделан вывод, что при разработке стратегии цифровизации порядка оказания социальных услуг населению крупной городской агломерации универсальный подход не всегда дает положительные результаты.

Ключевые слова: инновации в социальном управлении, порядок оказания социальных услуг, цифровые технологии предоставления социальных услуг, получатели социальных услуг, барьеры цифровизации социальной сферы.

**Digitalization of the procedure for the provision of social services
to the population: innovations and obstacles to their implementation**

A.I. Balashov

St. Petersburg State Institute of Management

aleksey.i.balashov@gmail.com

The analysis was carried out and the barriers to digitalization of the procedure for the provision of social services in the metropolis were identified based on the analysis of digitalization tools and strategies: the need to constantly improve security systems and methods for storing and processing citizens' data using cloud technologies, including the development of appropriate strategies and government programs; the need to adapt various digitalization tools to the requirements and capabilities of the local community; difficulty in assessing the demand of social service recipients for certain electronic resources; the need for accompanying training activities for both recipients and providers of social services. It is concluded that when developing a digitalization strategy for the provision of social services to the population of a large urban agglomeration, a universal approach does not always give positive results.

Keywords: innovations in social management, the procedure for the provision of social services, digital technologies for the provision of social services, recipients of social services, barriers to digitalization of the social sphere

Введение

В настоящее время все более актуальной становится проблема повышения эффективности и качества социальных услуг, предоставляемых населению со стороны федерального центра, регионов и органов местного самоуправления.

Нормативное определение социальной услуги содержится в ст. 3 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», норма которой понимает под социальной услугой действие(я) в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности.

Инновационной технологией, направленной на повышение качества социальных услуг, предоставляемых со стороны публичной власти населению, является цифровизация порядка оказания социальных услуг. Отметим, что к началу третьего десятилетия XXI века цифровые технологии активно применяются практически во всех сферах жизни общества. Изначально многие инновационные цифровые технологии разрабатывались для частного сектора экономики с целью

максимизировать прибыль, усовершенствовать текущие производственные процессы, оптимизировать систему управления. С течением времени цифровые технологии нашли применение и за рамками производств и частных компаний.

Еще в конце XX века была сформулирована концепция электронного правительства (E-governance), которая заключается во внедрении инновационных цифровых технологий в практику предоставления государством социальных услуг населению. Цифровизация порядка предоставления социальных услуг населению направлена на повышение эффективности государства и совершенствование качества предоставляемых услуг. За более чем двадцать лет во многих развитых странах система предоставления населению социальных услуг на основе цифровых стала неотъемлемой составляющей эффективной работы органов публичной власти.

Очевидно, что процесс цифровизации порядка предоставления социальных услуг населению в разных государствах в значительной степени отличается. На него влияет множество факторов: ресурсы бюджетной системы, уровень развития информационно-компьютерных технологий в стране в целом, компьютерная грамотность получателей социальных услуг и другие. В связи с этим интерес представляет изучение особенностей

цифровизации порядка предоставления социальных услуг в различных странах, особенно в крупных городах, где скорость обмена информацией и требования к качеству предоставляемых социальных услуг являются со стороны их получателей наиболее высокими. При этом, сегодня граждане, с одной стороны становятся все более требовательными к качеству предоставляемых им социальных услуг, скорости их предоставления и их доступности, а, с другой стороны, ресурсы бюджетной системы федерального центра, регионов и муниципалитетов все в большей степени отстают от запросов получателей социальных услуг [1, с.10].

Теоретическая база исследования

Теоретическую базу исследования составили теория диффузии инноваций и концепции электронного правительства (e-governance и local e-governance).

Теория диффузии инноваций американского социолога Э. Роджерса была разработана задолго до того, как появились цифровые технологии, однако она способна объяснить те тенденции, которые существуют в их распространении. Так, согласно ей на распространение цифровых инноваций влияет множество факторов, однако ключевыми вопросами являются следующие: кем было инициировано внедрение инноваций и было ли это решение добровольным и свободным [16]. Теория диффузии инноваций дает ответ на вопросы, касающиеся неравномерного распространения процесса цифровизации порядка предоставления социальных услуг населению даже в пределах одной страны или субъекта федеративного государства. При этом сам термин «цифровизация» или «диджитализация» (от англ. «digitalization») впервые упоминается в работах американского ученого Вачалла [5, с.259]. Дословно

данный термин можно перевести как «перевод в цифровой формат». Уже в середине XX века учеными велись дискуссии о потенциальных опасностях данного процесса при условии низкого контроля со стороны государства.

Помимо теории диффузии инноваций для понимания современных изменений в управлении социальной сферой важна концепция «E-governance», которая позднее включила в себя понятие «local e-governance». На русский язык она, как правило, переводится как концепция электронного правительства. Существуют различные определения понятия электронного правительства. Согласно одному из них, ключевой целью электронного правительства является повышение эффективности и подотчетности публичной власти. По этой логике электронное правительство направлено на налаживание коммуникаций между гражданами и государством путем сокращения дистанций и снижения административных барьеров [17, с.14]. Вместе с тем существует и иное определение электронного правительства, согласно которому оно представляет собой систему управления, основанную на применении электронных средств обмена необходимой информацией [17, с.15]. Концепция «E-governance» начала изучаться исследователями еще в 1990-е гг., а чуть позднее интерес начали представлять и особенности цифровизации системы оказания социальных услуг населению. Сегодня принято выделять четыре ключевых этапа развития цифровизации порядка оказания социальных услуг жителям крупного мегаполиса:

- 1) установление безопасного и скооперированного взаимодействия между поставщиками социальных услуг и бюджетами всех уровней;
- 2) введение интернет-сервисов предоставления социальных услуг их получателям;

3) применение инструментов цифровой экономики для повышения эффективности транзакций государственных и муниципальных органов власти;

4) формирование конкурентной среды между государственными и негосударственными поставщиками социальных услуг.

Российские исследователи также занимались проблематикой цифрового порядка оказания социальных услуг. Так, в работе С. Е. Гасумовой отмечалось, что современные информационные технологии предоставляют неограниченные возможности для социализации всех групп получателей социальных услуг. Например, наличие компьютера или смартфона позволяет трудоустроить инвалидов их на дому, компенсировать дефицит общения одиноким пожилым гражданам, преодолеть материальную, социальную и культурную депривацию [4, с.37].

Таким образом, концепция электронного правительства сегодня является актуальным объектом для исследований, в особенности ее адаптация применительно к порядку оказания социальных услуг населению.

Методы и результаты исследования

Ключевым исследовательским вопросом данной работы является выявление барьеров на пути к практической реализации процесса цифровизации порядка предоставления социальных услуг населению в крупном городе. Для ответа на данный вопрос проведем анализ основ электронного правительства и цифровизации порядка предоставления социальных услуг населению. Эмпирическую базу исследования составили различные зарубежные и отечественные платформы, применяемые в управлении социальной сферой: «Fix My Street», «Creative Citizens», «coUrbanize», «Urban Interactive Studio», «City-Planner», «Commonplace», «Sticky World»,

«Crowdgaugе», «Твой бюджет», «Наш Санкт-Петербург». В качестве метода использован качественный анализ цифровых и текстовых данных. Также в статье проанализирован опыт имплементации инструментов цифровизации порядка предоставления социальных услуг населению в современном мегаполисе в различных странах.

Первым этапом цифровизации порядка предоставления социальных услуг населению в любом крупном городе является создание информационной веб-страницы муниципального органа, ответственного за социальную защиту населения, однако сегодня функционал цифровых технологий гораздо шире. Внедрение приложений и платформ Web 2.0 послужило началом для качественных изменений в возможностях граждан [14, с.335]. Так, зачастую функции онлайн-сервисов предоставления государственных и муниципальных социальных услуг населению проходят эволюционный процесс от информирования граждан до взаимодействия с ними для разработки новых решений, способных повысить качество жизни и усовершенствовать технологии оказания социальной помощи. Помимо этого, диджитализация на высоких этапах развития должна налаживать взаимодействие между разными типами акторов. Так, многие страны сумели разработать многоступенчатую систему digital-технологий в социальном управлении. Например, в Испании существует три типа платформ: для межведомственного взаимодействия на муниципальном уровне; для оказания социальных услуг гражданам; для взаимодействия муниципалитетов с региональными и центральными властями [12, с.476].

В крупных городах особенно актуальны вопросы инфраструктурной обеспеченности. В связи с этим в практике инновационного

управления порядком предоставления социальных услуг населению сегодня активно применяются цифровые платформы, с помощью которых граждане могут сообщить о необходимости, например, реконструкции объектов доступной среды для инвалидов. Существует также единая платформа данного предназначения, которая называется «Fix My Street» (с англ. «почините мою улицу») [9, с.9]. Она уже используется в муниципалитетах крупных городов Франции, Канады, Нидерландов, Греции, Грузии, Германии и Южной Кореи. Аналогичные программы разработаны в Румынии, Словакии и ряде стран Восточной Европы.

Помимо этого, во многих странах на уровне крупных городов применяются платформы по партисипаторному бюджетированию. Они являются крайне значимыми по ряду причин. Во-первых, практика партисипаторного бюджетирования является характеристикой эффективного государства [9, с.16]. Во-вторых, возможность участвовать в управлении территорией повышает доверие к местным властям. Вместе с тем, принимая решение сообща, налогоплательщики и получатели социальных услуг, совместно образующие местное сообщество, формируют более гармонизированную бесконфликтную социальную среду мегаполиса.

Существуют также сервисы, которые напрямую направлены на выстраивание коммуникации между муниципальными органами социальной защиты населения и получателями социальных услуг, и как следствие, совершенствование системы управления социальной сферой [9, с.10]. Зачастую это платформы или адаптированные страницы в социальных сетях, где граждане могут оставлять обратную связь, делиться рекомендациями и замечаниями по поводу вопросов местного значения. Подобные сер-

висы существуют практически во всех крупных городах стран Евросоюза, однако вопрос об их эффективности даже сегодня является для экспертов спорным. Согласно исследованиям, проведенным в крупных городах пятнадцати европейских стран, уровень вовлеченности специалистов муниципальных учреждений социальной защиты населения в процесс взаимодействия с применением цифровых платформ и страниц в социальных сетях остается довольно низким [11, с.130]. Зачастую это связывают с отсутствием сопутствующих мероприятий на первых этапах имплементации технологий [11, с.130]. В крупных городах Северной Америки и Европы также применяется множество других платформ, например: Creative Citizens, coUrbanize, Urban Interactive Studio, CityPlanner, Commonplace, Sticky World, Crowdgaugе и другие [13, с.18]. Данные платформы предназначены для повышения вовлеченности социально незащищенных категорий горожан в развитие городских территорий и в процесс принятия решений на местном уровне. Благодаря подобным платформам получатели социальных услуг имеют возможность оценивать наиболее важные для них социальные программы, вносить свои предложения по поводу предложенных альтернатив, участвовать в опросах. Платформы также предоставляют услуги интерактивных карт на базе «Google», а некоторые из них применяют 3D-технологии для моделирования различных программ предоставления социальных услуг. Подобные технологии позволяют городским получателям социальных услуг наглядно представить результаты общественно значимых проектов, и, соответственно, лучше оценить их достоинства и недостатки.

Безусловно, поддержание даже самых простых сервисов предоставления и оценки эффективности социальных услуг, монито-

ринг их работы представляет собой сложный процесс. Тем не менее, и этап адаптации digital-сервисов имеет важное значение не только для получателей социальных услуг, но и для муниципальных органов социальной защиты населения. Даже в крупных городах далеко не все руководители учреждений социальной защиты населения одинаково воспринимают инновационные методы управления социальной сферой и готовы с ними работать. От того, как инновации воспринимаются управленцами, во многом зависит и успешность их работы в дальнейшем. В связи с этим в европейских городах проводятся исследования, которые призваны выявить факторы, влияющие на восприятие инноваций муниципальными служащими [10, с.268]. На основе подобных исследований могут быть разработаны меры по адаптации цифровых сервисов для различных категорий управленцев учреждений социальной сферы.

Цифровизацию процессов предоставления социальных услуг невозможно представить без применения «облачных технологий». У этих инструментов существуют неоспоримые достоинства: удобство в использовании, скорость работы, возможность хранить существенные объемы данных [8, с.16]. Один из этих факторов потенциально может стать уязвимой стороной процесса диджитализации — это безопасность личных данных получателей социальных услуг. Например, Австралия является одним из лидеров по цифровизации муниципального управления, в том числе в сфере цифрового предоставления гражданам социальных услуг. Современные цифровые технологии при этом применяются не только в муниципальных образованиях крупных городов. В связи с этим в стране была разработана стратегия, которая направлена на повышение безопасности

данных в муниципальных органах власти [8, с.2]. Стратегия согласуется со всеми международными принципами по обеспечению безопасности данных граждан, однако экспертами и в ней был выявлен ряд серьезных пробелов, которые способны привести к утечке данных.

Кроме принятия мер, связанных с обеспечением безопасности персональных данных получателей социальных услуг, руководители муниципальных учреждений социальной защиты населения должны также принимать во внимание проблему неравномерного распространения цифровых технологий среди потенциальных получателей. Сегодня можно наблюдать дисбаланс в развитии и применении digital-сервисов даже в муниципалитетах крупных европейских городов. Наличие диспропорций преимущественно связано с тем, что на первых этапах внедрения новых технологий руководители муниципальных учреждений социальной защиты населения не были качественно оценены спрос на предоставление услуг в подобной форме [15, с.13]. Безусловно, инновации никогда не воспринимаются всеми гражданами одинаково, однако для долгосрочного результата необходимо понимать особенности территории и социально-психологический профиль получателей социальных услуг. В противном случае эффективность будет только снижаться ввиду смещения в предложении социальных услуг. Экспертами отмечается, что для повышения эффективности управления в социальной сфере и сотрудничества между получателями и поставщиками социальных услуг крайне важно соблюдать принцип связности электронных услуг. В противном случае появится риск повышения неравенства. А как установлено в «Окинавской Хартии», применение цифровых технологий должно

способствовать снижению неравенства в развитии городов и стран¹.

Все вышеназванные критерии и особенности развития цифровизации учитываются экспертами ООН в Рейтинге уровня развития электронного правительства. Согласно ему, в Российской Федерации с 2003 г. наблюдается положительная тенденция по данному показателю. В 2002 г. начала реализовываться Федеральная целевая программа «Электронная Россия», которая оказала значительное влияние на развитие цифровизации в том числе на муниципальном уровне управления порядком предоставления социальных услуг населению [2, с.158]. Тем не менее, и у данной программы существует ряд недостатков, среди которых отсутствие электронных процедур по аттестации руководителей государственных и муниципальных учреждений социальной защиты населения. Несмотря на активное внедрение порталов государственных и муниципальных услуг в крупных городах Российской Федерации, значительная доля получателей социальных услуг не пользуется ими. Прежде всего это связано с отсутствием у старшего поколения навыков по работе с компьютером и Интернетом. В меньшей степени — негативным отношением к новым технологиям как к таковым.

Наиболее активно процесс цифровизации порядка предоставления социальных услуг населению проходит в крупных мегаполисах — в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и ряде других. Так в Санкт-Петербурге важнейшим этапом цифровизации системы предоставления социальных услуг населению, безусловно, стал Портал государственных и муниципальных услуг Санкт-Петербурга, запущенный в 2007 г. Помимо этого, в 2013 г.

государственные и муниципальные услуги стали доступными и в виде мобильного приложения. Успех Санкт-Петербурга в данной области обусловлен рядом факторов: высоким уровнем образования жителей, высокой компьютерной грамотностью и стремлением к экономии ресурсов и времени. Тем не менее, Петербург является городом с высокой долей старшего поколения, что являлось дополнительной задачей на пути к имплементации digital-технологий в системе предоставления социальных услуг населению. Так, внедрение Портала проходило постепенно, с учетом особенностей в восприятии инноваций разными группами населения, а также с соответствующим консультационным сопровождением [3, с.178]. Помимо этого, в Санкт-Петербурге работает портал «Твой бюджет» (<https://tvoybudget.spb.ru>), который позволяет жителям города вносить свои предложения и проекты. Портал направлен на совершенствование различных сфер жизни города: от социального обеспечения до благоустройства парков и улиц. Еще один важный для петербуржцев портал, который позволяет усовершенствовать систему управления социальной сферой — это «Наш Санкт-Петербург» (<https://gorod.gov.spb.ru/about>). Важным элементом портала с точки зрения повышения качества предоставления социальных услуг является опция по оценке работы специалистов. Согласно классификации этапов развития цифровизации порядка предоставления социальных услуг населению, Санкт-Петербург достиг высокого уровня. Тем не менее, при внедрении любого инновационного механизма по взаимодействию с получателями социальных услуг, необходимо проводить оценку субъективного восприятия, а не только ориентироваться на количественные показатели и индикаторы.

¹ Окинавская хартия Глобального информационного общества // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 28.10.2021).

На основе проведенного анализа можно выделить следующие барьеры на пути к развитию цифровизации порядка оказания социальных услуг населению. Во-первых, это необходимость постоянного совершенствования систем безопасности и способов хранения и обработки данных о получателях социальных услуг с применением облачных технологий, в том числе разработка соответствующих стратегий и государственных и муниципальных программ. Во-вторых, это необходимость адаптировать различные инструменты цифровизации к требованиям и возможностям получателей социальных услуг. В-третьих, это сложность в проведении оценки востребованности получателями социальных услуг определенных электронных ресурсов. Четвертым барьером выступает необходимость в сопутствующих мероприятиях по обучению как получателей, так и поставщиков социальных услуг. Наконец, пятый выделенный нами барьер, это необходимость привлечения независимых экспертов из разных сфер для обеспечения актуальности и эффективности digital-порталов и платформ муниципальных учреждений социальной защиты населения. Данная практика хоть и не раз подтверждала свою обоснованность, однако она не всегда реализуема ввиду ресурсных затрат, а также особенностей работы с персональными данными получателей социальных услуг.

Заключение

В современных условиях, в крупных российских мегаполисах у получателей социальных услуг сформировалась довольно высокая мотивационная готовность к восприятию цифрового формата социального обслуживания, однако, отсутствие системной государственной политики по развитию информационно-технологической компетентности

государственных и муниципальных учреждений социальной защиты и вовлечению их в процесс цифровизации пока сдерживает масштабы развития цифрового порядка предоставления гражданам социальных услуг.

Библиографический список

1. **Балашов А. И.** Развитие рынка социальных услуг в Санкт-Петербурге как драйвер повышения качества жизни горожан // Научные труды СПбГИПСР: Выпуск 1 / Под ред. д-ра экон. наук А. И. Балашова. — СПб.: СПбГИПСР, 2021. — С. 8-17.
2. **Барина Н. И., Кривокора Ю. Н.** Современные информационные технологии как способ совершенствования муниципального управления // Kant. 2017 №4 (25). — С. 154 — 158.
3. **Видясова Л. А, Чугунов А. В.** Востребованность порталов государственных и муниципальных услуг (на примере Санкт-Петербурга) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. №2. — С. 165 — 185.
4. **Гасумова С. Е.** Цифровизация социальных услуг для инвалидов // Научные труды СПбГИПСР: Выпуск 1 / Под ред. д-ра экон. наук А. И. Балашова. — СПб.: СПбГИПСР, 2021. — С. 36-46.
5. **Куприна К. А., Хазанова Д. Л.** Диджитализация: понятие, предпосылки возникновения и сферы применения // Вестник научных конференций. 2016. № 5-5 (9). — С. 259 — 262.
6. **Логвинов К. В.** Повышение эффективности государственного управления в России на основе внедрения Концепции «электронного правительства» // Вестник Брянского государственного технического университета. 2016. №5 (53). — С. 230 — 236.
7. **Смотрицкая И. И., Черных С. И.** Современные тенденции цифровой трансформации государственного управления // Вестник Института экономики РАН. 2018. №5. — С. 22 — 36.
8. **Ali O., Shrestha A., Chatfield A., Murray P.** Assessing information security risks in the cloud: A case study of Australian local government authorities. Government Information Quarterly, Vol. 37, Issue 1, 2020, P.1-20.
9. **Ardigó I.A., et al.** Local government accountability mechanisms. Transparency International, 2019.

10. **Berger J.B., Morten H., Schreiberb T.** Does local government staff perceive digital communication with citizens as improved service? *Government Information Quarterly* Vol. 33, Issue 2, 2016, P. 258-269.

11. **Bonsón E., Torres L., Royo S., & Flores F.** Local e-government 2.0: Social media and corporate transparency in municipalities. *Government Information Quarterly*, 29(2), 2012, P.123–132.

12. **Cegarra-Navarro J., Pachónb J. R., Cegarraa J. L.** E-government and citizen's engagement with local affairs through e-websites: The case of Spanish municipalities. *International Journal of Information Management* Vol. 32, 2012, P. 469–478.

13. **Falco E., Kleinhans R.** Beyond technology: Identifying local government challenges for using digital platforms for citizen engagement. *International Journal of Information Management*. Vol. 40, 2018, P. 17–20.

14. **Mallan K.** Gateways to digital participation: The rhetorical function of local government websites. In Foth, M, Mallan, K, Hughes, H, & Dezuanni, M (Eds.) *Digital participation through social living labs: Valuing local knowledge, enhancing engagement*. Chandos Publishing, United Kingdom, 2018, P. 333-349.

15. **Pérez-Morotea R., Pontones-Rosaa C., Núñez-Chicharro M.** The effects of e-government evaluation, trust and the digital divide in the levels of e-government use in European countries. *Technological Forecasting & Social Change*. Vol. 154, 2020, P.1-14.

16. **Rogers E.** *Diffusion of Innovations*. 4th ed. Simon and Schuster, 2010.

17. World Bank. *The e-government handbook for developing countries: The e-government handbook for developing countries: a project of InfoDev and the Center for Democracy and Technology* (English). infoDev. Washington, DC: World Bank. 2002.

Поступила 11.12.2021

Балашов Алексей Игоревич — доктор экономических наук, ректор Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы (Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.7-9) aleksey.i.balashov@gmail.com

References

1. **Balashov A. I.** Development of the social services market in St. Petersburg as a driver for improving the quality of life of citizens. *Dr. Econ. Sciences A. I. Balashova*. - St. Petersburg: SPbGIPSR, 2021. - S. 8-17.

2. **Barinova N. I., Krivokora Yu. N.** Modern information technologies as a way to improve municipal management // *Kant*. 2017 No. 4 (25). - S. 154 - 158.

3. **Vidyasova L. A., Chugunov A. V.** Demand for portals of state and municipal services (on the example of St. Petersburg) // *Issues of state and municipal management*. 2017. No. 2. - S. 165 - 185.

4. **Gasumova S. E.** Digitalization of social services for people with disabilities // *Scientific works of St. Petersburg State Institute of Industrial Design and Social Development: Issue 1 / Ed. Dr. Econ. Sciences A. I. Balashova*. - St. Petersburg: SPbGIPSR, 2021. - S. 36-46.

5. **Kuprina K. A., Khazanova D. L.** Digitalization: concept, prerequisites for occurrence and scope // *Bulletin of scientific conferences*. 2016. No. 5-5 (9). - S. 259 - 262.

6. **Logvinov K. V.** Improving the efficiency of public administration in Russia based on the implementation of the concept of «electronic government» // *Bulletin of the Bryansk State Technical University*. 2016. No. 5 (53). - S. 230 - 236.

7. **Smotritskaya I. I., Chernykh S. I.** Modern trends in the digital transformation of public administration // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2018. No. 5. - S. 22 - 36.

8. **Ali O., Shrestha A., Chatfield A., Murray P.** Assessing information security risks in the cloud: A case study of Australian local government authorities. *Government Information Quarterly*, Vol. 37, Issue 1, 2020, P.1-20.

9. **Ardigó I.A.**, et al. local government accountability mechanisms. *Transparency International*, 2019.

10. **Berger J.B., Morten H., Schreiberb T.** Does local government staff perceive digital communication with citizens as improved service? *Government Information Quarterly* Vol. 33, Issue 2, 2016, P. 258-269.

11. **Bonsón E., Torres L., Royo S., & Flores F.** Local e-government 2.0: Social media and corporate transparency in municipalities. *Government Information Quarterly*, 29(2), 2012, pp.123–132.

12. **Cegarra-Navarro J., Pachónb J. R., Cegarraa J. L.** E-government and citizen's engagement with local affairs through e-websites: The case of Spanish municipalities. *International Journal of Information Management* Vol. 32, 2012, pp. 469–478.

13. **Falco E., Kleinhans R.** Beyond technology: Identifying local government challenges for using digital platforms for citizen engagement. *International Journal of Information Management*. Vol. 40, 2018, pp. 17–20.

14. **Mallan K.** Gateways to digital participation: The rhetorical function of local government websites. In Foth, M, Mallan, K, Hughes, H, & Dezuanni, M (Eds.) *Digital participation through social living labs: Valuing local knowledge, enhancing engagement*. Chandos Publishing, United Kingdom, 2018, pp. 333–349.

15. **Pérez-Morotea R., Pontones-Rosaa C., Núñez-Chicharro M.** The effects of e-government evaluation, trust and the digital divide in the levels of e-government use in European countries. *Technological Forecasting & Social Change*. Vol. 154, 2020, P.1–14.

16. **Rogers E.** *Diffusion of Innovations*. 4th ed. Simon and Schuster, 2010.

17. World Bank. *The e-government handbook for developing countries: The e-government handbook for developing countries: a project of InfoDev and the Center for Democracy and Technology* (English). infoDev. Washington, DC: World Bank. 2002.

Submitted 11.12.2021

Balashov Alexey Igorevich — Doctor of Economic Sciences, rector of St. Petersburg state Institute of Psychology and Social Work (Russia, 199034, St. Petersburg, Universitetskaya embankment, 7-9) aleksey.i.balashov@gmail.com

Организационно-правовые аспекты индивидуального цифрового предпринимательства

В.И. Васильев¹, Е.В. Егорычева²

¹*Российский государственный аграрный университет МСХА имени К.А. Тимирязева*

²*Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

egor-kate@mail.ru

Статья посвящена актуальной для экономического развития России проблеме — организации индивидуального цифрового бизнеса. Изложены результаты анализа двух распространенных организационно-правовых форм — самозанятости и индивидуального предпринимательства. Выделены основные факторы, влияющие на выбор формы организации бизнеса. Особенности и перспективы развития индивидуального предпринимательства рассмотрены в контексте цифровизации российской экономики.

Ключевые слова: цифровой бизнес, индивидуальное предпринимательство; цифровая экономика; организационно-правовая форма; цифровой предприниматель; самозанятость.

Organizational and legal aspects of individual digital entrepreneurship

V.I. Vasiliev¹, E.V. Egorychev²

¹*Russian State Agrarian University of the K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy*

²*National Research University of Electronic Technology*

egor-kate@mail.ru

The article is devoted to the current problem for the economic development of Russia — the organization of individual digital business. The results of the analysis of two common organizational-legal forms — self-employment and individual entrepreneurship — are presented. The main factors influencing the choice of the form of organization of business are outlined. The features and prospects of individual entrepreneurship are considered in the context of digitalization of the Russian economy.

Keywords: digital business. individual entrepreneurship; digital economy; legal status; digital entrepreneur; self-employment.

Цифровая трансформация бизнеса сегодня является одной из самых динамичных сфер диджитализации общества. Информационные технологии все глубже проникают в бизнес-процессы индивидуальных предпринимателей и компаний, способствуют ускорению производственных циклов и повышению эффективности деятельности. Трансформация охватывает всех субъектов бизнеса, оказывает прямое воздействие на рынок труда в России, обуславливая появление новых цифровых профессий и развитие индивидуальной занятости. Этому изменению способствует и экспоненциальный рост сферы онлайн-образования, которая создает сегодня все условия для быстрого освоения новых профессий, переподготовки и повышения квалификации.

Лидеры EdTech рынка — Skillbox, GeekBrains, Яндекс.Практикум, GetCourse, Нетология и другие — предлагают огромное количество обучающих программ, разработанных экспертами-практиками и направленных на быстрое овладение цифровыми профессиями. К таким профессиям можно, например, отнести программиста, веб-разработчика, гейм-дизайнера, аналитика данных, переводчика, копирайтера, маркетолога, блогера, SMM-менеджера, таргетолога, бухгалтера, юриста, финансового консультанта, методиста онлайн-курсов, продюсера онлайн-школы. Активно включается в образовательный процесс на базе цифровых технологий и государство. Для наращивания кадрового потенциала в интересах отраслей, на уровне регионов и отдельных компаний и организаций, а также в целях обеспечения профессионального развития и трудоустройства граждан в IT-секторе, распространения цифровых профессий, создаются государственные программы дополнительного образования. Так, проект «Цифровые профессии» реализуется в рамках национальной программы «Цифровая экономика РФ» и продолжает проект «Персональные цифровые сертификаты». В рамках указанного проекта любой гражданин

РФ, независимо от возраста, профессии и региона проживания, может получить цифровые компетенции, релевантные запросам рынка [1].

В условиях диджитализации перспективы развития индивидуального бизнеса в digital-сфере становятся весьма очевидными и привлекают многих предпринимателей. Однако создавая свой бизнес, они неизбежно сталкиваются с проблемой его организационно-правового оформления: предприниматель должен учесть ряд факторов, от которых будет зависеть не только текущее функционирование бизнеса, но и его дальнейшее развитие.

Сегодня наиболее востребованы альтернативные формы регистрации персонального бизнеса в России — самозанятость и индивидуальное предпринимательство (ИП). Эти формы являются самыми простыми и не требуют создания юридического лица. Рассмотрим их особенности, достоинства и недостатки, а также сделаем выводы о том, насколько они подходят цифровым предпринимателям.

1. Особенности, достоинства и недостатки самозанятости. Отметим определенные сложности правового и экономического порядка, связанные с неформальной занятостью населения в России. Ведение предпринимательской деятельности без уплаты налогов не только привлекательно с экономических позиций, но и удобно в организационно-правовом плане: не требуется прилагать усилия, чтобы зарегистрировать бизнес, сформировать отчеты, декларации и т.п. Однако желание сэкономить на налогах — не единственная причина неформальной формы ведения бизнеса индивидуальными предпринимателями. Зачастую препятствием для легализации деятельности является именно организационно-правовой аспект.

С целью упростить процедуры регистрации и отчетности индивидуальных предпринимателей, а также в интересах пополнения

бюджета страны, в 2017 г. в России начат эксперимент по введению статуса «самозанятости». Федеральная налоговая служба РФ (ФНС) начала вести учет граждан, получивших такой статус. Фактически, эксперимент был направлен на легализацию предпринимательской деятельности физических лиц, оказывающих услуги другим гражданам для личных, домашних и иных подобных нужд.

В июне 2018 г. Минюстом РФ вынесен на всеобщее обсуждение законопроект, который определил правовой статус самозанятых граждан. В соответствии с новым законопроектом, гражданин становится субъектом малого предпринимательства по представлении им в налоговый орган уведомления о начале ведения деятельности в этом качестве [2].

В 2019 г. в четырех регионах — в Москве, Татарстане, Московской области и Калужской области — был введен новый налоговый режим — «налог на профессиональный доход» с фиксированными налоговыми ставками: 4 % при получении доходов от физических лиц и 6 % при получении доходов от юридических лиц и ИП. С января 2020 г. указанный режим был распространен Правительством РФ еще на 19 регионов, а с 1 июля 2020 г. — применен на всей территории России [3].

Сегодня самозанятым гражданином считается физическое лицо, которое является плательщиком налога на профессиональный доход. Для получения этого статуса гражданину достаточно зарегистрироваться в бесплатном мобильном приложении «Мой налог». В программу необходимо вносить суммы сделок, а расчет налога происходит автоматически.

Отметим, что в 2020 г. и 2021 г. самозанятым гражданам, начинающим профессиональную деятельность, можно воспользоваться налоговым вычетом в сумме 10 тыс. бонусных рублей. Приложение также рассчитывает вычет автоматически. При этом если у самозанятого нет прибыли за год, то

он не должен перечислять никаких обязательных взносов, в том числе — и на пенсионное страхование [4].

Получение статуса самозанятого дает возможность россиянам вести профессиональную деятельность без регистрации индивидуального предпринимательства, без составления отчетности и применения кассовой техники. Однако существуют некоторые ограничения. Например, определен годовой лимит дохода, составляющий 2,4 млн. руб. В случае превышения годового дохода возникает необходимость уплаты налога в размере 13 % с суммы превышения, а также аннулируется статус самозанятости. Кроме того, существуют ограничения по видам деятельности. Так, самозанятые не имеют права перепродавать товары, реализовывать подакцизные товары, заниматься добычей и/или реализацией полезных ископаемых. Не разрешается самозанятым и нанимать сотрудников.

Несмотря на заявленные ограничения, объем самозанятого населения России постоянно растет. По данным ФНС на сентябрь 2021 г., число зарегистрированных самозанятых достигло 3 млн человек. За время эксперимента они сформировали более 453 млн чеков и получили доход в общей сумме свыше 587 млрд руб. Выявлено, что наибольший доход приносят профессии юриста, консультанта, проектировщика, психолога, переводчика, а также профессии в IT-сфере [5].

Выделим **основные преимущества статуса «самозанятый»** для цифрового индивидуального бизнеса. К ним можно отнести:

- бесплатную и быструю регистрацию;
- довольно низкие налоговые ставки;
- отсутствие дополнительных платежей;
- возможность совмещения с основной работой в найме;
- отсутствие необходимости заполнять декларации и самостоятельно рассчитывать налоги;
- оплату страховых взносов на добровольной основе;

- отсутствие необходимости в открытии расчетного счета и наличии контрольно-кассовой техники;

- удобство мобильного приложения «Мой налог».

Однако у самозанятости есть и **недостатки**. Среди них, в частности, можно выделить:

- трудность с накоплением трудового стажа и с возможностью претендовать на государственную пенсию;

- годовой лимит по выручке (2,4 млн руб);

- ограничение по видам деятельности;

- запрет на привлечение наемных сотрудников;

- отсутствие возможности зарегистрировать на себя товарный знак или знак обслуживания;

- полная имущественная ответственность (самозанятый рискует всем своим имуществом);

- наличие проблемы преемственности бизнеса (отсутствие возможности передать свое дело другому лицу).

Наиболее существенными ограничениями для цифровых предпринимателей в статусе «самозанятый», на наш взгляд, являются: наличие годового лимита по выручке и запрет на привлечение наемных работников. При развитии и масштабировании бизнеса эти проблемы могут встать весьма остро.

2. Особенности, достоинства и недостатки индивидуального предпринимательства. Любой совершеннолетний гражданин РФ (а при согласии законных представителей — и несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет) или иностранец с российской пропиской может стать индивидуальным предпринимателем. Исключение составляют лишь случаи, указанные в законе № 129-ФЗ от 08.08.2001 г. «О государственной регистрации юридических лиц и предпринимателей».

Индивидуальный предприниматель (ИП) — это организационно-правовая форма бизнеса,

которую может зарегистрировать физическое лицо. Данный статус дает право вести законную предпринимательскую деятельность, занимаясь производством, оптовой и розничной торговлей, а также оказанием различных услуг.

Отметим, что процесс регистрации ИП является достаточно простым. Он включает в себя пять этапов: выбор кодов видов деятельности по ОКВЭД; выбор системы налогообложения; заполнение заявления по форме Р21001; оплата госпошлины (только при подаче заявления в бумажном виде); сбор пакета документов и его передача в регистрирующий орган [6].

Для обеспечения возможности подать регистрационные документы в электронном виде государство предлагает предпринимателям ряд соответствующих сервисов и онлайн-инструментов. Например, сервис регистрации бизнеса и дистанционного открытия счета РБидОС, а также возможности сайта ФНС и портала «Госуслуги». Важно отметить, что при подаче регистрационных документов в электронном виде госпошлину платить не требуется.

После регистрации у ИП появляются обязанности по самостоятельному расчету налогов и подготовке финансовой отчетности. Кроме того, вне зависимости от выручки ИП обязан ежегодно платить страховые взносы на обязательное пенсионное и медицинское страхование. Освобождены от уплаты только индивидуальные предприниматели, выбравшие налоговый режим «Налог на профессиональный доход».

Следует отметить, что страховые взносы на обязательное медицинское страхование в фиксированном размере в 2021 г. составляют 8 тыс. 426 руб. в год, а взносы на пенсионное страхование — 32 тыс. 448 руб. Если доход ИП за отчетный период превысит 300 тыс. руб., то помимо фиксированного размера взносов на пенсионное страхование необходимо будет дополнительно уплатить 1 % от суммы дохода, превышающего 300 тыс. руб. за этот период [7].

Перечислим **основные преимущества статуса ИП** для индивидуального цифрового бизнеса. К ним можно отнести:

- относительно простая процедура регистрации;
- выбор наиболее выгодного режима налогообложения (в 2021 г. для ИП установлено пять налоговых режимов, причем некоторые из них можно комбинировать);
- возможность развития и масштабирования бизнеса, в том числе за счет привлечения наемных работников;
- сотрудничество с коммерческими организациями, которые не работают с физическими лицами, но готовы взаимодействовать с ИП (некоторые поставщики, платежные системы, службы доставки);
- возможность предоставлять гарантии своим клиентам, а также осуществлять защиту их потребительских прав, что в значительной мере повышает степень лояльности покупателей;
- более низкие суммы штрафов в сравнении с обществом с ограниченной ответственностью (ООО);
- упрощенная процедура вывода финансовых средств для собственных нужд;
- формирование пенсионных накоплений (кроме налогового режима «Налог на профессиональный доход»);
- возможность регистрации товарного знака (знака обслуживания).

Однако статус ИП характеризуется и рядом **недостатков**. Например, к ним можно отнести:

- обязательство по уплате страховых взносов даже в случае отсутствия доходов (кроме налогового режима «Налог на профессиональный доход»);
- наличие определенных ограничений по видам деятельности;
- полную имущественную ответственность (ИП рискует всем своим имуществом);

— наличие проблемы преемственности бизнеса (отсутствие возможности передать свое дело другому лицу);

— сложность формирования имиджа солидной компании.

Отметим, что в середине 2021 г. в России насчитывалось около 3,5 млн зарегистрированных индивидуальных предпринимателей. Однако наметился тренд на сокращение этого количества. Так, за первое полугодие 2021 г. прекратили свою деятельность почти 0,5 млн ИП. Эксперты связывают такое сокращение с последствиями коронавирусного кризиса и прекращением действия программ поддержки бизнеса, которые действовали в 2020 г.¹

Каждая из рассмотренных выше форм регистрации бизнеса имеет не только достоинства, но и недостатки, и может быть в той или иной степени пригодна для индивидуального цифрового бизнеса. Результаты сравнительного анализа этих форм — индивидуального предпринимательства и самозанятости — представлены в таблице 1.

Итак, в ходе сравнительного анализа двух альтернативных форм организации индивидуального цифрового бизнеса сделаны следующие выводы:

1) обе рассмотренные формы позволяют вести предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, т.е. привязаны к физическому лицу — конкретному гражданину;

2) отождествление бизнеса с физическим лицом обуславливает ряд рисков — от возможной неплатежеспособности до ликвидации предприятия в связи со смертью гражданина или наступлением его нетрудоспособности;

3) обе организационно-правовые формы позволяют регистрировать и вести бизнес в электронной среде, что принципиально важно для цифровых предпринимателей;

¹ Число закрытых с начала года компаний в России стало рекордным за 6 лет // РосБизнесКонсалтинг: сайт. 16.07.2021. URL.: <https://www.rbc.ru/business/16/07/2021/60f13b759a7947f7f26d00ba/> (дата обращения: 20.10.2021).

Таблица 1

Сравнительный анализ самозанятости и ИП

Признак сравнения	Самозанятость	ИП
<i>1. Особенности регистрации и предоставления отчетности</i>		
1.1. Возможность регистрации с помощью электронных сервисов	Через мобильное приложение «Мой налог»	Через сервис РБидОС, портал «Госуслуги» или сервис ФНС
1.2. Пакет документов, необходимых для регистрации с помощью электронных сервисов	Доступны три варианта: 1) паспорт и фото на камеру смартфона; 2) ИНН и пароль, которые используются для доступа в личный кабинет физлица на сайте nalog.ru ; 3) учетная запись Единого портала государственных и муниципальных услуг	Заявление, паспорт. Вместе с документами на регистрацию можно подать уведомление о применении специального налогового режима. Для регистрации понадобится подтвержденная учетная запись и усиленная квалифицированная электронная подпись
1.3. Быстрота регистрации	Регистрация занимает несколько минут	В среднем – три рабочих дня с момента подачи регистрационных документов
1.4. Возможность подачи отчетности в электронном виде	В приложении «Мой налог» происходит автоматический расчет налога. Предоставлять отчетность не требуется	Для подачи отчетности в электронном виде нужна усиленная квалифицированная электронная подпись
<i>2. Установленные ограничения</i>		
2.1. Ограничение видов деятельности	Разрешаются все виды деятельности, не попадающие в перечень исключений, указанных в статьях 4 и 6 Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ	Законами № 171-ФЗ от 22.11.1995, № 5663-1 от 20.08.1993, № 325-ФЗ от 21.11.2011, № 170-ФЗ от 21.11.1995, № 395-1 от 02.12.1990, № 7-ФЗ от 07.02.2011; № 4015-1 от 27.11.1992 установлены виды деятельности, которыми не может заниматься физическое лицо
2.2. Ограничение по годовому доходу	До 2,4 млн руб.	Зависит от выбранного налогового режима. Например, для общей системы налогообложения (ОСНО) ограничений по доходу нет

Таблица 1 (продолжение)

Признак сравнения	Самозанятость	ИП
2.3. Ограничение возможности найма работников	Нанимать работников нельзя	Нанимать работников можно, но есть ограничения по количеству этих работников (в зависимости от выбранного налогового режима)
2.4. Ограничение возможности регистрации товарного знака (знака обслуживания)	Нельзя зарегистрировать товарный знак (знак обслуживания)	Можно зарегистрировать товарный знак (знак обслуживания)
<i>3. Налоги и обязательные платежи</i>		
3.1. Доступные налоговые режимы	Только НПД (налог на профессиональный доход)	Доступно пять вариантов налоговых режимов: – НПД – ОСНО – УСН (упрощенная система налогообложения) – ПСН (патентная система налогообложения) – ЕСХН (единый сельскохозяйственный налог)
3.2. Уплачиваемые налоги	Единый налог по ставке 4 % — если оплата поступает от физлица, 6 % — при сотрудничестве с ИП и юридическими лицами	– при НПД — аналогично самозанятости; – при ОСНО — НДС, налог на имущество, НДФЛ по ставке 13 % – при УСН — единый налог по ставке 6 % с доходов или 15 % с доходов за вычетом расходов; – при ПСН — единый налог 6 %, исчисляемый на основе базовой доходности; – при ЕСХН — единый налог по максимальной ставке 6 % (регионы могут устанавливать меньшие ставки)
3.3. Обязательные взносы	Оплата взносов является не обязательной, а добровольной. Можно по желанию оплачивать взносы в пенсионный фонд через приложение «Мой налог»	Оплата взносов является обязательной и не зависит от выбранного налогового режима. Годовая сумма взносов за 2021 г. составляет: 32 тыс. 448 руб. — взносы на обязательное пенсионное страхование; 8 тыс. 426 руб. — взносы на обязательное медицинское страхование

Таблица 1 (продолжение)

Признак сравнения	Самозанятость	ИП
<i>4. Возможности развития и передачи бизнеса</i>		
Возможность привлечения соучредителей	Нет	Нет
Наличие проблемы преемственности бизнеса	Бизнес невозможно никому передать	Бизнес невозможно никому передать
Возможность расширения и диверсификации бизнеса	Ограничивается личными ресурсами самозанятого	Расширение и диверсификация бизнеса возможны за счет привлечения наемных работников

4) самозанятость, с одной стороны, является более простой формой, с другой — имеет серьезные ограничения по пороговому значению годового дохода, возможность нанимать сотрудников и использовать средства индивидуализации своих услуг;

5) индивидуальное предпринимательство немного сложнее с организационно-правовых позиций, но предоставляет больше возможностей для развития своего бизнеса.

Таким образом, самозанятость в цифровом бизнесе является наиболее подходящей формой для тех предпринимателей, чьи доходы составляют не более 2,4 млн руб. в год и кто не привлекает к работе сотрудников по трудовым договорам. Кроме того, регистрация цифрового предпринимателя в качестве самозанятого может быть оптимальным решением на начальном этапе развития бизнеса. Что касается выбора в пользу индивидуального предпринимательства, то форма ИП целесообразна в ситуациях, когда цифровой предприниматель ориентируется на высокий уровень дохода либо нацелен на развитие, масштабирование и диверсификацию бизнеса.

Библиографический список

1. Цифровые профессии. Государственная программа дополнительного образования в сфере цифровой экономики: официальный сайт. URL: <https://цифровыепрофессии.рф/about/> (дата обращения: 21.10.2021).
2. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу определения статуса самозанятых граждан»: Вносится Правительством Российской Федерации. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=80737> (дата обращения: 05.10.2021).
3. Апрецова Н.Г. Правовой статус самозанятых как налогоплательщиков [Электронный ресурс]. 07.2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-samozanyatyh-kak-nalogo-platelschikov/viewer/> (дата обращения: 10.10.2021).
4. Специальный налоговый режим для самозанятых граждан. Налог на профессиональный доход [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. URL: <https://npd.nalog.ru/> (дата обращения: 10.10.2021).
5. В России зарегистрировались 3 млн. самозанятых [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. 2021. 7 сент. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11275333/ (дата обращения: 21.10.2021).

6. Порядок регистрации ИП [Электронный ресурс] // Госуслуги: портал РФ. URL: https://www.gosuslugi.ru/situation/kak_otkryt_svoe_delo/IP/porjadok_registracii_IP/ (дата обращения: 10.10.2021).

7. В каком размере предпринимателям необходимо заплатить страховые взносы в 2021 году? [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. 2021. 22 янв. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn10/news/activities_fts/10445877/ (дата обращения: 21.10.2021).

Поступила 28.10.2021

Егорычева Екатерина Викторовна — доцент (звание), к.э.н., доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательский университет «МИЭТ» (124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), egor-kate@mail.ru

Васильев Владислав Игоревич — студент 2-го курса бакалавриата, Российский государственный аграрный университет МСХА имени К.А. Тимирязева (127434, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49), v.vasiliev538@yandex.ru

References

1. Cifrovyje professii. Gosudarstvennaja programma dopolnitel'nogo obrazovanija v sfere cifrovoj jekonomiki: oficial'nyj sajt. URL: <https://cifrovyje-professii.rf/about/> (data obrashhenija: 21.10.2021).

2. Proekt Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosu opredelenija statusa samozanjatyh grazhdan»: Vnositsja Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=80737> (data obrashhenija: 05.10.2021).

3. Apresova N.G. Pravovoj status samozanjatyh kak nalogoplatel'shnikov [Jelektronnyj resurs]. 07.2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-samozanyatyh-kak-nalogoplatel'schikov/viewer/> (data obrashhenija: 10.10.2021).

4. Special'nyj nalogovyj rezhim dlja samozanjatyh grazhdan. Nalog na professional'nyj dohod [Jelektronnyj resurs] // Federal'naja nalogovaja sluzhba: oficial'nyj sajt.

URL: <https://npd.nalog.ru/> (data obrashhenija: 10.10.2021).

5. V Rossii zaregistrovalis' 3 mln. samozanjatyh [Jelektronnyj resurs] // Federal'naja nalogovaja sluzhba: oficial'nyj sajt. 2021. 7 sent. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11275333/ (data obrashhenija: 21.10.2021).

6. Porjadok registracii IP [Jelektronnyj resurs] // Gosuslugi: portal RF. URL: https://www.gosuslugi.ru/situation/kak_otkryt_svoe_delo/IP/porjadok_registracii_IP/ (data obrashhenija: 10.10.2021).

7. V kakom razmere predprinimateljam neobhodimo zaplatit' strahovye vnosy v 2021 godu? [Jelektronnyj resurs] // Federal'naja nalogovaja sluzhba: oficial'nyj sajt. 2021. 22 janv. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn10/news/activities_fts/10445877/ (data obrashhenija: 21.10.2021).

Submitted 28.10.2021

Egorycheva Ekaterina V., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of National Research University of Electronic Technology, Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, 1) egor-kate@mail.ru

Vasiliev Vladislav Ig., 2-nd year bachelor student, Russian State Agrarian University of the K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (124473, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), v.vasiliev538@yandex.ru

Цифровая трансформация и адаптация бизнеса в период локдауна

Л.В. Мрочко¹, Г.В. Спиридонова¹, А.А. Жук²

¹Московский гуманитарный университет

*²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ*

dr.discussion@yandex.ru

Тренды цифровизации, которые активизировались в период пандемии и локдауна, автор рассматривает в контексте системного и корпоративного управления компании. К драйверам совершенствования норм, изменения качества корпоративного управления отнесены цифровые технологии, ESG-оценка бизнеса. Приведена статистика отношения к цифровизации бизнеса совета директоров российских компаний. Определена роль ESG-рейтинга в устойчивости бизнеса компании, выделена оценка устойчивости по критерию отношения к экологии и критерию открытости и доступности данных. Автор отметил тренд распространения принципов ESG-рейтинга за последние 20 лет в России.

Ключевые слова: тренды цифровизации, корпоративное управление, системное управление, ESG-рейтинг, доступность данных, адаптация бизнеса, локдаун, цифровые технологии, принципы оценки бизнеса, качество управления, драйверы бизнеса, экологичность.

Digital Transformation and Business Adaptation during the lockdown period

L.V. Mrochko¹, G.V. Spiridonova¹, A.A. Zhuk²

¹Moscow University for the Humanities

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

dr.discussion@yandex.ru

The author considers digitalization trends, which intensified during the pandemic and lockdown periods, in the context of system and corporate governance of the company. Digital technologies, ESG-evaluation of business are attributed to the drivers of norms improvement and changes in the quality of corporate governance. Statistics show the attitude of the board of Russian companies to the digitalization of business. The role of ESG-rating in the sustainability of the company's business is defined, the assessment of sustainability by the criterion of attitude to the environment and the criterion of openness and accessibility of data are highlighted. The author noted the trend of spreading the ESG-rating principles over the past 20 years in Russia.

Keywords: digitalization trends, corporate governance, system management, ESG-rating, data availability, business adaptation, lockdown, digital technology, business evaluation principles, management quality, business drivers, sustainability.

Отличительная черта современного бизнеса — трансформация на фоне затянувшейся пандемии. Вынужденный локдаун, охвативший сотни стран по всему миру, вызвал рывок в развитии цифровых технологий и заставил переоценить отношения организаций к экономике, социальной сфере и коммуникационной среде. Перечислим основные тренды трансформации бизнеса 2020—2021 гг.: изменение качества корпоративного управления, цифровизация и digital, перенесение внимания компаний на маркетинг влияния и маркетинг территорий, особое внимание к безопасности бизнеса, эко-менеджмент, внедрение ESG-рейтинга в корпоративную культуру российских компаний.

Отметим, что за последние годы в России и за рубежом ведется активная работа по совершенствованию норм корпоративного управления. В числе наиболее сильных сторон изменения качества корпоративного менеджмента исследователи отмечают следующие направления:

- регулирование корпоративных отношений на законодательном уровне;
- прямое взаимодействие корпораций с институтами финансового регулирования РФ, например, с Банком России — по вопросам корпоративного права и управления;
- рост интереса стейкхолдеров к вопросам управления в корпорациях, например, социальное или экологическое влияние, мотивация и вознаграждение топ-менеджмента корпораций и т.п.;
- воздействие на инвестиционные решения крупных акционеров через инфоповод как средство повышения репутации бизнеса в цифровой среде и формирования позиции корпорации в ESG-рейтингах.

Основное влияние на изменения качества корпоративного управления оказывают акционеры и инвесторы, потребители, институ-

циональные структуры, регуляторы рынка, и другие стейкхолдеры рыночной конъюнктуры.

Можно выделить несколько причин, которые вызвали рост внимания к вопросам корпоративного управления в бизнесе.

Во-первых, обеспечение стабильности и безопасности рынков капитала требует прежде всего решения вопросов корпоративного управления.

Во-вторых, рациональное долгосрочное использование инвестиционного капитала компаний возможно только при прозрачной системе корпоративного управления, что подтверждено практикой современного бизнеса за рубежом и в России.

В-третьих, от компаний и современных корпораций требуется не только формальное соблюдение требований законодательства и регуляторов рынка, но и реальное соответствие нормам, потребностям и специфике бизнеса. Поэтому к драйверам корпоративного управления в бизнесе отнесем повышение требований к регуляторам деятельности компаний и выполнение ожиданий заинтересованных сторон (стейкхолдеров). Суммируем данные экспертов, исследующих ключевые тенденции развития корпораций и отечественного бизнеса в последние годы, включая период кризиса, обусловленного Covid-19. По мнению экспертов, можно выявить шесть основных драйверов трансформации современного бизнеса в России: обеспечение и защита прав акционеров и стейкхолдеров, изменения в органах управления и контроля, решение проблем управления рисками и внутреннего контроля бизнеса, совершенствование практик вознаграждения и компенсации расходов на управление бизнесом, ESG-аспекты и корпоративная культура, информационная прозрачность.

Рассмотрим список задач, которым уделяется особое внимание в период трансфор-

мации корпоративного управления в бизнесе.

1. Обеспечить защиту прав акционеров и иных стейкхолдеров при использовании цифровых и электронных средств — для участия в собраниях и повышения активности в бизнесе, что актуально также на самом высоком уровне, в совете директоров.

2. Обеспечить регулярную и объективную оценку деятельности совета директоров — на соответствие целям и стратегиям инвестирования и планирования.

3. Усилить надзор совета директоров за управлением ESG-асpekтами, акцентируя внимание на экологических и социальных факторах влияния на бизнес.

4. Усилить роль совета директоров в развитии корпоративной культуры, учесть влияние социокультурного разнообразия кадрового состава руководства корпораций.

5. Достичь прозрачности бизнес-процессов, обеспечить контроль за управлением ESG-рисками, информационной и кибербезопасностью бизнеса, обеспечить развитие методов количественной оценки нефинансовых рисков.

6. Решить вопросы мотивации вознаграждения топ-менеджмента с использованием систем Say-on-pay и метрик ESG, используемых для определения размеров вознаграждений.

7. Настроить интеграцию аспектов ESG в систему корпоративного управления, «зеленое финансирование».

8. Развивать корпоративную культуру в рамках назначения компании (corporate purpose).

9. Сделать доступной детальную и качественную информацию по ESG-асpekтам, в частности по таким вопросам, как: влияние на климат и окружающую среду, управление персоналом, взаимодействие с местными сообществами, соблюдение прав человека.

Повышение требований к открытости бизнеса в России и за рубежом качественно изменило отношение к корпоративному управлению. С возрастанием роли демократизации бизнеса в цифровой среде растет интерес

к экологическим и социальным проектам компаний. Все названные факторы требуют внедрения новых стандартов руководства при раскрытии информации об управлении экологической и социальной системой (TCFD, SASB).

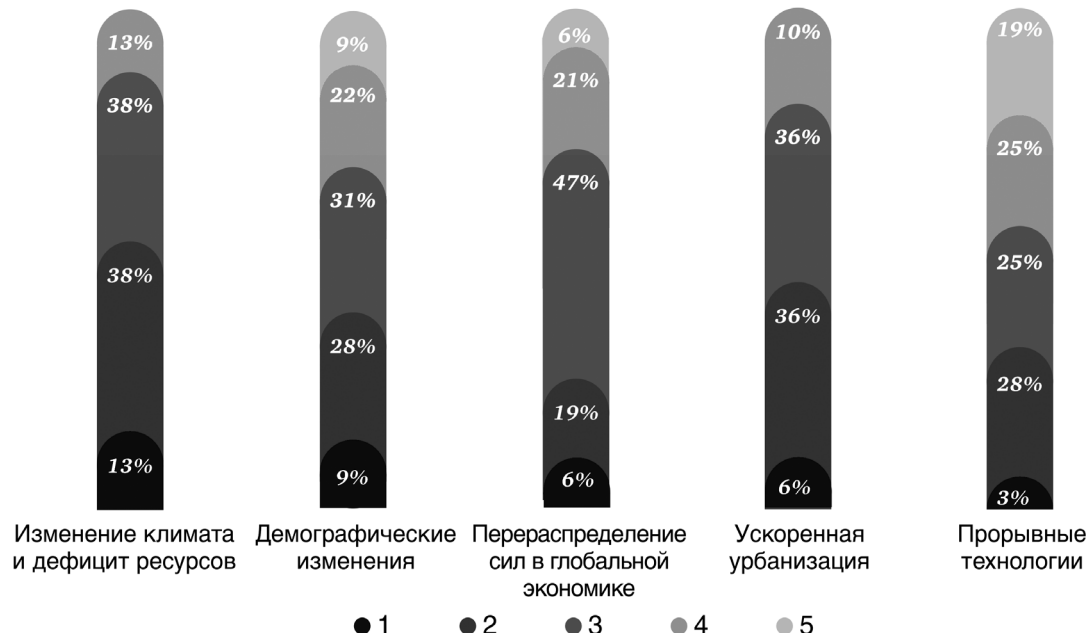
По данным экспертов бизнеса в России, в процессах трансформации компаний совет директоров играет важную роль, поскольку берет на себя ответственность за цифровизацию компаний. Это новый тренд в отечественном бизнесе. В подтверждение можно привести результаты ежегодного глобального исследования мнений совета директоров ведущих российских компаний [1].

Рассмотрим ответы на вопрос о внедрении новых технологий. Анализируют новую стратегию более 70 % членов совета директоров. Более 60 % лидеров рынка непосредственно принимают участие или готовы принять участие в процессах внедрения изменений, в том числе во внедрении цифровых технологий. Больше половины совета директоров отметили, что следят за тенденциями цифровизации и выстраивают стратегию компании в соответствии с трендами современности и эволюцией технологий (см. рис. 1 и 2). Среди основных стратегических приоритетов компании 54 % членов совета директоров единодушно выбрали увеличение доходов компании, а 50 % отметили достижение высокого качества продукции и услуг. Обратим внимание, что 11 % лидеров рынка в России отметили угрозы и риски, обусловленные трудностями внедрения изменений и новых прорывных технологий в компаниях. Однако 21 % членов совета директоров отмечают свою ответственность за создание инновационной продукции [1].

Данные 2018 г. свидетельствуют о неготовности российских компаний к переходу на цифровые технологии, но при этом является желание их внедрения. В 2021 г. существенным прорывом в этом переходе явилась эволюция цифровизации компаний. Цифровые технологии стали частью стратегии бизнеса как в России, так и за рубежом.

Что влияет на стратегию компании

Пожалуйста, оцените вероятное влияние следующих мегатенденций на долгосрочное развитие вашей компании: (оцените каждый элемент по шкале от 1 до 5, если 1 = совершенно незначительное, а 5 = очень сильное)

Есть ли у вашей компании стратегия в области цифровых технологий?

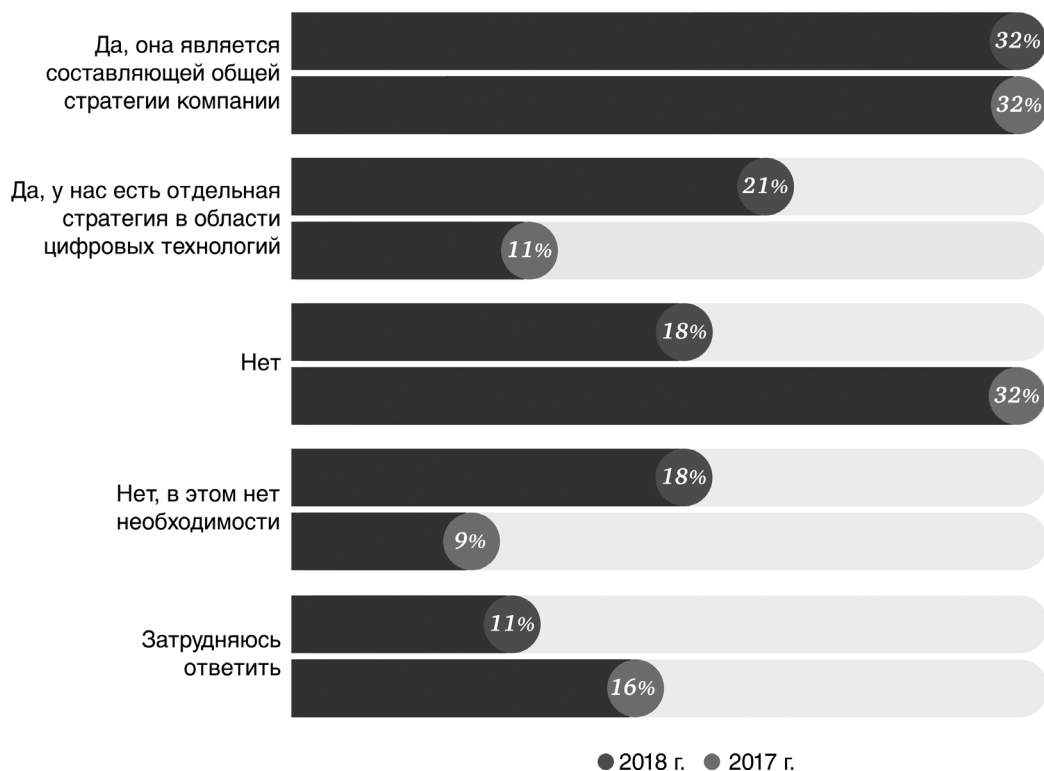

Рис. 1. Факторы влияния на стратегию компании [1]

Какие выгоды вы рассчитываете получить от инвестиций в цифровые технологии?

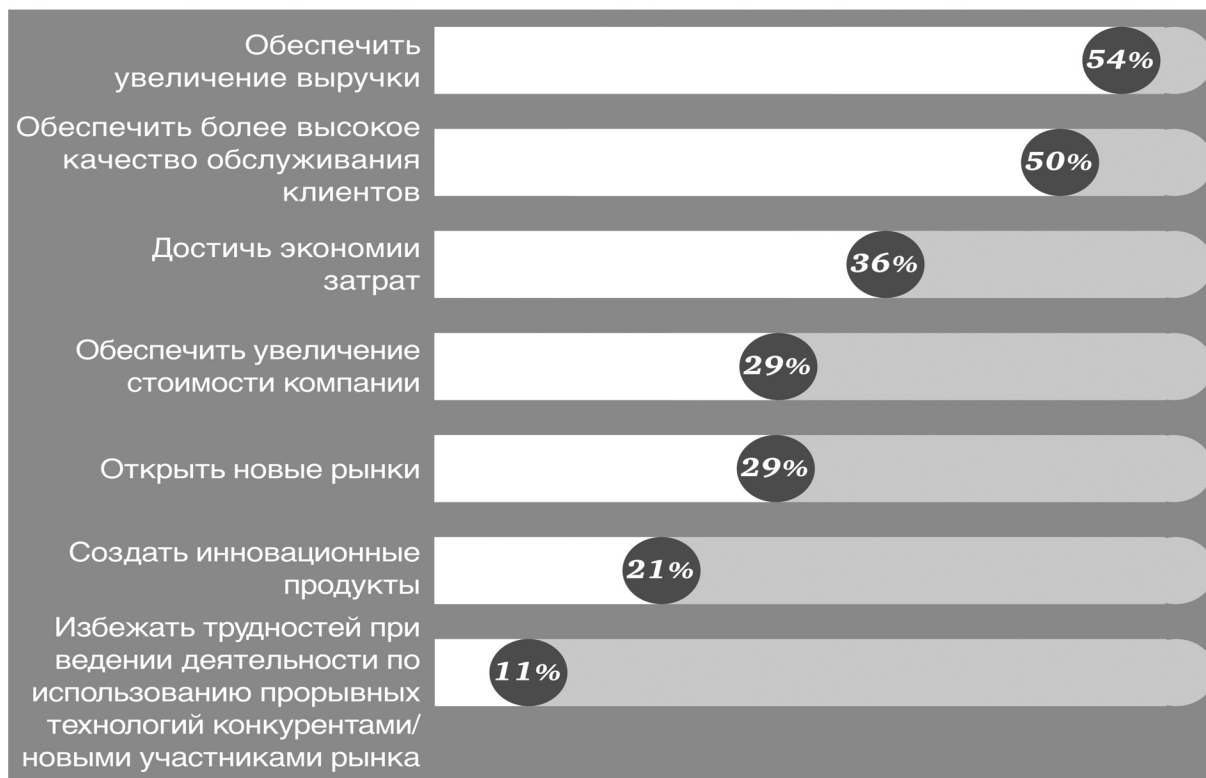

Рис. 2. Прогноз выгод от инвестиций в цифровизацию компаний [1]

Какие технологии повлияют на вашу стратегию?

Насколько сильно следующие технологии могут повлиять на стратегию вашей компании в ближайшие 2–3 года?

Рис. 3. Прогноз влияния цифровых технологий на стратегию компаний [1]

Многочисленные исследования последних лет указывают на одну из главных мегатенденций — влияние прорывных технологий на долгосрочное развитие компании.

Главные ориентиры стратегии цифровизации — увеличение прибыли и приобретение клиентского опыта. В 2016 г. эксперты PwC оценили более 150 новых технологий и разработали методику отбора наиболее полезных из них. Таким образом выделили восемь ключевых технологий, которые, по мнению экспертов, в ближайшем будущем окажут наибольшее влияние на бизнес компаний как во всем мире, так и в России. Это блокчейн, дроны, интернет вещей, роботы, 3D-печать, виртуальная реальность, дополненная реальность, искусственный интеллект [1]. В 2018 г. участники опроса — члены совета директоров — также отметили необходимость восьми драйверов стратегии современных компаний (рис. 3).

Период Covid-19 внес серьезные коррективы в цифровизацию. Кризис не только повлек за собой стагнацию в обществе, но и повлиял на появление новых технологичных трендов в бизнесе и социальной сфере. Так, удаленное обучение и запрет на общение с социальными группами, попавшими в очаг распространения инфекции, повлекли за собой становление телемедицины, онлайн-обучения, повсеместное распространение онлайн-платежей и роботизацию [2]. Сегодня к перечисленным выше трендам цифровизации, отмеченным в глобальном исследовании мнений совета директоров компаний, можно с уверенностью добавить самые востребованные технологии, без которых не обходится современная экономика: мобильные сети 5G, облачные технологии, развитие онлайн-сервисов доставки и роботизированную торговлю [3].

Мобильные сети 5G дают бизнесу расширенные возможности мобильных операторов в обслуживании клиентов, обеспечивают равное качество мобильной связи в городах и в сельской местности. Однако стоит отметить существенный недостаток этой тех-

нологии — высокая стоимость. Переход на 5G повлечет за собой увеличение затрат на устройства и связь. Поэтому вопрос о доступе к Интернету в удаленной местности продолжает оставаться открытым на фоне всемирного распространения 5G. [4]

Положительная роль 5G в адаптации экономики в период кризиса Covid-19 уже практически доказана во многих странах. Доступность широкополосной связи сегодня является частью национальной стратегии бизнеса как в развитых, так и в развивающихся странах, поскольку это комбинированный высокоскоростной способ передачи сигналов, удобный в повсеместном использовании — от народного хозяйства до образования, медицины и развлечений. Например, в Германии и США благодаря применению технологий 5G в течение трех-пяти лет сформированы новые рабочие места: в Германии — 0,968 млн рабочих мест, в США — 26 млн мест. Сегодня широкополосная сеть приносит Германии ценности в 170,9 млрд евро, а в США ежегодно привлекает инвестиции в бизнес в 70 млрд долл.

Широкополосная связь стимулировала в Европе развитие надежной коммуникационной структуры для индустрии 4.0, увеличила эффективность промышленности, создала благоприятную среду для внедрения инновационных технологий. От развитых стран отстают и страны с быстро развивающимися экономиками. Так, в Китае технология ускорила цифровизацию и экономическое развитие: только в 2020 г. внедрение 5G способствовало росту бизнеса в восьми ведущих отраслях страны. Это угольно-добывающая отрасль, черная металлургия, добыча и переработка нефти и газа, производство, общественная безопасность, портовая отрасль, транспорт и электрические сети [5].

Облачные технологии или связанные облачные серверы (общедоступные, частные, гибридные инфраструктуры) производители продолжают развивать, чтобы подстраивать технологии под новые требования компаний

и потребности физических лиц. Эволюция облачных технологий продолжается, независимо от того, что именно желают приобретать компании и их клиенты: хранилища, сетевое взаимодействие, средства безопасности или развертывание приложений. Менеджеры таких компаний, как Amazon и Alibaba, отвечая на звонок клиента, предлагают частные облачные серверы, менеджеры Google — облачные контейнеры, компании сектора b2b потребителям IT-услуг предоставляют связанные облачные хранилища. Новый востребованный термин в облачных технологиях — «мультиоблако». Особенность работы с мультиоблаком, независимо от объема контента данных и количества IT-специалистов, исходит из трех характеристик: безшовность, безопасность, плавность [6].

Онлайн-сервисы доставки составляют логистическое звено роботизированной торговли, которая сегодня носит название «цепь поставок 4.0». Причина распространения новых подходов к технологиям сервиса доставки вызвана прежде всего кризисом Covid-19, желанием быстрее адаптировать и компенсировать потери бизнеса, которые повлек за собой локдаун. Локдаун — вынужденная остановка большинства предприятий по всему миру, сокращение рабочих мест, разрыв ряда экономических взаимодействий внутри страны и на международных рынках. Основные технологии Четвертой промышленной революции: BigData, облачные технологии, интернет вещей и блокчейн — создали устойчивую систему управления цепью поставок путем соблюдения цифровой точности и стимулирования обмена данными между компаниями [5; 7].

Несмотря на ограничение межличностных коммуникаций в период карантина, продолжалось и продолжается взаимодействие бизнеса, людей, институциональных организаций благодаря цифровым технологиям и креативным усилиям, которые перенесены в онлайн-сферу. В апреле 2020 г. многие страны (191 страна) объявили о приостановке обучения

офлайн и переходе в онлайн. Технологии, используемые в онлайн-обучении, похожи на технологии, применяемые в удаленной работе, например, платформы Zoom, Microsoft Teams, социальные сети и специальные приложения. Используются инструменты виртуальной и дополненной реальности, роботы, 3D-печать, в качестве учителя — искусственный интеллект [8]. Проблемой остается то, что онлайн-обучение создает так называемое экономическое давление на родителей, особенно на женщин, которые вынуждены оставаться дома для присмотра за обучающимися детьми, что снижает их продуктивность как специалистов компаний.

Необходимо отметить рост интереса бизнеса к индустрии онлайн-развлечений. «Облачные рейвы» и онлайн-трансляции концертов стали популярными во всех странах. Объекты культурного наследия, музеи, выставки создают виртуальную продукцию и услуги. Китайские кинопроизводители сегодня выпускают фильмы онлайн. Эксперты во всем мире отмечают рост трафика в сфере онлайн-видеоигр. Сегодня можно говорить о появлении и развитии нового направления в маркетинге — видео-маркетинге, что было бы невозможно без перехода культурного сервиса на дистанционный формат и без эволюции цифровых технологий [4, 5].

Кризис Covid-19 стимулировал развитие цифровых технологий и ускорил их внедрение в бизнес и в жизнедеятельность потребителей. Кроме того, мировое сообщество сегодня подчеркивает важность инновационных подходов к управлению бизнесом во всех странах [9; 10].

В последние годы устойчивая тенденция — ответственность и экологичность, — будучи задачей государства, распространилась на сферу бизнеса, а именно на инвестиционное его направление. ESG-рейтинг компаний — один из новых трендов в этом развитии. Расшифруем ESG-рейтинг следующим образом:

E — (англ. environment) — ответственность бизнеса перед окружающей средой;

S — (англ. social) — высокая социальная ответственность бизнеса;

G — (англ. governance) — высокое качество корпоративного управления.

Очевидно, что без развития технологий и цифровизации переход на систему ESG невозможен [3].

Впервые принципы ESG были предложены и сформулированы Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном. В качестве приоритетного направления развития экономики будущего он отметил вопросы изменения климата на земле. ESG-рейтинг уже стал трендом за рубежом. Так, в 2000-х в США насчитывалось всего 20 компаний с ESG-рейтингом. К 2020 г. их число выросло до 800 компаний. Средний ESG-рейтинг за последние 20 лет удвоился во всех странах мира (США, ЕС, стран Тихо-Азиатского региона).

В России ESG-рейтинг приобрел популярность только в последнюю пару лет. В России данные принципы менее распространены, чем за рубежом. Однако есть тенденция постепенного внедрения ESG в бизнес. Так, на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) в 2021 г. внедрение одного из главных принципов ESG актуализировалось в главной теме — «Защита окружающей среды». На Форуме обсуждались проблемы снижения выбросов углекислого газа при добыче и переработке топлива, а также был поднят вопрос о новых источниках энергии. В рамках российского национального проекта «Экология» была поставлена задача к 2030 г. отправить на сортировку 100 % отходов и вдвое снизить объемы хранения мусора. По данным Форума, треть крупных банков РФ внедрила в кредитный процесс ESG-оценку компаний. В следующем году планируют внедрить ESG-оценку еще 20 % банков РФ [3].

Следовательно, ESG-рейтинг становится не только важным для финансового сектора или инвесторов, но и статусным, репутационным, имиджевым, конкурентным для организаций, которые определяют устойчи-

вость развития бизнеса. Оценка устойчивости компании на принципах ESG соответствует таким направлениям, как: социальная среда и отношение к ней бизнеса; организация управления компанией, отношение к персоналу и партнерам; эко-система компании и эко-производство. Внедрение ESG-рейтинга позволяет компаниям выявить особенности стратегической устойчивости бизнеса и определить ценность компании в конкретной экономике.

Забота компаний об экологии — это устойчивая тенденция современной экономики. Экологические принципы ESG не только определяют наличие технологий вторичной переработки и снижения опасного воздействия на окружающую среду, но и суммируют, как компания в целом относится к окружающей среде, как снижает эко-риски в производстве и формирует эко-культуру производства. Приведем ряд примеров экологического поведения бизнеса. Производитель самой популярной обуви для рабочих Timberland (известная американская торговая марка, знаменитые «желтые ботинки») в партнерстве с компанией по производству шин Omni United создали новые подошвы для обуви из переработанных автомобильных шин.

Следующая устойчивая тенденция — социализация бизнеса — в ESG-рейтинге сегодня является условием не только внешнего взаимодействия компаний с инфраструктурой рынка, с институциональными субъектами, но и основной корпоративной характеристикой эффективности и устойчивости бизнеса. Социальные принципы в ESG-рейтинге учитывают отношение корпораций и бизнеса к потребителям, партнерам и персоналу, с учетом разделения их полномочий. Например, принцип справедливости вознаграждения совета директоров и служащих подразделений учитывает не только размеры мотивации, но и прозрачность системы вознаграждения в компании в целом. Кроме того, в рейтинг принципов социализации включены оценки уровня качества труда

и безопасности труда, аспекты гендерных различий и уровень инвестирования в социальные проекты.

Так, трендом американского бизнеса в период конца 1980-х — 1990-е гг. можно назвать такие тенденции, как оптимизация расходов производства, поиск новых партнеров и сегментов с низкими затратами на труд, сетевой маркетинг, поскольку большинство американских компаний выводили свои предприятия из «зоны» дорогой рабочей силы. Например, американская компания, владеющая брендом одежды Patagonia, не имеет своего производства, поэтому не может влиять на политику материального вознаграждения персонала фабрик, на которых шьют продукцию бренда. Для решения вопроса социальной справедливости компания разработала социальную программу «Честная торговля». В рамках этой программы компания направляет часть средств с продажи продукции бренда на заработную плату работников фабрик, чтобы поднять ее до уровня прожиточного минимума. Таким образом компания подняла вознаграждение рабочим 11 фабрик из 31. Кроме того, компания бренда Patagonia остается верной своим корпоративным целям, которым следовала еще в 1970-х: сотрудники должны чувствовать себя свободно и защищенно, как в родной семье; бизнес несет перед окружающей средой ответственность и не причиняет ей вреда.

Значимость социальных принципов бизнеса в период кризиса Covid-19 усилилась. По данным Edelman — американского международного агентства по связям с общественностью и стратегическим коммуникациям, в период кризиса более 70 % потребителей могли отказаться от бренда, если узнавали, что прибыль для бренда важнее экологии в обществе [6].

В основе управленческих принципов ESG лежит исследование и оценивание прозрачности бизнеса: в рейтинг входят отчеты о заработной плате руководства компании,

условиях вознаграждений, оценка обстановки в офисе и характера корпоративной среды, отчет об антикоррупционных мерах.

Особенность ESG-рейтинга состоит в том, что значимость показателей устойчивости бизнеса определяется в соответствии с деятельностью компании или с ее отраслевой принадлежностью. Например, на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) в 2021 г. и Первом Конгрессе по ESG «ESG-(P)Эволюция» было отмечено значение особых критериев оценки для разных секторов экономики. Так, оценка экологии в большей степени важна в секторе российской энергетики, социальные критерии — более значимы для сферы услуг российского бизнеса, в развитии отечественных финансовых корпораций главную роль играют управленческие принципы. [3; 6]

ESG-рейтинг формируют независимые исследовательские агентства: Bloomberg, S&P Dow Jones Indices, JUST Capital, MSCI, Refinitiv и другие. Успешным примером практического применения принципов ESG можно считать оценки исследовательской медиа-компаниями Corporate Knights (Корпоративные рыцари). Компания производит информационные продукты для субъектов массовой коммуникации, публикует исследования и финансовую информацию, составляет корпоративные рейтинги. Работа компании ориентирована на привлечение внимания к экономическим системам, ценность которых составляют социальные, экономические, экологические выгоды и сниженные издержки, а совет директоров осознает последствия своих действий.

Среди самых известных проектов Corporate Knights — рейтинги «Топ-50 лучших граждан Канады» и «100 самых устойчивых корпораций мира». Для России становится актуальным вопрос выполнения принципов ESG-компаниями, встроенными в нашу экономику. В 2021 г. компания Corporate Knights опубликовала медиа-проект «Топ-5 компаний, лучших в мире по оценке рейтинга

ESG». Первое место заняла французская машиностроительная компания Schneider Electric, второе — датская транснациональная энергетическая компания Qrsted A/S, третье — национальный банк Бразилии Banco do Brasil SA, четвертое — финская нефтегазовая компания Neste Oyj, пятое — Международная компания профессиональных услуг в области дизайна, архитектуры и консалтинга Stantec Inc. Schneider Electric — это 100 лет присутствия в России. Сегодня данная компания неотрывно встроена в экономику нашей страны, является для нее вторым по величине рынком в Европе и четвертым в мире. Работа компании Schneider Electric в России соответствует принципам ESG. Основным критерием оценки работы компании в мире и в России стала доступность бизнеса, возможность опубликовать данные в открытой форме по трем главным направлениям: экология и вклад компании в программы защиты и восстановления экологии окружающего мира; социальные проекты и защита интересов работников компании, поддержка социальных проектов; управление компанией, в части прозрачности отчетов о вознаграждении сотрудников, финансовых отчетов, защиты и безопасности финансовых данных [3; 6; 11]. Для российских компаний этот опыт является только началом пути поиска «формулы» устойчивости бизнеса. Однако сегодня мы можем привести примеры компаний, отличившихся масштабами и международным значением качества бизнеса и продукции. Группа компаний ИЕК (занимает сектор строительства и энергетики), крупнейшая российская энергомашиностроительная компания «Силовые машины», автомобильный холдинг «Автодом», российская компания «IC» (выпускает программное обеспечение для бизнеса) и многие другие, несмотря на локдаун, заняли по оценке итогов 2021 г. Forbes место в рейтинге крупнейших компаний новичков в России. Причем все они выполняют социальные принципы в управлении и отмечены

экспертами в качестве компаний, стремящихся применять эко-менеджмент. [12]

Подводя итоги исследования, утверждаем, что в российских компаниях курс на трансформацию бизнеса определен. Наиболее явной предпосылкой этому стали требования внешней экономической среды, в частности интересы инвесторов, а также кризис Covid-19 и локдаун, определивший новое развитие бизнеса в цифровой среде. Основной интерес корпораций к трансформации бизнеса и переходу на цифровизацию определен также интересом совета директоров компаний, в первую очередь заинтересованных в развитии цифровых технологий как стратегических практик бизнеса, что подтверждают данные социологических опросов представителей совета директоров российских компаний.

Эксперты выявляют восемь основных цифровых технологий, необходимых для развития современного бизнеса: BigData, облачные технологии, блокчейн, интернет вещей, 3D-печать, виртуальная реальность, дополненная реальность и искусственный интеллект, мобильные сети 5G, онлайн-сервисы доставки и роботизированная торговля. Но тренды цифрового развития бизнеса не могут быть оторваны от системного и корпоративного управления компании. Поэтому мы отдаем ключевую роль в определении устойчивости бизнеса тренду ESG-оценки бизнеса. Сегодня его используют во многих странах, в том числе и в России. Для современных компаний ESG-рейтинг — важный фактор отношения к таким направлениям, как ответственность бизнеса перед окружающей средой (E), высокая социальная ответственность (S) и высокое качество корпоративного управления (G). Как показывают многие исследования, качественные высокие показатели ESG-рейтинга становятся важными для определения устойчивого развития бизнеса, положительной связи с клиентами и высокой оценки инвесторов.

Библиографический список

1. Корпоративное управление цифровыми технологиями. Опрос членов советов директоров российских компаний — 2018 [Электронный ресурс] / PwC. 2018. URL: <https://www.pwc.ru/corporate-governance/assets/russian-boards-survey/russian-board-s-survey-pwc-2018-r.pdf> (дата обращения 23.11.2021).
2. Восемь ключевых технологий для бизнеса [Электронный ресурс] // PwC: официальный сайт. 2016. URL: <https://www.pwc.ru/publications/8technologies.html> (дата обращения 08.10.2021).
3. Юхтенко К. ESG по-русски [Электронный ресурс] // Investing.com: цифровая платформа. 02.08.2021. URL: <https://ru.investing.com/analysis/article-200284019> (дата обращения 08.10.2021).
4. Даниелян М. Цифровизация и COVID-19: 10 технологических трендов в период пандемии [Электронный ресурс] // RBS: Rights Business Standard: [сайт]. 24.05.2020. URL: <https://rbs.partners/mediatsentr/tsifrovizatsiya-i-covid-19-10-tekhnologicheskikh-trendov-v-period-pandemii> (дата обращения 07.10.2021).
5. Левчук И. Сила цифровой экономики. Тренды цифровизации [Электронный ресурс] / Huawei Technologies Co.; Ltd. All rights reserved // Huawei: официальный сайт. URL: <https://huawei.ru/insights/sila-tsifrovoy-ekonomiki-trendy-tsifrovizatsii/> (дата обращения 07.10.2021).
6. Кондратенко М. ESG-принципы: что это такое и зачем компаниям их соблюдать [Электронный ресурс] // РБК. Тренды: [сайт]. Дата обновления 14.10.2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (дата обращения 19.10.2021).
7. Новые тенденции в секторе инфраструктуры [Электронный ресурс] / КПМГ. 2021. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2021/05/ru-ru-emerging-trends-in-infrastructure-ru.pdf> (дата обращения 23.11.2021).
8. Бендукидзе К.А. Концепция реструктуризации и ее реализация на предприятиях группы ОМЗ // Российский журнал менеджмента. 2003. № 1. С. 137—144.
9. Яковлев А. Корпоративное управление и реструктуризация предприятий в России: формальные институты и неформальные интересы собственников // Экономический журнал ВШЭ. 2003. Т. 7, № 2. С. 221—230.
10. Peev Ev. Ownership and Control Structures in Transition to «Crony» Capitalism. The Case of Bulgaria // Eastern European Economics. 2002. Vol. 40, № 5. September — October. P.73—91.
11. Schneider Electric [Electronic resource] // INTERLIGHT STORE: [сайт]. 17 декабря 2015 г. URL: [https://www.interlight.store/articles/272764;Life Is On. Schneider Electric: официальный сайт](https://www.interlight.store/articles/272764;Life%20Is%20On.Schneider%20Electric:официальный%20сайт). URL: <http://www.schneider-electric.ru/ru/> (дата обращения 23.11.2021).
12. Новички в рейтинге 200 крупнейших компаний России — 2021 // Forbes Contributor: electronic edition. 01 октября 2021 г. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/440871-novicki-v-rejtinge-200-krupnejsih-kompanij-rossii-2021> (дата обращения 23.11.2021).

Поступила 21.11.2021

Мрочко Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета (ул. Юности, 5, Москва), dr.discussion@yandex.ru

Спиридонова Галина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета (ул. Юности, 5, Москва), gspiridonova@mosgu.ru

Жук Анна Александровна — магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (просп. Вернадского, 84, стр. 1, Москва), annefarber@yandex.ru

References

1. Korporativnoe upravlenie cifrovymi tehnologijami. Opros chlenov sovetov direktorov rossijskih kompanij — 2018 [Elektronnyj resurs] / PwC. 2018. URL: <https://www.pwc.ru/corporate-governance/assets/russian-boards-survey/russian-board-s-survey-pwc-2018-r.pdf> (дата обращения 23.11.2021).

governance/assets/russian-boards-survey/russian-boards-survey-pwc-2018-r.pdf (data obrashheniya 23.11.2021).

2. Vosem' ključevyh tehnologij dlja biznesa [Elektronnyj resurs] // PwC: oficial'nyj sajt. 2016. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/stechnologies.html> (data obrashheniya 08.10.2021).

3. Juhtenko K. ESG po-russki [Elektronnyj resurs] // Investing.com: cifrovaja platforma. 02.08.2021. URL: <https://ru.investing.com/analysis/article-200284019> (data obrashheniya 08.10.2021).

4. Danieljan M. Cifrovizacija i COVID-19: 10 tehnologičeskikh trendov v period pandemii [Elektronnyj resurs] // RBS: Rights Business Standard: [sajt]. 24.05.2020. URL: <https://rbs.partners/mediatsentr/tsifrovizatsiya-i-covid-19-10-tehnologičeskikh-trendov-v-period-pandemii> (data obrashheniya 07.10.2021).

5. Levchuk I. Sila cifrovoy jekonomiki. Trendy cifrovizacii [Elektronnyj resurs] / Huawei Technologies Co., Ltd. All rights reserved // Huawei: oficial'nyj sajt. URL: <https://huawei.ru/insights/sila-tsifrovoy-ekonomiki-trendy-tsifrovizatsii/> (data obrashheniya 07.10.2021)

6. Kondratenko M. ESG-principy: čto jeto takoe i zachem kompanijam ih sobljadat' [Elektronnyj resurs] // RBK. Trendy: [sajt]. Data obnovleniya 14.10.2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (data obrashheniya 19.10.2021).

7. Novye tendencii v sektore infrastruktury [Elektronnyj resurs] / KPMG. 2021. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2021/05/ru-ru-emerging-trends-in-infrastructure-ru.pdf> (data obrashheniya 23.11.2021).

8. Bendukidze K.A. koncepcija restrukturizacii i ee realizacija na predpriyatijah gruppy OMZ // Rossijskij zhurnal menedzhmenta. 2003. № 1. С. 137—144.

9. Jakovlev A. Korporativnoe upravlenie i restrukturizacija predpriyatij v Rossii: formal'nye instituty i neformal'nye interesy sobstvennikov // Jekonomičeskij zhurnal VShJe. 2003. T. 7, № 2. S. 221—230.

10. Peev Ev. Ownership and Control Structures in Transition to «Crony» Capitalism. The Case of Bulgaria // Eastern European Economics. 2002. Vol. 40, № 5. September — October. P.73—91.

11. Schneider Electric [Electronic resource] // INTERLIGHT STORE: [sajt]. 17 dekabrja 2015 g. URL: [https://www.interlight.store/articles/272764;Life Is On. Schneider Electric: oficial'nyj sajt](https://www.interlight.store/articles/272764;Life%20Is%20On.Schneider%20Electric:oficial'nyj%20sajt). URL: <http://www.schneider-electric.ru/ru/> (data obrashheniya 23.11.2021).

12. Novichki v rejtinge 200 krupnejshih kompanij Rossii — 2021 // Forbes Contributor: electronic edition. 01 oktjabrja 2021 g. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/440871-novichki-v-rejtinge-200-krupnejshih-kompanij-rossii-2021> (data obrashheniya 23.11.2021).

Submitted 21.11.2021

Mrochko Leonid V., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theory of Advertising and Mass Communications, Moscow University for the Humanities (5 Yunosti St., Moscow), dr.discussion@yandex.ru

Spiridonova Galina V., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Advertising and Mass Communications, Moscow University for the Humanities (5 Yunosti St., Moscow), gspiridonova@mosgu.ru

Zhuk Anna A., Master's student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (84 Vernadsky Prospekt, bldg. 1, Moscow), annefarber@yandex.ru

Конкурентоспособность как инвариант профессионализма субъектов управления

А.В. Посохова

*МИРЭА — Российский технологический университет,
Институт технологий управления*

aposofova@mail.ru

Обосновывается положение о конкурентоспособности как о психологическом инварианте профессионализма субъектов управления. Раскрыто психологическое содержание принципа инвариантности, его применение в психологии. Представлено определение психологических инвариантов профессионализма, описаны их виды. Описаны личностные корреляты конкурентоспособности, предприимчивости, экономического мышления, деловой активности и деловой хватки.

Ключевые слова: инвариантность, профессионализм, конкурентоспособность, личностно-профессиональные качества, предприимчивость, экономическое мышление, деловая активность, деловая хватка.

Competitiveness as an invariant of professionalism of management entities

A. V. Posokhova

*MIREA — Russian Technological University,
Institute of Management Technologies*

aposofova@mail.ru

The position on competitiveness as a psychological invariant of professionalism of management subjects is substantiated. The psychological content of the invariance principle and its application in psychology are revealed. The definition of psychological invariants of professionalism is presented, their types are described. The personal correlates of competitiveness, entrepreneurship, economic thinking, business activity and business acumen are described.

Key words: invariance, professionalism, competitiveness, personal and professional qualities, entrepreneurial spirit, economic thinking, business activity, business acumen.

Разработка проблемы профессионализма, осуществляемая в психологии труда, психологии развития и психологии профессий, позволила выявить ряд важных психологических фе-

номенов профессионализма. Одним из них является психологическое сходство личностно-профессиональных качеств, деятельности и отношений настоящих профессионалов,

независимо от того, в какой профессиональной сфере они осуществляют свою деятельность. Данное сходство означает *инвариантность*, то есть независимость свойств от вида и специфики профессиональной деятельности субъекта. В процессе исследований были выявлены конкретные качества, присущие профессионалам, которые были названы *психологическими инвариантами профессионализма* [2].

Инвариантность — это особое свойство объекта, системы, проявляющееся в неизменности и независимости от чего-либо. Инвариантность — это способность сохранять функциональные характеристики объекта или его целостность, под влиянием внешних, сильнодействующих негативных факторов. Обладание инвариантностью обеспечивает высокую стабильность и надежность функционирования объекта. Значимость данного свойства привела к формированию методологического *принципа инвариантности*, имеющего междисциплинарное значение.

Изначально идея инвариантности нашла свое отражение в кибернетике, физике и технических дисциплинах. В психологии она получила признание из-за способности эффективно решать сложные психологические проблемы, такие как стабильность и надежность функционирования «человеко-машинных» и социотехнических систем. Было показано, что опора на принцип инвариантности целесообразна при изучении сложных объектов, активно взаимодействующих с внешней средой.

Профессиональная деятельность и взаимодействие людей, функционирование социальных систем и организаций относятся к этому объектному классу. Опора на принцип инвариантности осуществляется при разработке проблемы психической устойчивости и помехозащищенности [5]. Ориентация на данный принцип нашла свое отражение в психологии управления, где была показана возможность инвариантного управления орга-

низациями. Психологический анализ инвариантных личностно-профессиональных свойств, то есть психологических инвариантов профессионализма, позволил сформулировать следующее определение.

Психологические инварианты профессионализма — это основные качества и умения профессионала (в ряде случаев — необходимые условия), обеспечивающие высокую стабильную эффективность и надежность выполняемой деятельности, практически независимо от ее содержания и специфики [2]. Они проявляются также и во внутренних побудительных причинах, обеспечивающих активное саморазвитие субъекта профессиональной деятельности, реализацию его творческого потенциала. Установлено, что психологические инварианты профессионализма бывают следующих видов:

— *общие*, практически полностью независимые от специфики любой выполняемой деятельности;

— *особенные*, имеющие значимость только в определенной профессиональной среде (например, в системах «человек — человек» таким инвариантом является социально-перцептивная компетентность, или проницательность).

Как отмечалось, у профессионалов, независимо от вида профессиональной деятельности, эти инвариантные свойства развиты сильнее, чем у других специалистов в этой профессиональной сфере с общественно приемлемым уровнем результативности деятельности. Профессионалом становится тот, у кого развиты все общие психологические инварианты профессионализма. Следовательно, в осуществлении личностно-профессионального развития до уровня профессионализма первоочередным и преимущественным должно быть именно развитие психологических инвариантов профессионализма.

Идеи инвариантности нашли свое применение в изучении профессионализма *субъектов управления* (руководителей). В частности,

ориентация на методологический принцип единства личности и деятельности позволила структурировать психологические инварианты профессионализма руководителей в инварианты профессионализма личности и деятельности [2].

Психологические инварианты профессионализма личности руководителей (общие и особенные) включают следующие составляющие:

- силу личности;
- психологию победителя;
- волю и волевые качества;
- активность (том числе и инновационную);
- масштабность личности;
- лидерские качества;
- самоэффективность;
- высокий уровень саморегуляции;
- интуицию;
- креативность;
- психологическую компетентность.

Психологические инварианты профессионализма деятельности руководителей (общие и особенные) включают:

- способность к целеполаганию;
- умение осуществлять прогнозирование;
- умение планировать;
- умение принимать эффективные решения;
- умение контролировать;
- коммуникативные умения;
- психолого-педагогические умения.

При наличии большого личностного потенциала их можно развивать в широком диапазоне, используя психологические технологии. В проведенных исследованиях было отмечено, что представленный перечень инвариантных свойств не является окончательным.

Следует выделить еще одно инвариантное качество руководителя, необходимое в современных экономических условиях, — **конкурентоспособность**.

Известно, что главной движущей силой рыночных отношений является конкурен-

ция. Сущность конкуренции — это борьба, направленная на достижение выгоды и преимуществ (С.И. Ожегов). Конкуренция в предпринимательстве рассматривается как борьба между производителями за более выгодные условия производства и сбыта товаров, получение прибыли, то есть как экономическая конкуренция.

Отличительной особенностью деятельности субъектов управления в рыночных условиях является то, что по своему содержанию она стала близка к предпринимательской деятельности [8]. Конкуренция на рынке обусловила необходимость развития у субъектов управления специальных личностно-профессиональных качеств и умений, свойственных предпринимателям.

В первую очередь это конкурентоспособность, которая включает такие составляющие, как: предприимчивость, экономическое мышление, деловая активность и деловая хватка [7]. Рассмотрим их психологическое содержание и существующие связи. С психологической точки зрения достаточно содержательным является определение конкурентоспособности, которое дано в работах по конкурентологии, где конкурентоспособной называется «личность, для которой характерно стремление и способность к высокому качеству и эффективности своей деятельности, а также — к лидерству в условиях состязательности, соперничества и напряженной борьбы со своими конкурентами» [1]. Психологические исследования конкурентоспособности предпринимателей [8; 9] позволили уточнить данное определение. Конкурентоспособность — личностно-профессиональное свойство, проявляющееся в деятельности, поведении и отношениях субъекта, которые осуществляются в условиях противоборства или состязательности и регулируются не только целями деятельности, но и личностными смыслами и нравственными нормами. Данное определение полностью справедливо как для предпринимательской, так и для управленческой деятельности.

Конкурентоспособность присуща следующим субъектам профессиональной деятельности:

- лидерам, реализовавшим свой потенциал;
- профессионалам своего дела;
- сильным личностям, которые не боятся борьбы и умеют ее вести, способны преодолевать трудности [1].

Конкурентоспособные личности относятся к категории «сильной ресурсной группы» и позиционируются как профессионалы с высоким уровнем интеллектуальной зрелости.

Выделим общие психологические свойства конкурентоспособной личности: сангвинический тип темперамента, лидерские качества, активность, инициативность, компетентность, гибкость, целеустремленность, готовность к риску, независимость, уверенность, упорство, умение оказывать влияние на других людей [6]. Отметим, что многие из этих свойств являются составляющими психологических инвариантов профессионализма.

Конкурентоспособным в рыночных условиях принято считать руководителя, который, помимо отмеченных выше качеств, обладает обязательными качествами: предприимчивостью, деловой активностью и деловой хваткой. Рассмотрим их психологическое содержание.

Предприимчивость. В традиционном понимании это — умение предпринять что-то в нужный момент, находчивость, изобретательность, практичность (С.И. Ожегов). В психологических работах предприимчивость рассматривается как проявление деловой активности, содержанием которой являются решительные и нестандартные действия, носящие инновационный характер и дающие существенный положительный экономический эффект и прибыль. Предприимчивость рассматривается и как способность достигать предпринимательских целей за счет собственной активности,

инициативности, изобретательности и готовности к риску.

Предприимчивые (деловые) люди существенно отличаются по своим психологическим личностно-профессиональным особенностям. Признак «деловой» отождествляется сегодня с принадлежностью к конкретным профессиональным сферам: «деловой мир», «деловые круги», «деловая элита», «деловой партнер» и пр. В связи с этим сходство по признаку «деловой» стали устанавливать и в отношении того, что связано с получением дохода, прибыли. Отличие деловой личности особенно проявляется в большой активности, практическом и экономическом ракурсе мышления, направленности на достижение конкретного желаемого результата, связанного с прибылью.

Развитие предприимчивости у субъектов управленческой деятельности в рыночных условиях весьма важно, поскольку личностный аспект предприимчивости субъектов управления позиционируется как «интегративный социальный и психологический феномен», позволяющий самореализоваться в рыночных условиях при позитивном отношении к ним. Предприимчивость субъектов управления является своеобразным связующим звеном между собственно управленческой и предпринимательской деятельностью. Классифицируем психологические механизмы формирования предприимчивости управленческих кадров: социально-перцептивные, когнитивные, волевые, организационные, коммуникативные, социально-психологические и интегративные.

Одним из факторов, направляющих деловую активность и обуславливающих предприимчивость современных руководителей, является *экономическое мышление*. Обозначим формы его проявления: а) экономическое сознание; б) особенности анализа и оценки экономической ситуации и принятия экономических решений; в) приобретение и выражение экономических взглядов [7].

Первичная характеристика экономического мышления дается по способности к определению затрат и выгод, которые направляют экономическую активность. Экономическое мышление является основанием для формирования *экономической субъектности*, то есть способности оказывать влияние на процесс экономической деятельности. Экономическая субъектность присуща всем конкурентоспособным руководителям.

Деловая хватка. Это способность увидеть выгоду там, где ее не видят другие, и способность добиться ее получения [8]. Деловая хватка тесно связана с предпринимательскими способностями и предприимчивостью. Психологическими коррелятами деловой хватки являются:

- нестандартность мышления, сочетающаяся с его практичностью;
- инициативность;
- мобильность;
- активность;
- предприимчивость;
- решительность.

Считается, что деловая хватка является природно-обусловленным свойством, однако она может быть повышена за счет соответствующего обучения и освоения передового опыта в этом деле.

Деловая активность. С экономической точки зрения деловая активность — совокупность действий, направленных на экономический рост организации, предприятия, динамичность развития. Деловую активность субъекта управленческой деятельности следует рассматривать как связанную непосредственно с управлением и функциями, направленными на получение дохода, прибыли.

Деловая активность субъекта управления — личностно-профессиональное свойство, проявляющееся в уровне интенсивности поведения и деятельности субъекта управления и в результативности, использовании имеющихся ресурсов и их преумножении; свойство, основанное на внутренней инициативе

и направленное на эффективное выполнение управленческой деятельности, в том числе — по направлениям, связанным с получением прибыли [4]. Деловую активность следует рассматривать именно как деятельность, включенную в общую структуру управленческой деятельности.

Высокий уровень деловой активности сочетается с такими характерологическими особенностями, как целеустремленность, решительность, настойчивость, упорство, инициативность. Субъекты с высоким уровнем деловой активности выполняют свою профессиональную деятельность с большой эффективностью, близкой к требованиям профессионализма.

Существует три вида проявления деловой активности субъектов управления:

- познавательная деловая активность: в основном это информационно-аналитическая деятельность субъекта управления, постоянно осуществляемая по всем направлениям управленческой деятельности;
- деловая активность всех психологических функций управленческой деятельности — целеполагания, прогнозирования, планирования, принятия решений и контроля;
- деловая активность при осуществлении управленческого общения [3].

Ориентируясь на направления деловой активности субъектов управления, можно представить следующую систему:

- экономическое мышление в конкретной рыночной ситуации и экономическая субъектность, определяющие уровень и интенсивность деловой активности субъектов управления и направляющие эту активность;
- деловая активность субъектов управления как предприимчивость (проявляющаяся в предприимчивости);
- деловая активность субъектов управления как деловая хватка;
- деловая активность субъектов управления как инициативность и находчивость;
- деловая активность субъектов управления в их инновационной направленности.

Таково психологическое содержание конкурентоспособности как психологического инварианта профессионализма субъектов управления. Включение конкурентоспособности в систему психологических инвариантов профессионализма, несомненно, повысит качество профессиональной подготовки управленческих кадров и эффективность их личностно-профессионального развития.

Библиографический список

1. **Андреев В. И.** Конкурентология. Казань: ЦИТ, 2013. 468 с.
2. **Гайдамашко И. В. [и др.]** Психологические инварианты профессионализма руководителей: монография / И. В. Гайдамашко, В. Г. Зазыкин, Е. В. Пугачева. М.: Изд. центр РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина, 2018. 259 с.
3. **Гайдамашко П. С.** Психологические аспекты деловой активности субъектов управленческой деятельности // Человеческий капитал. 2017. № 5(101). С.55—58.
4. **Гайдамашко П. С., Пугачева Е. В.** Деловая активность как условие конкурентоспособности // Национальное здоровье. 2017. №3-4. С. 114—122.
5. **Зазыкин В. Г. [и др.]** Психическая устойчивость человека в особых и экстремальных условиях деятельности: монография / В. Г. Зазыкин, С. Л. Кандыбович, М. Ф. Секач, С. В. Смольский. М.: Академия военных наук: Альтекс, 2015. 727 с.
6. **Митина Л. М.** Психология развития конкурентоспособной личности. М.: МПСИ, 2002. 400 с.
7. **Позняков В. П., Ефимова Н. Ю.** Социально-психологические факторы деловой активности российских предпринимателей // Психология в экономике и управлении. 2010. № 1. С.38—43.
8. **Посохова А. В.** Конкурентоспособность предпринимателей (психолого-акмеологические аспекты проблемы). М.: Альтекс, 2014. 128 с.
9. **Посохова А. В.** Психолого-акмеологическая модель конкурентоспособности предпринимателей // Человеческий капитал. 2015. № 1(73). С.90—93.
10. **Посохова А. В.** Психологические личностно-профессиональные качества конкурентоспособных предпринимателей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2016. Т 9. №1. С.71—76.

Посохова Анастасия Владиславовна — доктор психологических наук, профессор кафедры гуманитарных и общественных наук Института технологий управления «МИРЭА — Российский технологический университет» (Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 78), aposohova@mail.ru

References

1. Andreev V. I. Konkurentologija. Kazan': CIT, 2013. 468 s.
2. Gajdamashko I. V. [i dr.] Psihologicheskie invarianty professionalizma rukovoditelej: monografija / I. V. Gajdamashko, V. G. Zazykin, E. V. Pugacheva. M.: Izd. centr RGU nefti i gaza (NIU) im. I. M. Gubkina, 2018. 259 s.
3. Gajdamashko P. S. Psihologicheskie aspekty delovoj aktivnosti sub#ektov upravlencheskoj dejatel'nosti // Chelovecheskij kapital. 2017. № 5(101). S. 55—58.
4. Gajdamashko P. S., Pugacheva E. V. Delovaja aktivnost' kak uslovie konkurentosposobnosti // Nacional'noe zdorov'e. 2017. №3-4. S. 114—122.
5. Zazykin V. G. [i dr.] Psihicheskaja ustojchivost' cheloveka v osobyh i jekstremal'nyh uslovijah dejatel'nosti: monografija / V. G. Zazykin, S. L. Kandybovich, M. F. Sekach, S. V. Smul'skij. M.: Akademija voennyh nauk: Al'teks, 2015. 727 s.
6. Mitina L. M. Psihologija razvitiya konkurentosposobnoj lichnosti. M.: MPSI, 2002. 400 s.
7. Poznjakov V. P., Efimova N. Ju. Social'no-psihologicheskie faktory delovoj aktivnosti rossijskikh predprinimatelej // Psihologija v jekonomike i upravlenii. 2010. № 1. S.38—43.
8. Posohova A. V. Konkurentosposobnost' predprinimatelej (psihologo-akmeologicheskie aspekty problemy). M.: Al'teks, 2014. 128 s.
9. Posohova A. V. Psihologo-akmeologicheskaja model' konkurentosposobnosti predprinimatelej // Chelovecheskij kapital. 2015. № 1(73). S.90—93.
10. Posohova A. V. Psihologicheskie lichnostno-professional'nye kachestva konkurentosposobnyh predprinimatelej // Teoreticheskaja i jeksperimental'naja psihologija. 2016. T 9. №1. S.71—76.

Submitted 23.10.2021

Posokhova Anastasia Vladislavovna, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Institute of Management Technologies of «MIREA — Russian Technological University» (Russia, 119454, Moscow, Vernadsky Ave., 78), aposohova@mail.ru

Поступила 23.10.2021

**Феномен тайны в контексте пандемии COVID-19
и биоэтической проблемы**

Е.А. Евстифеева, Г.В. Комаров

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

pif1997@mail.ru

Статья посвящена философской концептуализации феномена тайны в контексте пандемии COVID-19 и биоэтической проблеме коллективного благополучия. Показано, что «воля к незнанию» о коронавирусе есть некая тайна о его происхождении и последствиях и вариант человеческого конституирования. Дается обоснование того, что пандемия влечет пересмотр принципов биоэтики о справедливости, коллективном благе и личной автономии, индивидуальном здоровье человека.

Ключевые слова: тайна, пандемия COVID-19, человеческое конституирование, образ будущего, биоэтика.

**The phenomenon of secrecy in the context of the COVID-19 pandemic
and the bioethical issue**

E.A. Evstifeeva, G.V. Komarov

Tver State Technical University, Tver

pif1997@mail.ru

The article is devoted to the philosophical conceptualization of the phenomenon of secrecy in the context of the COVID-19 pandemic and the bioethical problem of collective well-being. It is shown that the «will to not know» about the coronavirus is a kind of mystery about its origin and consequences, and a variant of human constitution. The rationale is given that the pandemic entails a revision of the principles of bioethics about justice, collective welfare and personal autonomy, individual human health.

Keywords: mystery, COVID-19 pandemic, human constitution, image of the future, bioethics.

Пандемия COVID-19 дала мощный импульс для актуализации и проблематизации, объяснения и понимания гносеологического измерения феномена «тайна». Человечество столкнулось с вызовом COVID-19, который обличил «немошь» современного человека, грезившего мировым господством и технологически достигаемым бессмертием [5]. Сегодня человек со всей своей «знаниевой мощью» увидел свою «ненормальность», пытаясь взойти к «новой нормальности» [20], что в своем основании обнаруживает незнание жизнеустроения. Вирус буквально «поставил на колени» человечество, вызвав глобальные кризисы — антропологический, экономический и политический. Налицо онтологическая катастрофа, вызванная пандемией, подрыв координат нашего базового доступа к реальности. Об этом пишет С. Жижек: «Может показаться, что в такое время, как наше, когда вирус угрожает нам всем, должна бы преобладать воля к знанию, стремление полностью понять работу вируса, чтобы успешно его контролировать и остановить его распространение. Однако все чаще мы наблюдаем проявление воли к незнанию о нем слишком многого, поскольку это знание может ограничить наш повседневный образ жизни» [6, с. 73]. Проявление воли к незнанию можно связать с кризисом философии, кризисом науки, общечеловеческим кризисом, с кризисным самосознанием человечества в эпоху пандемии. Добавляем к такому рассуждению следующую констатацию: «Этиология кризисных явлений, захвативших человечество в начале 20-х гг. XXI столетия, — однозначна: это самоисчерпание, расстройство классической рациональности, навязываемой ею универсализации расчисляемо-расчетного техноцентрического способа организации самоутверждения» [7, с. 10]. Проясняя принципы философствования, В.В. Ильин говорит о недооценке «вне-разумного» (вируса), об искуплении капитальной вины разума, о провале философской мудрости, которая: «не могла предполо-

жить, что камертоном будет — антропологическая катастрофа, что управлять миром будет не высшая форма мироздания — сапиенс, а ничтожный вирус. Мир вступил в дефицитную полосу своей глобальной динамики, контролируемую не рационально расчисляемыми траекториями, а животным страхом персональной и массовой гибели» [8, с. 144]. Здесь важно акцентировать внимание на термине «катастрофа», называя катастрофой сингулярность в принятии решений, и термине «антропологическая катастрофа», в *transcriptio* с греческого обозначающем переворот, ниспровержение, гибель.

Возникают следующие вопросы. В чем состоит тайна воли к незнанию о грозном вирусном оружии? Для чего ограничивать знание о вирусе? Для того чтобы, как по Канту, освободить место вере или иррациональному? Вере как ожиданию чего? Если «ожидание — сюрреалистическая подкладка переживаемого “бытия-к-неизвестности”, осознаваемого диковинными средствами <...> опустошенного разочарования: мы знаем цену всему, но ничего не ценим» [7, с. 10]. Чтобы опознать неизвестное и ожидание как «бытие-к-неизвестности», обратимся к гносеологической версии интерпретации тайны.

Здесь заметим, что посылом гносеологического измерения тайны является онтология тайны. Тайна — есть объективная реальность, если следовать парадигме «ясности сознания» Р. Декарта. Тайна — это неприватизируемая реальность, которая недоступна для осознания и понимания. Тайна — это то, что присутствует и что разгадать нельзя. Тайна — это нечто большее, чем секрет и не то, что спрятано.

Генезис тайны связан с архаическим универсализмом загадки, когда весь мир видится как некая заданность и неявное. В энциклопедии эпистемологии и философии науки представлены следующие коннотации тайны: «ТАЙНА — нечто неизвестное и запретное, являющееся объектом познавательного интереса. Понятие «Т.» содержит в себе парадокс,

поскольку, для того чтобы проявлять интерес, надо иметь представление об объекте интереса. Разрешение данного парадокса в человеческой культуре происходит, как правило, благодаря тому, что Т. связывается с чем-либо известным как его подоплека или объяснение» [15]. Указывается на три научных подхода к пониманию тайны, в том числе тайны как сокрытого, засекреченного, закодированного знания, или тайны как информации. Такая информация известна кому-то, но неизвестна всем остальным. Исторически «тайна» как сокрытое связывается с сакрализацией бытия, феноменов реальности, со священно-сакральным отношением к бытию, против профанной реальности, с эзотеризмом. Будучи типом рациональности в культуре, эзотеризм есть знание, специально скрываемое избранным меньшинством от вульгаризации профанным большинством: эзотеризм охраняет тайну как знание, недоступное для профанного большинства (общества) [16]. Природе и сознанию человека свойственно стремление, интенция к таинственному, неизвестному, неведомому, мистическому. Непостижимыми и сегодня предстают акты рождения и смерти, в сакральной точке происходит таинственное становление живого. О невозможности проникновения в запретное, о поле как физиолого-мистическом явлении размышлял В.В. Розанов: «нет области менее освященной и даже едва ли осветимой в глубине: эпитет *тайны* — особенно приложим сюда. Неисследимое, «непознаваемое» или по крайней мере с великими усилиями и очень малыми дозами познаваемое» [13]. Смена пола, суррогатное материнство, программа ЭКО, стволовые клетки, и другие технологические продукты генной инженерии, которые «не исповедуются» гуманитарной экспертизой, породили множество неразрешимых рисков — для здоровья, жизни и выживаемости человека. К ним отнесем и вакцинацию от COVID-19. Ковидная реальность сегодня чувствуется, озвучивается, мисти-

фицируется, сакрализуется так, что к ней приложимо специально сокрытое, недоступное для большинства знание. Таинственное отсутствует в определении COVID-19 как вирусной инфекции с преимущественным поражением нервной системы. Вне юридического аспекта пока форматируются тайна глобальной власти (глобального правительства), цифровизации, ковид-вакцинации. Именно в такой проекции тайны нам видится ковидная реальность. Но тайна «ковидного бытия» как «сокрытое» обнаруживает себя в формате юридически охраняемой информации — государственной, коммерческой, врачебной, служебной

Тайна конституируется конкретным субъектом и объектом как конкретным ее содержанием. Под конституированием нами понимается способность сознания воссоздавать и продуцировать мир [11]. Для субъекта содержательное наполнение тайны имеет ценностно-смысловое значение. Содержание коррелирует со смыслообразами субъекта, с его ожиданиями, мотивами, надеждами. В нем проявляется существенная связь с личными духовными и социокультурными условиями когнитивной активности и жизнедеятельности. Объект, или конкретное содержание, может иметь примитивную прагматическую ценность для субъекта или высокий ценностный статус — определять его основные смысложизненные проекции.

Опуская обсуждение вопроса о том, кто является субъектом «ковидной тайны», внимание уделим вопросу «есть ли образ и каков смыслообраз постковидного будущего?» Обратимся к формулировке образа: «Что такое образ? Это не изображение того, что есть в пространстве, это не информация. Образ — это то, что видится в призывающем отсутствии воображаемого. Образ того, что зовет, не информирует, а вовлекает в действие. Изображение — это иллюстрация к тексту. Образ в отличие от изображения является тем способом, которым человек воздействует на самого себя во времени. Если нет образов,

то нет и действия во времени, нет и времени. Есть только движение в пространстве» [3, с. 15]. Мы разделяем точку зрения антрополога Ф.И. Гиренок в том, что конституирование образа будущего после пандемии на основе веры в сверхразум (искусственный интеллект, нейросеть или математическая модель работы нейронов) и конструирование неорганического, без чувств и сознания, кибернетически бессмертного человека — не выдерживает критики И. Канта о том, что вопрос о человеке — это трансцендентальный вопрос, а не физический или биологический [10, с. 263]. Человек — таинственное начало, его природа, сущность и существование, чувства и сознание не поддаются алгоритмизации и моделированию.

Разделяя обеспокоенность, которая «звучит» в биоэтическом дискурсе, — об ориентировании постковидного будущего на коллективное благополучие, скажем, что оно достигается на путях справедливости и безопасности, открытости и свободы, экзистенциального достоинства, а не на пути к антропологической катастрофе: расчеловечивания, «цифрового страшного суда», цифрового концлагеря с присвоением QR-кода человеку, деиндивидуализации, клипового сознания, человека без идентичности. С нашей точки зрения, это смыслообраз будущего, в котором коллективное благополучие достигается цифровизацией (построенной на фаустовском, а не на пифагорейском числе) и калькулированием всеобщей ковид-вакцинации (где вакцина — это продукт генной инженерии и предмет биоэтических размышлений),

Озвучивается тезис о том, что происходит подмена понятий «пандемия» и «вспышка коронавирусной инфекции». Торжество разума, который обыскуствен «цифрошифрошизоманией», назвал академик Ю.М. Осипов «лженаучную» ковид-пандемию еще в 2020 г.: «Нет, это не коронавирусная или ей подобная пандемия, а совершенно научная по мнимому происхождению и совершенно лженаучная по своей деятельной реальности

пандемия: речь тут о совершенно научной лженауке, называемой, нередко и с придыханием, наукометрией вкупе с современной де организацией науки! Не будем раскрывать бессознательное содержание сей веселой и одновременно скорбной «науки», как и сей новой менеджериальной технологии, с их надуманными параметрами, требованиями, показателями, рейтингами, проскрипционными списками и безапелляционными заклинаниями. Всё и всем и так понятно, кроме, разумеется, высшего правления, всё это немислимое с упоением, достойным лучшего применения, внедрившего в околonaучную, однако уверенно вредящую собственно науке, нежизнь» [12, с. 7].

Международные документы удостоверяют биоэтический принцип уважения прав и достоинства человека, оказавшегося в ситуации выбора. Принцип декларируется в 14 статье Всеобщей декларации ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека (2005) как фундаментальное право на «наивысший достижимый уровень здоровья» [17; 18].

Всемирная организация здравоохранения назвала сегодня основную общемировую проблему — отсутствие безопасных и эффективных вакцин и методов лечения — и определила этические критерии приемлемости экспериментирования с COVID-19 [19].

Пандемия COVID-19 поставила проблему нового соотношения блага коллективного здоровья и личной автономии, актуализировала традиционные биоэтические проблемы равенства и справедливости относительно доступа к ресурсам здравоохранения [14]. Можно считать, что сказанное резюмирует Ф.И. Гиренок: «После пандемии следующие принципы наблюдения за наблюдателями должны стать незыблемыми: меняться должны не люди, а институты. Бюрократии — алгоритм, народу — общину. Чиновникам — «систему социального доверия», народу — мораль. Богатым — налоги, труженикам — хозяйство. Числу — равенство, человеку — природное неравенство.

Массе — социальные перегородки, элите — самоограничение и дисциплинированный энтузиазм. Справедливость — благо, которое выше любого права. Не человек для общества, а общество для человека» [4, с. 2]. Е.В. Брызгалина считает: «Именно проблема равенства и справедливого доступа к ресурсам задала рамки биоэтики пандемии. На данном этапе пандемии человечество стихийно пересматривает отношение к правам человека как в медицинской, так и в немедицинской сферах, в первую очередь, к политическим и экономическим правам» [1, с. 52].

В итоге, гносеологическая версия понимания тайны как сокрытого верифицируется историей явления коронавируса миру, подтверждая слова С. Жижека об искушении воли-к-невежеству, о нежелании думать о естественности и неестественности, о нормальности и ненормальности, о месте человека в природе [6, с. 75]. Сегодня пандемия COVID-19 конвергирует государственную, коммерческую, медицинскую тайны о происхождении коронавируса, масштабы его распространения, ближайших и отдаленных его последствиях для биохимического, социального, психического и духовного здоровья человечества. При этом можно утверждать, что принципы уважения достоинства человека, его автономии, правдивости и конфиденциальности завуалированы.

Библиографический список

1. **Брызгалина Е.В.** Биоэтика пандемии: абрис проблемного поля // *Человек*. 2020. Т. 31, № 4. С. 41—56.
2. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека: принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 года [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО: официальный сайт. Режим доступа: <https://ru.unesco.org/themes/etika-nauki-i-tehniki/deklaratsiya-bioetika-prava-cheloveka> (дата обращения: 08.11.2021).
3. **Гиренок Ф.И.** О двух путях вхождения в числовой порядок // *Философия хозяйства*. 2020. № 4. С. 153—170.
4. **Гиренок Ф.И.** Свобода и судьба. Что мы поняли благодаря пандемии? : монография. М.: Проспект, 2021. 80 с.
5. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИГС) и трансгуманистическая эволюция. М.: Изд-во МБА, 2013. 271 с.
6. **Жижек С.** Воля к незнанию // *Логос*. 2021. Т. 31, № 2(141). С. 63—78.
7. **Ильин В.В.** Философия кризиса: самосознание человечества в эпоху катастрофических перемен // *Российский гуманитарный журнал*. 2021. Т. 10, № 1. С. 3—17.
8. **Ильин В.В.** Метафилософия. Поэтика философии: монография. М.: Прогресс, 2021. 160 с.
9. **Исупов К.Г.** Космос русского самосознания. Словарь. СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2020. 400 с.
10. **Кант И.** Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2007. 736 с.
11. **Круглов А.Н.** Конституирование // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. М.: Канон+, 2009. С. 371.
12. **Осипов М.Ю.** Лженаучная пандемия // *Философия хозяйства*, 2020. № 5 (131). Введение: С. 7—10.
13. **Розанов В.В.** Новые эмбрионы // *Религия и культура*. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 306.
14. **Тищенко П.Д.** «Время убивать, и время врачевать»: человек в ситуации пандемии COVID-19 // *Человек*. 2020. Т. 31, № 6. С. 31—49.
15. **Фрумкин К.Г.** Тайна // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. М.: Канон+, 2009. С. 952—953.
16. *Эзотеризм* // *Эзотеризм. Энциклопедия*. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. С. 971—972.
17. Convention for the protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine. Oviedo. 04.04.1997 [Electronic resource] // Council of Europe: official website. Access mode: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/164> (access date: 19.06.2020).

18. DH-BIO Statement on human rights considerations relevant to the COVID-19 pandemic. Strasbourg. 14 April 2020 [Electronic resource] / Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/inf-2020-2-statement-covid19-e/16809e2785> (access date: 23.06.2020).

19. Key criteria for the ethical acceptability of COVID-19 human challenge studies. 06 May 2020 [Electronic resource] / World Health Organization. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/331976/WHO-2019-nCoV-Ethics_criteria-2020.1-eng.pdf?ua=1 (access date: 23.06.2020).

20. Schwab K., Malleret T. Covid-19: The Great Reset. Geneva: Forum Publishing, 2020. 282 p.

Поступила 11.10.2021

Евстифеева Елена Александровна — д-р филос. наук, профессор, проректор по развитию персонала, заведующая кафедрой психологии и философии Тверского государственного технического университета (170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22), pif1997@mail.ru

Комаров Георгий Владимирович — аспирант кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета (170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22), pif1997@mail.ru

References

1. Bryzgalina E.V. Biojetika pandemii: abris problemnogo polja // Chelovek. 2020. T. 31, № 4. S. 41—56.
2. Vseobshhaja deklaracija JuNESKO o biojetike i pravah cheloveka: prinjata rezoljuciej General'noj konferencii JuNESKO po dokladu Komissii III na 18-m plenarnom zasedanii 19 oktjabrja 2005 goda [Elektronnyi resurs] // JuNESKO: oficial'nyj sajt. Rezhim dostupa: <https://ru.unesco.org/themes/etika-nauki-i-tehniki/deklaratsiya-bioetika-prava-cheloveka> (data obrashhenija: 08.11.2021).
3. Girenok F.I. O dvuh putjah vhozhdenija v chislovoj porjadok // Filosofija hozjajstva. 2020. № 4. S.153—170.
4. Girenok F.I. Svoboda i sud'ba. Chto my ponjali blagodarja pandemii? : monografija. M.: Prospekt, 2021. 80 s.
5. Global'noe budushhee 2045. Konvergentnye tehnologii (NBIGS) i transgumanisticheskaja jevoljucija. M.: Izd-vo MBA, 2013. 271 s.
6. Zhizhek S. Volja k neznaniyu // Logos. 2021. T. 31, № 2(141). S. 63—78.
7. Il'in V. V. Filosofija krizisa: samosoznanie chelovechestva v jepohu katastroficheskikh peremen // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. 2021. T. 10, № 1. S. 3—17.
8. Il'in V.V. Metafilosofija. Pojetika filosofii: monografija. M.: Progress, 2021. 160 s.
9. Isupov K.G. Kosmos russkogo samosoznaniya. Slovar'. SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ. 2020. 400 s.
10. Kant I. Kritika chistogo razuma. M.: Jeksmo, 2007. 736 s.
11. Kruglov A.N. Konstituirovanie // Jenciklopedija jepistemologii i filosofii nauki. M.: Kanon+, 2009. S. 371.
12. Osipov M.Ju. Lzhenauchnaja pandemija // Filosofija hozjajstva, 2020. № 5(131). Vvedenie: S. 7—10.
13. Rozanov V.V. Novye jembriony // Religija i kul'tura. T. 1. M.: Pravda, 1990. S. 306.
14. Tishhenko P.D. «Vremja ubivat', i vremja vrachevat'»: chelovek v situacii pandemii COVID-19 // Chelovek. 2020. T. 31, № 6. S. 31—49.
15. Frumkin K.G. Tajna // Jenciklopedija jepistemologii i filosofii nauki. M.: Kanon+, 2009. S. 952—953.
16. Jezoterizm // Jezoterizm. Jenciklopedija. Mn: Interpresservis; Knizhnyj Dom, 2002. S. 971—972.
17. Convention for the protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine. Oviedo. 04.04.1997 [Electronic resource] // Council of Europe: official website. Access mode: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/164> (access date: 19.06.2020).
18. DH-BIO Statement on human rights considerations relevant to the COVID-19 pandemic. Strasbourg. 14 April 2020 [Electronic resource] / Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/inf-2020-2-statement-covid19-e/16809e2785> (access date: 23.06.2020).
19. Key criteria for the ethical acceptability of COVID-19 human challenge studies. 06 May 2020 [Electronic resource] / World Health Organization. URL:

https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/331976/WHO-2019-nCoV-Ethics_criteria-2020.1-eng.pdf?ua=1 (access date: 23.06.2020).

20. Schwab K., Malleret T. Covid-19: The Great Reset. Geneva: Forum Publishing, 2020. 282 p.

Submitted 11.10.2021

Evstifeeva Elena A., Doctor of Philosophy, Professor, Vice-rector for Development of Personnel, Head of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University (170026, Tver, 22 Afanasy Nikitin Embankment), pif1997@mail.ru

Komarov Georgy V., Postgraduate Student of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University (170026, Tver, 22 Afanasy Nikitin Embankment), pif1997@mail.ru

Демократический и тоталитарный проекты: проблемы и противоречия

М.С. Кальней

*Национальный исследовательский университет «Московский институт
электронной техники»*

marina.kalnej@yandex.ru

В сравнительном анализе демократического и тоталитарного социальных проектов рассматриваются противоречия, связанные с демократическим и тоталитарным режимом. Утверждается, что основное противоречие тоталитарного режима — ориентация общества на полное воплощение социального идеала — на практике оборачивается полным подавлением личности и ее свобод. В свою очередь, противоречие демократического режима связано с манипулятивным характером управления, который на практике проявляется в распространении заведомо иллюзорных социальных проектов.

Ключевые слова: демократия, тоталитаризм, социальный проект, социальный идеал, манипуляция.

Democratic and Totalitarian Projects: Problems and Contradictions

M.S. Kalney

National Research University of Electronic Technology

marina.kalnej@yandex.ru

A comparative analysis of democratic and totalitarian social projects examines the contradictions associated with democratic and totalitarian regimes. It is argued that the main contradiction of the totalitarian regime — the orientation of society toward the full realization of the social ideal — in practice turns out to be a total suppression of the individual and his freedoms. In turn, the contradiction of the democratic regime is associated with the manipulative nature of governance, which in practice manifests itself in the dissemination of deliberately illusory social projects.

Key words: democracy, totalitarianism, social project, social ideal, manipulation.

Одна из основных проблем общественной мысли заключалась в рассмотрении соотношения демократии и тоталитаризма как двух типов политических режимов. Тоталитаризм рассматривается как совокупность всех отрицательных сторон человеческого бытия: ограничение экономических и политических свобод, неспособность государства обеспечить базовые экономические и социальные потребности граждан, диктат и контроль политической власти над всеми сторонами жизни индивида, широкое и бесконтрольное применение репрессивных механизмов как способ сохранения власти правящей элитой. В противоположность этому демократия интерпретируется как политический режим, гарантирующий индивидуальные свободы, обеспечивающий наилучшее удовлетворение потребностей граждан через механизмы конкуренции во всех сферах жизни, что и делает демократию оптимальным видом социального устройства.

Представляется, что рассмотрение демократического и тоталитарного социальных проектов не ограничено данной дихотомией и требует их анализа во всех их противоречиях. Общеизвестно, что неотъемлемой чертой тоталитарного проекта является подчинение общества реализации одной заранее заданной цели. Если демократия предполагает различие целевых установок отдельных индивидов и социальных групп, то общество тоталитарное формируется и существует в соответствии с одним заранее выработанным планом. Сам факт наличия единого социального проекта и выступает причиной дальнейшего ограничения сферы индивидуальных свобод. При этом обращает на себя внимание сущностное сходство указанной цели в различных тоталитарных проектах.

Для всякого типа общественного устройства очевидной целью является создание наиболее благоприятных условий для личности. В связи с этим утопические проекты выступают как образы идеального обществен-

ного устройства, обеспечивающие предельную степень общественного блага. Эта цель делает необходимым такой механизм, который приведет индивидуальное поведение в полное соответствие с общественным идеалом.

Одним из первых примеров такого проекта выступает «Государство» Платона: «Да и в самом деле, стоит только дать первый толчок государственному устройству, и оно двинется вперед само, набирая силы, словно колесо. Ведь правильное воспитание и обучение пробуждают в человеке хорошие природные задатки, а у кого они уже были, благодаря такому воспитанию они становятся еще лучше — и вообще, и в смысле передачи их своему потомству, что наблюдается у всех живых существ». [1, с. 424]. Иными словами, правильное общественное устройство способно породить, развить и закрепить положительные свойства личности.

Сходным образом Блаженный Августин в трактате «О Граде Божьем» описывает приход к идеалу общественного устройства следующим образом: «Без сомнения, тело постоянно будет там, где захочет дух, но дух не захочет ничего такого, что могло бы быть неприличным как для духа, так и для тела. Там будет истинная слава, где каждый будет восхваляться не по ошибке и не по заискиванию восхваляющего. Там будет истинная честь, которая не будет ни отрицаться у кого-либо достойного, ни предоставляться кому-либо недостойному; к ней не будет допущен ни один недостойный, так как там не будет дозволено быть никому, кроме достойных. Там будет истинный мир, где никто не будет терпеть никакой неприятности ни от себя самого, ни от других» [2, с. 1290]. Религиозный характер данного общественного идеала с той же наглядностью указывает на представление о создании такого общества, для которого следование положительным нормам поведения превратится в естественную склонность каждого.

Эти же черты прослеживаются и в коммунистическом проекте, что отражено в работе В. И. Ленина «Государство и революция»: «избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без *особого аппарата* для принуждения, который называется государством» [3, с. 43].

Таким образом, общей чертой утопических проектов оказывается представление о создании такого типа общества, в котором соблюдение социальных норм превращается в естественную потребность каждого индивида. Это служит основным фактором достижения всеобщего блага. Нарушители социальных норм начинают рассматриваться как внутренние враги, угрожающие реализации социального проекта, что делает необходимым применение против них репрессий, не ограниченных нормами правового государства. В силу этого неотъемлемой чертой утопического проекта на практике оказывается тотальный контроль над образом мыслей индивида.

Именно в этом и заключается взаимосвязь утопических проектов с тоталитарными режимами. В своем исследовании утопии и антиутопии Г. Морсон утверждает: «утопии, начиная с Платона, стремились противопоставить видимый эфемерный мир вневременному идеалу совершенного общества, обладающего высшей правдой, соответствующего природе вещей и неизбежно грядущего». [4, с. 245] В свою очередь, Д. Уилсон отмечает: «Когда писатели-утописты восторженно писали о просвещённых гражданах, которые свободно вносят вклад в общее дело, их мрачные коллеги видели народ, которому промывают мозги и который стал соучастником своего собственного уни-

чтожения. Точно так же абстрактный утопический идеал здравого смысла теперь превратился в обоснование тоталитаризма» [5, с. 175]. Иными словами, абстрактный социальный идеал, внедряемый методами массовой пропаганды и государственного насилия, неизбежно превращается в тоталитарный проект.

С этим и связано основное противоречие тоталитарного политического режима: отправной точкой его утверждения оказывается стремление к полному осуществлению социального идеала. В дальнейшем ограничиваются возможности представления массовому сознанию альтернативных социальных идеалов и связанных с ними проектов, что означает идеологическую монополию правящей элиты. Отступление индивида от норм социального идеала рассматривается как преступление против общества, что означает применение репрессивных механизмов не только к доказанным юридически действиям, но и к высказываниям, и к предполагаемому образу мыслей индивида. За счет этих факторов стремление к полной реализации социального идеала оборачивается режимом полного подавления личности.

Альтернативой тоталитарному проекту считается демократический, основанный на конкуренции социальных идеалов и выражающих их политических элит. Эту особенность демократии отметил Платон: «Пожалуй, если у кого появится желание, как у нас с тобой, основать государство, ему необходимо будет отправиться туда, где есть демократия, и уже там, словно попав на рынок, где торгуют всевозможными правлениями, выбрать то, которое ему нравится, а сделав выбор, основать свое государство» [1, с. 558].

Конкуренцию принято считать оптимальным способом существования общества, стимулирующим к достижению преимуществ через совершенствование своего продукта (материального или духовного) ради достижения конкурентных преимуществ.

ществ. Иными словами, как создатели материального продукта в экономической конкуренции с неизбежностью улучшают качество товара для привлечения покупателя, так авторы социальных проектов совершенствуют их качество для привлечения избирателя. Однако очевидно, что в реальной действительности механизмы конкурентной борьбы за потребителя включают в себя множество манипулятивных механизмов. Общеизвестно использование этих техник в сфере маркетинга и коммерческой рекламы.

В связи с этим заслуживает особого внимания механизм манипуляций в сфере политической конкуренции. Подобно тому как в коммерческой рекламе акцент смещен от продажи качеств продукта к продвижению эмоционально окрашенных образов, для политической агитации характерно воздействие не столько на рационально-логическую, сколько на эмоциональную сферу. К примеру, французский исследователь П. Розанваллон определяет классическую либеральную концепцию демократического волеизъявления следующим образом: «Всеобщее избирательное право автоматически порождает консенсусные и единодушные решения, потому что его цель — определить цену (то есть ставку) налога и потому что эта цена, как и все другие, необходимым образом приходит к равновесию благодаря механизмам политического рынка. Голосовать — значит в конечном счете выражать спрос на рынке налога. Это преодоление противоречия между принципом большинства и принципом единодушия предполагает, таким образом, ограничение политического поля и сведение его к управлению теми видами деятельности, которые необходимы для реализации экономического интереса каждого индивида (инфраструктуры, образование и т.п.). Политика сводится к налоговой сфере» [6, с. 169].

Налицо чисто рациональный характер такого подхода к выбору управленческих ре-

шений в данном социуме. Вместе с тем манипулятивные техники направлены на формирование в сознании иллюзии независимого рационального выбора. Способ формирования такой иллюзии дан в работе «Манипуляция сознанием» современного российского исследователя С. Г. Кара-Мурзы: «Природа манипуляции состоит в наличии двойного воздействия — наряду с посылаемым открыто сообщением манипулятор посылает адресату «закодированный» сигнал, надеясь на то, что этот сигнал разбудит в сознании адресата те образы, которые нужны манипулятору» [7, с. 60].

Таким образом, теневой стороной демократической системы оказывается возможность демагогического воздействия на массы, осуществляемого за счет манипуляций. Общеизвестна традиция, связывающая такое воздействие с низким уровнем интеллектуального и культурного развития масс, участвующих в избирательном процессе. Однако следует обратить внимание на то, что одной из существенных основ либеральной демократии в ее современной форме является обращение в первую очередь к материальным интересам и потребностям граждан и поиск той системы управления, которая наилучшим образом обеспечит эти интересы. Любой индивид способен осознавать свои материальные интересы и делать рациональный выбор для их наилучшей реализации, а высокий уровень социальной зрелости и ответственности избирателя позволит ему распознать заведомо неосуществимые социальные проекты.

При этом не принимается во внимание следующая сторона проблемы. Манипуляция предполагает обращение и использование тех образов и представлений, которые содержатся в сознании адресата. В частности, для создания иллюзии рационального выбора в сфере политической манипуляции используется представление о закономерностях развития общества. На этот момент указывает С. Г. Кара-Мурза: «Вера в какие-то

“закономерные нормы” и лимиты создает иллюзию простоты различения объективно необходимого и избыточного (последнее объявляется плодом волюнтаризма, тоталитаризма, пороков и т.п.)» [7, с. 232].

Иными словами, видимость научных социально-экономических концепций приводит к выбору в пользу того, что представляется простым решением сложной социальной проблемы. Наиболее ярким примером из отечественной истории служит восприятие российским социумом в 1990-е годы одной из широко известных программ социально-экономических преобразований: «Эта программа поразительно точно накладывалась на политические потребности дня, обещая выбитому из привычной колеи российскому обществу простые рецепты создания рыночного счастья. Притом — малой ценой» [8, с. 65].

Следовательно, демократический проект также имеет свои противоречия, связанные с возможностью трансформации выбора рационально обоснованных управленческих решений и их одобрения в процессе голосования в манипулятивное воздействие на сознание через иллюзорные проекты простого краткосрочного решения социальных проблем.

Таким образом, сравнение тоталитаризма и демократии позволяет сделать вывод о том, что их рассмотрение как полностью отрицательного и полностью положительного социальных проектов является односторонним. Следует также учитывать особенности их зарождения и противоречия, неотъемлемо связанные как с одним, так и с другим концептом.

Библиографический список

1. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 656 с. (Философское наследие).
2. Блаженный Августин. О Граде Божиим. Минск: Харвест, 2000. 1296 с. (Классическая философская мысль).

3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 33: Государство и революция. М.: Издательство политической литературы, 1974. 433 с.

4. Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. С. 233—252.

5. Уилсон Д. История будущего. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 286 с.

6. Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка / [Пер. с англ. И. Е. Добровольского]. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 256 с.

7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 440 с.

8. Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1997. 366 с.

Поступила 08.11.2021

Кальней Марина Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (124498, г. Москва, г. Зеленоград, площадь Шокина, дом 1), marina.kalnej@yandex.ru

References

1. Platon. Sobraie sochinenij: v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1994. 656 s. (Filosofskoe nasledie).
2. Blazhennyj Avgustin. O Grade Bozhiem. Minsk: Harvest, 2000. 1296 s. (Klassicheskaja filosofskaja mysl').
3. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. 5-e izd. T. 33: Gosudarstvo i revoljucija. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974. 433 s.
4. Morson G. Granicy zhanra // Utopija i utopicheskoe myshlenie: antologija zarubezhnoj literatury / Sost., obshh. red. i predisl. V. A. Chalikovej. M.: Progress, 1991. S. 233—252.
5. Uilson D. Istorija budushhego. M.: AST: Hranitel', 2007. 286 s.
6. Rozanvallon P. Utopicheskij kapitalizm. Istoriya idei rynka / [Per. s angl. I. E. Dobrovol'skogo]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 256 s.

7. Kara-Murza S. G. Manipuljacija soznaniem. M.: Algoritm, 2000. 440 s.
8. Gajdar E. T. Dni porazhenij i pobed. M.: Vagrus, 1997. 366 s.

Submitted 08.11.2021

Kalney Marina S., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, National Research University of Electronic Technology (MIET), (124498, Moscow, Zelenograd, Shokina Square, 1), *marina.kalnej@yandex.ru*

К вопросу об актуальности германской военно-стратегической мысли (Фридрих Великий и Ганс Дельбрюк)

А.А. Ковалев

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

kovalev-aa@ranepa.ru

Рассмотрены основные стратегические и тактические принципы Фридриха II, которые, вобрав в себя все наилучшее из стратегической мысли античности, из трактата полководца Сунь-Цзы, явились новым словом в военной стратегии Нового времени. Показана роль немецкого военного историка Ганса Дельбрюка в исследовании стратегии Фридриха II, в сравнении с концепциями Карла Клаузевица. Отмечено, что наследие военных стратегов и ученых, изучавших их опыт, применяется не только в военном, но и в государственном управлении, и в международных отношениях. Использован компаративистский подход, а также компоненты историко-логического, политологического и социологического методов анализа.

Ключевые слова: военная стратегия, Фридрих Великий, Ганс Дельбрюк, Карл Клаузевиц, стратегия уничтожения, стратегия истощения, Sachkritik, государственное управление, всемирная история, личность в истории, стратегическая мысль.

On the question of the relevance of German Military-strategic Thought (Frederick the Great and Hans Delbruck)

A.A. Kovalev

*Northwestern Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

kovalev-aa@ranepa.ru

The main strategic principles of Frederick II are considered, which, having absorbed all the best from the strategic thought from the strategic thought of antiquity, from the treatise of the commander Sun Tzu, were a new word in New Age military strategy. The role of the German military historian Hans Delbrück in the study of Frederick II's strategy, in comparison with the concepts of Karl Clausewitz, is shown. It is noted that the legacy of military strategists and scientists who studied their experience is applied not only in military, but also in public administration and in international relations. A comparative approach was used, as well as components of historical-logical, political-science and sociological methods of analysis.

Keywords: military strategy, Frederick the Great, Hans Delbruck, Karl Clausewitz, strategy of destruction, strategy of attrition, Sachkritik, public administration, world history, personality in history, strategic thought.

Достижения военной стратегии уже давно и совершенно оправданно привлекают внимание не только историков, но и философов, политологов, социологов, управленцев. Война — критическая экзистенциальная ситуация, заставляющая людей действовать на грани физических и интеллектуальных сил. Но стратегические и управленческие методы, выработанные во время войн, могут оказаться в определенных ситуациях востребованными и в мирное время, в том числе и в практике государственного управления — в особенности в кризисные периоды развития государства и общества.

Немецкая военно-стратегическая мысль по праву считается классической по качественным и количественным показателям того наследия, которое изучается, трактуется и довольно активно применяется и в современную эпоху [1]. В этой статье мы обратимся к фигурам военного стратега и его крупнейшего аналитика — к Фридриху II и военному историку Гансу Дельбрюку. Мы постараемся выяснить, что именно может быть интересным ныне из наследия этих выдающихся представителей военно-стратегической мысли, — не просто интересно как музейный раритет, но использовано и сегодня в реальной управленческой практике.

Фридрих II, король крупнейшего германского княжества Пруссии с 1740 г. по 1786 г., во всемирной истории известен как Фридрих Великий по довольно веской причине: он удвоил размер Пруссии, принес процветание подвластным ему землям и проводил Политику просвещения во время своего долгого правления. Фридрих Великий является не только одним из столпов просвещенного абсолютизма, но и одним из лучших военных теоретиков и практиков в истории. Наполеон считал его одним из величайших полководцев всех времен и ценил его за дерзость. Фридрих Великий эффективно управлял Пруссией как верховный правитель и военный лидер во время бурных европейских войн XVIII века, включая Семилетнюю войну.

В 1747 г. в возрасте 35 лет он написал «Инструкцию Фридриха Великого» для генералов прусской армии. Рукопись, признанная государственной тайной, имела такое военно-стратегическое значение, что ее распространение было ограничено, в частности — лишь среди 50 офицеров, причем «распоряжение Кабинета предписывало каждому получателю присягнуть, не брать ее с собой в поле и позаботиться о том, чтобы после его смерти она была снова передана королю хорошо запечатанной» [2].

Фридрих II предложил общие тактические и стратегические принципы и конкретные алгоритмы действия, предназначенные для высшей военной элиты страны. Подобно китайскому мыслителю и стратегу Сунь-Цзы (544—496 гг. до н.э.), автору трактата «Искусство войны» [3], он придавал большое значение интеллекту: советовал «знать своих врагов, их союзы, их ресурсы и природу их страны, чтобы планировать кампанию», более того, — иметь максимально точную информацию о собственных силах и ресурсах, а также о потенциале союзников.

Фридрих II считал, что в ведении войны численное превосходство имеет второстепенное значение и даже может навредить и сделать кампанию непрактичной в случае превышения численности войска более чем на треть в сравнении с войском противника. Он скептически относился к глубокому проникновению на вражескую территорию, поскольку это не только ослабляло силы, но и делало проблематичным поддержание линий связи. Если глубоко проникать на территорию противника, возникают проблемы с материально-техническим обеспечением армии. Фридрих II уделял большое внимание логистическому планированию, которое охватывало все аспекты планирования военной кампании. Он предпочитал абсолютной обороне наступление, поскольку дорожил линией связи (особенно в отношении средств к существованию) и боялся падения боевого духа войск, при удержании или сдаче позиций.

Отметим, что во времена Фридриха Великого дезертирство было огромной проблемой, особенно при сдаче позиций. Фридрих предоставил командующим войсками шаблон планирования кампании, объяснил планирование в нескольких сценариях. Первый сценарий включал в себя следующий алгоритм действий: генерал должен был начинать со сбора разведанных, принимая во внимание местность, чтобы определить свой первоначальный плацдарм, лучшую линию продвижения и спланировать материально-техническое обеспечение. Важно было также оценить местность с точки зрения противника: где противник мог бы устроить засаду или иным образом использовать тактику «хитростей и уловок». Этот сценарий включал защитные меры, в том числе и размещение войск для защиты уязвимых участков обороны. Добавим к этому, что когда войска противника находились в поле, Фридрих II обычно предпочитал тактику на быстрое поражение противника, если этому способствовало соотношение сил. Он понимал, что для того, чтобы втянуть противника в битву в благоприятном для прусской армии месте, могли понадобиться особые хитрости и уловки.

Второй сценарий гласил, что генерал должен был обеспечить линии связи при въезде в столицу противника и последующем изгнании войск противника из страны. Как и у Сунь-Цзы, у Фридриха II была своя версия «вершины мастерства», но она была основана на истощении врага, а не на подрывной деятельности. Для Фридриха II «величайший секрет войны и шедевр искусного полководца — морить врага голодом. Голод истощает людей больше, чем мужество, и вы добьетесь успеха с меньшим риском, чем сражаясь» [4]. Этого можно достичь, преднамеренно позволив врагу проникнуть в страну, затем отрезать его линии связи, заставив его вместо наступательных действий вести оборону. В этой форме оборонительной войны, как отмечал Фридрих II, «необходимо захватить тыл врага, или заставить

его врасплох в лагере, или отрезать его от своей страны форсированным маршем» [5].

Фридрих II предостерегал военачальников от близорукости: не достаточно сосредоточения лишь на своих действиях против врага, военачальник также должен был учитывать потенциальные действия самого врага. По его словам, «... полководец во всех своих планах должен думать не столько о том, что он хочет сделать, сколько о том, что делает его враг. Он никогда не должен недооценивать этого врага, но он должен поставить себя на его место, чтобы оценить возможные трудности и препятствия, которые враг мог бы использовать для своей выгоды; что он будет сумасшедшим при малейшем неблагоприятном событии, если он не предвидит всего и если он не изобретет средства, чтобы преодолеть препятствия» [6].

Фридрих II был большим сторонником того, что он называл древним правилом войны, а именно — концентрации силы. Впоследствии по стопам Фридриха II пойдет Наполеон, но на новой качественной стратегической основе. По словам Фридриха II, генерал должен «собрать свои силы, не создавать отрядов, а когда вы хотите сражаться с врагом, собрать все свои силы и использовать все преимущества, чтобы убедиться в своем успехе». Единственным исключением из этого правила было использование отрядов для защиты линий связи. Он предупредил, что, хотя отряды в основном используются в оборонительных войнах, эта практика должна быть сведена к минимуму.

Фридрих II знал: «мелкие» стратеги пытаются удержать все преимущества, но мудрецы крепко держатся за самое важное. Мудрые парируют большие удары и презирают маленькие неудачи. Есть древняя апофегма: тот, кто хочет сохранить все, ничего не сохраняет. Поэтому всегда жертвуйте второстепенным и добивайтесь главного! Самое главное — найти то место, где находятся главные силы противника. Добивайтесь их решительного поражения — и вражеские отряды сами

разбегутся, и тогда вы сможете охотиться на них без труда.

Так же как Сунь Цзы, Фридрих II нашел важные характеристики успешности боевых действий в целом, что во многом зависит от способностей полководца.

1. Прежде всего — это непостижимость и стойкость, умение скрывать свои истинные мысли и казаться абсолютно спокойным, когда занят в наибольшей степени. При этом чрезвычайная скрытность оправдана даже в отношении собственных офицеров — в вопросах утаивания своих истинных намерений, если это потребуется. Умение планировать операции с альтернативными вариантами развития, чтобы можно было заранее подготовиться, не разглашая реального плана до момента его выполнения. Генерал должен быть одновременно добрым и строгим в отношениях с офицерами и войсками (в зависимости от ситуации), а также трудолюбивым (иметь привычку к работе), скептически настроенным, изобретательным в своих уловках и осмотрительным в намерениях врага.

2. Еще одним сходством в стратегиях Фридриха II и Сунь-Цзы была пропаганда обмана. Фридрих II писал: «Уловки очень полезны. Это обходные пути, которые часто ведут к цели более уверенно, чем широкая дорога, идущая прямо вперед. У животных есть только один способ действия, но разумные люди обладают неисчерпаемыми ресурсами. <...> Их цель — скрыть ваш истинный замысел и поймать врага в ловушке, которую вы приготовили для него. <...> Если речь идет о захвате городов, вы ставите лагерь в таком месте, которое заставит бояться сразу два или три вражеских города одновременно. Если враг спешит на один фланг, вы бросаетесь на другой. Если нет городов, которые нужно взять, кроме какого-нибудь места, которое вы хотите захватить, то ваши уловки должны отвлекать врага от него, создавая впечатление, что вы движетесь в каком-то другом направлении» [5].

3. Фридрих II, как и Сунь-Цзы, приветствовал использование шпионов в военных целях. Лучшими шпионами он считал тех, кто служил в штабе вражеского командования. Получить разведывательную информацию можно было бы двумя способами: использовать шпионов путем подкупа, или духовенство, если его наблюдения были бы умеренными. Как заметил Фридрих II, «католические священники — лучшие шпионы, которых можно использовать. Но они, как и простые люди, настолько привыкли лгать, что преувеличивают все, поэтому на их отчеты нельзя положиться» [7].

4. Фридрих II также понимал ценность пропаганды и подрывной деятельности, особенно посредством создания направленных на это союзов. Религия, если понимать ее как средство разделения людей, в то время была особенно полезна. Фридрих II писал: «С нейтральными странами нужно дружить. Дружба нейтральной страны достигается тем, что солдаты должны соблюдать дисциплину и представлять своих врагов варварами с дурными намерениями. Если люди там [другой религии], не говорите о религии. Если они [той же религии], заставьте людей поверить, что ложная страсть к религии привязывает вас к ним. Используйте для этого священников и благочестивых. Религия становится опасным средством, когда кто-то знает, как ее использовать. Тем не менее, двигайтесь более осторожно со своими партизанами и всегда играйте в уверенную игру» [5].

5. Принцип неожиданности: «все, чего враг меньше всего ожидает, будет иметь наилучший успех». Фридрих II заметил, что достичь внезапности трудно, когда имеешь дело с хорошо осведомленным талантливым полководцем — противником, который принимает надлежащие меры предосторожности, но тем не менее понимает ее ценность и советует своим генералам быть начеку, чтобы использовать ее. Даже когда генерал ведет себя со всей осмотрительностью, все же возможно «потенциальное несчастье» (сколько вещей

он просто не в состоянии предвидеть!). Превратности погоды, неурожай, самоуправство офицеров, здоровье или болезнь войска, промахи, смерть офицера, на которого он рассчитывает, разочарование войска, разоблачение шпионов, небрежность офицеров, которые должны разведать планы врага, и, наконец, предательство.

Резюмируем наставления Фридриха Великого, во многом сходные с «Искусством войны» Сунь-Цзы. Как и Сунь-Цзы, Фридрих понимал важность хорошей разведывательной информации, приветствовал тактику обмана в операциях и шпионаж при сборе разведданных, выступал за пропаганду и подрывную деятельность, советовал знать и разрушать планы врага. Тем не менее Фридрих Великий отличался от Сунь-Цзы пропагандой стратегии истощения противника, что было для него воплощением мастерства полководца. Он считал, что именно намеренно отрезать вражеские линии связи — значит обречь войско врага на последующий за этим голод, что снизит его боевой дух и принудит сдаться.

Руководство Фридриха Великого и других великих стратегов должно быть умеренным в контексте войны в его эпоху. Как отметил израильский военный историк Азар Гат, «война восемнадцатого века, сформированная характером абсолютистской государственной и кабинетной политики, была нерешительной и в ней решающую роль играли осады, маневры и финансы» [8]. Французская революция обеспечила бы совершенно иной политический контекст, который изменил бы сам способ создания армий и реализовал бы патриотическую преданность народа своему государству. Тем не менее примечательно, что на данный момент в истории наблюдается такой же консенсус по стратегическим принципам и по стратегиям.

Разумеется, в современную эпоху информационных и гибридных войн слова Фридриха Великого «война решается только

битвами, и она не заканчивается ничем, кроме них» могут показаться несколько устаревшими (либо устаревшими для современной эпохи...). Тем не менее взгляды Фридриха Великого на военную стратегию привлекали внимание огромного количества историков, политиков и социологов. В оживленной научной дискуссии по вопросам его стратегии приняли участие виднейшие ученые, среди них был немецкий военный историк Ганс Дельбрюк (1848—1929 гг.), принципы которого выступают своеобразным связующим звеном между стратегическими концепциями Нового времени и представлениями современной эпохи.

Именно Ганс Дельбрюк, стремившийся органично включить военную историю в канву всеобщей истории, на рубеже XIX и XX столетий внес большой вклад в современное понимание стратегии, расширяя и подвергая конструктивной критике концепции Карла Клаузевица о стратегиях уничтожения и истощения — в своей четырехтомной «Истории военного искусства» [9]. Дельбрюк рассматривал военное дело как одну из составляющих культуры общества, способную к эволюции под влиянием экономики и политической системы. Он также известен своим вкладом в *Sachkritik* (с нем. — критика по существу дела), это — научно-ориентированная методология проверки исторических фактов, с ее помощью представленные ранее совершенно неточно исторические свидетельства очевидцев могли быть исправлены посредством тщательной проверки поля боя, географических особенностей, знания тактики и возможностей времени.

Сам Дельбрюк неплохо разбирался в военном деле: он знал, сколько может пройти в день нагруженный поклажей пехотинец, какова маневренность всадников, знал и прочие конкретные фактические данные. *Sachkritik* была для Дельбрюка методологией, с помощью которой он проверял точность описания прошлых сражений. Она была эпохальным вкладом, который разрушил многие ис-

торические мифы античности, Средневековья и Нового времени, особенно относящиеся к ожесточенности и масштабу сражений. С помощью простых методов — посещения мест сражений и подсчета количества войск, которые могли непосредственно поместиться на местности, согласно численности, — Дельбрюк смог свидетельства очевидцев о преувеличенных силах войск свести к более разумным цифрам, дать более точные отчеты об исторических сражениях, внося уточнения в политическую и экономическую историю. Например, Дельбрюк сделал вывод о том, что превосходство римских армий над войсками варваров базировалось не столько на дисциплине и более совершенной тактике, сколько на безупречно налаженном снабжении римских войск.

Используя принцип *Sachkritik*, Дельбрюк представил пересмотренные отчеты о сражениях и новые идеи в «Истории военного искусства», имея целью проиллюстрировать «тесное взаимодействие между тактикой, стратегией, национальной организацией и политикой», чтобы пролить свет «на отношения этих предметов к универсальной истории...» [10].

Дельбрюк провел теоретическое различие между двумя основными стратегиями ведения войны: *Niederwerfungsstrategie* — стратегией уничтожения (дословно переводится как стратегия «избиения») и *Ermattungsstrategie* — стратегией истощения, то есть изматывания врага. Основы этих стратегий были найдены им в книге Карла фон Клаузевица (1780—1831 гг.) «О войне», которая оказала глубокое влияние на Дельбрюка [11]. Но именно эти стратегии применял в своих сражениях Фридрих II, творчески сочетая их элементы, о чем и писал Дельбрюк в своей работе «Стратегия Перикла в сравнении со стратегией Фридриха Великого» [12].

Дельбрюк пришел к выводу, что Фридрих больше придерживался стратегии измора, поэтому навлек на себя сильную критику. Дельбрюк убедительно доказывал,

что обе стратегии достижения победы равнозначны, но отмечал, что со времен наполеоновской эпопеи и до Первой мировой войны военные теоретики разрабатывали именно теорию уничтожения врага практически — как единственно возможную стратегию.

Стратегия уничтожения, которая доминировала в мышлении военных теоретиков во времена как Клаузевица, так и Дельбрюка, предусматривала главную цель войны — уничтожить силы противника путем решающего сражения. Согласно Дельбрюку, «первым естественным принципом любой стратегии было собрать свои силы, найти главные силы врага, победить его и продолжать победу до тех пор, пока побежденная сторона не подчинится воле победителя и не примет его условия» [9]. Это была однополюсная стратегия, полностью сосредоточенная на сражении (в двухполюсной стратегии другим полюсом был хитроумный и продуманный маневр). Однополюсная стратегия сражения благоприятствовала стороне с военным превосходством, то есть непосредственно в сражении преимущество было на стороне превосходящей по численности армии.

Однако Дельбрюк (как и Клаузевиц) предложил, что в некоторых случаях, будь то ограниченные цели или неадекватные военные средства, стратегия истощения не только может быть использована, но и даже может быть предпочтительнее в некоторых ситуациях.

Дельбрюк писал: «... можно не столько надеяться на полное поражение врага, сколько на его изнурение и истощение ударами и разрушениями всех видов до такой степени, что в конце концов он предпочтет принять условия победителя, который в этом случае всегда должен проявлять определенную умеренность» [13]. В этом подходе сражение и маневр, описанные как два полюса военной стратегии, использовались в течение долгого времени, чтобы истощить силы противника. Решающее сражение требовалось предотвратить тогда, когда исход его в это

конкретное время и именно в этом месте мог оказаться нежелательным. Но сражение тем не менее все еще рассматривалось как часть стратегии истощения. Нужно было обладать великим даром предвидения, чтобы принять решение держать бой, поскольку победа с недопустимо большими потерями — это победа пиррова.

Стратегия истощения противника предполагала ряд эффективных средств, включая территориальную оккупацию, операции «рубить и сжигать» и блокаду.

Как и Клаузевиц, Дельбрюк мало заботился о стратегии маневра. Вот как это видел Дельбрюк: «Возможность форсировать действия противника до такой степени, даже без боя, что он примет условия, которых добивается наша сторона, приводит в конечном счете к чистой маневренной стратегии, позволяющей вести войну без кровопролития. Такая чисто маневренная стратегия, однако, является лишь диалектической игрой, а не реальным событием в военной истории. Даже если одна сторона действительно предложит такой способ ведения войны, она все еще не знает, будет ли другая сторона думать таким же образом, и продолжит ли она реализацию таких идей. Поэтому возможность принятия решения в бою всегда остается на заднем плане, даже у тех командиров, которые хотят избежать кровопролития».

В продолжение всего текста «Истории военного искусства» Дельбрюк вначале проверяет фактологию истории великих сражений, прежде чем обратить внимание на оценку стратегий этих войн — от Пелопоннесской войны до Наполеоновских войн. Например, он хвалит Перикла за использование стратегии истощения против Спарты в первой Пелопоннесской войне. Дельбрюк утверждает, что Перикл прав, избегая решающего сражения с превосходящими сухопутными силами Спарты, но участвуя в «войне без решения, через простое истощение». Он описывает конечную игру стратегии как зависящую от того, «кто был первым истощен»,

а именно от того, «кто первым достиг точки, когда он больше не сможет переносить боль».

Несмотря на исторические свидетельства, подтверждающие изложенные Дельбрюком факты стратегии истощения, современники и военные практики в то время громко порицали его труд как чисто ревизионистское сочинение, не только неправильно истолковывающее историю, но и выступающее опасной, если не ошибочной, альтернативой истинной и предпочтительной стратегии уничтожения [14; 15]. Тем не менее Ганс Дельбрюк расширил возможности для размышления о стратегиях, отличных от стратегии уничтожения после наполеоновской эпохи.

В труде «Рассвет современной войны» Ганс Дельбрюк писал: «Естественный принцип стратегии состоит в том, чтобы <...> собрать свои силы, найти главные силы противника, победить его и продолжать победу до тех пор, пока проигравший не подчинится воле победителя и не примет его условия...». Этот принцип, используемый со времен античности, был с блеском развит и усовершенствован Фридрихом Великим и впоследствии — Наполеоном.

Вместе с тем не только на военном поприще применяются заветы и наследие военных стратегов, но и в чисто гражданском и государственном управлении. Человеческая природа во все века и в схожих условиях одинакова. Не только война порождает и обостряет экзистенциальные ситуации, хотя печальная пальма первенства в этом принадлежит именно ей. В государственном управлении и в международных отношениях, как и в военном деле, широко применяются военные тактики: обман, диффамация, сбор информации о политических оппонентах и намеренное введение их в заблуждение, прочие разнообразные уловки и хитрости. По сути дела, стратегия уничтожения и стратегия изматывания противника применяются, но не в чистом виде, ибо это невозможно в мирной жизни. Компоненты этих страте-

гий используются в реальной политике и практике государственного управления и по сей день.

Библиографический список

1. *Milevski L.* The Evolution of Modern Grand Strategic Thought. Oxford University Press, 2016. 175 p.
2. *Frederick the Great.* Instructions for His Generals. Courier Corporation, 2012. 112 p.
3. *Сунь-цзы.* Искусство войны. М.: Litres, 2019. 2007 с.
4. *Фридрих Великий.* Инструкции и приказы для кавалерии короля Пруссии Фридриха Великого. Санкт-Петербург: типо-лит. «Энергия», 1903. 95 с.
5. *Ненахов Ю.Ю.* Войны и кампании Фридриха Великого. Минск: Харвест, 2002. 815 с.
6. Кони Ф.А. История Фридриха Великого. Санкт-Петербург: М.К. Липс, 1844. 751 с.
7. *Мюльбах Л.* Фридрих Великий и его двор: Историч. роман. Санкт-Петербург: типо-лит. П.И. Шмидта, 1883. 552 с.
8. *Azar G.* The Causes of War and the Spread of Peace: But Will War Rebound? Oxford University Press, 2017. 303 p.
9. *Дельбрюк Г.* Всеобщая история военного искусства в рамках политической истории: [войны античного мира. Римские завоевания. Средневековые междоусобицы. Европейские конфликты. Войны Нового мира]. М: Эксмо, 2008. 862 с.
10. *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. Новое время. СПб.: Наука; Ювента, 1997. 367 с.
11. *Клаузевиц К.* О войне. М.: Наука, 1997. 446 с.
12. *Меринг Ф.* Очерки по истории войны и военного искусства. М.: Юрайт, 2019. 376 с.
13. *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Том 3. Средневековье. СПб.: Наука; Ювента, 1996. 450 с.
14. *Возненко В.В., Круглов Л.Л., Кирьян М.М.* История военного искусства. М.: Воениздат, 1979. 367 с.
15. *Разин Е.А.* История военного искусства.

Т. 1. СПб.: Полигон, 1999. 562 с.

Поступила 08.11.2021

Ковалев Андрей Андреевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43), kovalev-aa@ranepa.ru

References

1. Milevski L. The Evolution of Modern Grand Strategic Thought. Oxford University Press, 2016. 175 p.
2. Frederick the Great. Instructions for His Generals. Courier Corporation, 2012. 112 p.
3. Sun'-czy. Iskusstvo vojny. M.: Litres, 2019. 2007 s.
4. Fridrih Velikij. Instrukcii i prikazy dlja kavalerii korolja Prussii Fridriha Velikogo. Sankt-Peterburg: tipo-lit. «Jenergija», 1903. 95 s.
5. Nenahov Ju.Ju. Vojny i kampanii Fridriha Velikogo. Minsk: Harvest, 2002. 815 s.
6. Koni F.A. Istorija Fridriha Velikogo. Sankt-Peterburg: M.K. Lips, 1844. 751 s.
7. Mjul'bah L. Fridrih Velikij i ego dvor: Istorich. Roman. Sankt-Peterburg: tipo-lit. P.I. Shmidta, 1883. 552 s.
8. Azar G. The Causes of War and the Spread of Peace: But Will War Rebound? Oxford University Press, 2017. 303 p.
9. Del'brjuk G. Vseobshhaja istorija voennogo iskustva v ramkah politicheskoi istorii: [vojny antichnogo mira. Rimskie zavoevanija. Srednevekovye mezhdousobicy. Evropejskie konflikty. Vojny Novogo mira]. M: Jeksmo, 2008. 862 s.
10. Del'brjuk G. Istorija voennogo iskustva v ramkah politicheskoi istorii. T. 4. Novoe vremja. SPb.: Nauka; Juventa, 1997. 367 s.
11. Klauzevic K. O vojne. M.: Nauka, 1997. 446 s.
12. Mering F. Ocherki po istorii vojny i voennogo

iskusstva. M.: Jurajt, 2019. 376 s.

13. Del'brjuk G. Istorija voennogo iskusstva v ramkah politicheskoy istorii. Tom 3. Srednevekov'e. SPb.: Nauka; Juventa, 1996. 450 s.

14. Voznenko V.V., Kruglov L.L., Kir'jan M.M. Istorija voennogo iskusstva. M.: Voenizdat, 1979. 367 s.

15. Razin E.A. Istorija voennogo iskusstva. T. 1. SPb.: Poligon, 1999. 562 s.

Submitted 08.11.2021

Kovalev Andrey A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (199178, St. Petersburg, Middle Ave. V.O., d. 57/43), *kovalev-aa@ranepa.ru*

Аксиологические основания феномена лидерства

Д.В. Корнюхов

Донецкий национальный университет, Донецк

kornuhovd@gmail.com

Статья посвящена изучению лидерства как сложного и многоуровневого феномена, оказывающего значительное влияние на жизнь общества. Рассмотрены аспекты аксиологии лидерства, а именно взаимовлияние личности лидера и личностного развития членов организации, взаимодействие в общении, смысловое содержание деятельности лидера и организации. Сделан акцент на связи между аксиологическими основаниями лидерства и стилем лидерства. Сделан вывод, что лидерство, основанное на ценностях, выходит за пределы бытия личности лидера, а потому может изменять не только конкретную ситуацию, но и жизнь организации или сообщества. Истинное лидерство формирует высокую деловую и коммуникативную культуру и направлено на прогрессивные социальные трансформации.

Ключевые слова: лидер, лидерство, ценности, общество, общественное мировоззрение, философия.

The axiological background of the phenomenon of leadership

D.V. Kornukhov

Donetsk National University, Donetsk

kornuhovd@gmail.com

The article is devoted to the philosophical analysis of the value foundations of leadership as a complex and multi-level phenomenon that has a significant impact on the life of society. The following aspects of the axiology of leadership as the connection between the personality of a leader and the personal development of members of the organization, have been considered; interaction in communication; the semantic content of the activities of the leader and the organization. The emphasis has been made on the connection between the axiological foundations of leadership and the style of leadership. It has been concluded that only value-based leadership is true leadership aimed at progressive social transformations and the formation of a high business and communication culture. Leadership based on values goes beyond the limits of being the personality of the leader himself and is aimed at deep transformations that change not only a specific situation but possibly the life of an entire organization or community.

Keywords: leader, leadership, values, society, social worldview, philosophy.

Лидерство — древний, сложный и многоуровневый феномен, изучаемый в контексте политической и исторической науки, а также в психологии, социологии и социальной философии. Потребность в эффективном и грамотном лидерстве и связанном с ним управлении сегодня важна как никогда ранее. Наравне с развитием новейших компьютерных технологий постепенно снижается общественный интерес к масштабным социально-политическим объединениям (партиям, организациям) и возрастает внимание к личности конкретных лидеров. Поскольку лидеры во многом определяют аксиологическую сферу общественного сознания, усиливается ценностное значение феномена лидерства.

Вопрос о природе и функциональном наполнении лидерства наращивает свою актуальность, в последние десятилетия он является одним из самых исследуемых вопросов для многих социально-гуманитарных наук, таких как социология, политология, психология, экономика и теория управления. Лидерству посвящены работы Е. Дунаева [1], С. Коробковой [2], С. Мажкенова [3], В. Никонова [4], R. Barrett [5], D. Bauman [6], N. Clarke [7], J. Keyser [9], S. Reese [10], M. Turkkahraman [11] и др. Среди них неоправданно мало исследований, использующих философское знание. Именно философия способна наиболее целостно обобщить результаты исследований, вывести аксиологические и мировоззренческие основания лидерства и дать наиболее интегральный и системный анализ этой проблематики.

В ходе обобщения десятков существующих в научной литературе дефиниций В. Никонов выводит определение лидерства: «способность опережать других и вести их за собой» [4, с. 7]. В этом определении проявился очень важный аспект феномена лидерства — лидерство как путь формирования ценностей. Лидер не только воплощает общественные ценности и идеалы, но и формирует их, выступает их творцом.

Трактовка понятия ценности представляет собой сокращенный путь описания того, что является значимым для личности и социума на определенном этапе его развития [10, с. 324]. К универсальным ценностям современности относятся: свобода, безопасность, права человека, честность, открытость, сострадание и др. Ценности детерминируют поведение людей, которое, по сути, выступает внешним следствием ценностно-нормативных мировоззренческих установок личности [1, с. 135]. Как фактор воздействия личности на систему отношений, ценности могут быть *открытыми или ограничительными*. Открытые ценности — это дружба, любовь, доверие, творчество и др. К ценностям, которые потенциально ограничивают поведенческие ориентиры, относятся: статус, соблюдение правил, санкции за нарушение правил и т.п. Роль ценностей в жизни социума весьма важна, поскольку они обеспечивают социальное единство, безопасность и способствуют решению управленческих задач. Вместе с тем они часто становятся причиной конфликтов, приводят к разрыву социальных связей, нарастанию напряжения и отчуждению. Частое привлечение для убедительности потенциально ограничивающих ценностей приводит к неудачам и социальному разобщению, поскольку в конечном итоге базируется на страхе и эгоизме [5, с. 152].

Глубинное ценностно-мировоззренческое значение лидерства заключается в деятельности, которая приносит пользу обществу, важнейший критерий — в конструктивном влиянии лидера на поведение участников его группы. При этом первостепенное значение имеет личный пример, конкретные поступки, а не только устные призывы или кодифицированные инструкции. Акцент на этом был сделан даже в тексте Библии, которая вне религиозного прочтения выступает собственно центральным текстом, содержащим основные ценности европейской цивилизации. Так, в Новом Завете есть слова: «По плодам их узнаете их.

Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?» (Мф. 7:16). Фактически здесь речь идет о духовном лидерстве, и подчеркивается, что истинное лидерство проявляется в практической плоскости, в делах и их результатах (плодах).

Обратим внимание на лидеров в современных общественных структурах и организациях. Эффективность их деятельности, а также мера внутренней консолидации возглавляемой ими группы непосредственно зависит от того, насколько ценности, декларируемые лидером, совпадают с его действиями и способами достижения тех или иных практических результатов. Например, всемирно известная компания «Джонсон и Джонсон» сняла с производства капсулы Тайленола, когда обнаружила в этом препарате следы цианида [12, с. 592—594]. Руководитель фирмы Дж. Э. Берк тогда сделал официальное заявление о том, что для компании важно продемонстрировать, что были предприняты все возможные шаги для защиты людей. Другой пример связан с Э. Дж. Харнесом, возглавлявшим «Проктрер энд Гэмбл»: «Руководство компании обязано использовать весь свой талант, чтобы отдавать наивысшие приоритеты прибыли и развитию. Однако ему нужно также иметь достаточно широкие взгляды, чтобы в интересах своей компании осознать важность выполнения компанией любого разумного ожидания, сформировавшегося по отношению к ней внутри местного сообщества и различных заинтересованных слоев общества. Открытое признание приоритетов и социально ответственное поведение обеспечивают компании достижение важных вторичных целей. Прибыльность и развитие идут бок о бок с честным отношением к работникам, потребителям всех уровней и местному сообществу» [2, с. 8]. Таким образом, реакция компании на угрозу репутации иллюстрирует ценностные основания лидерства. Однако коллективное в границах социальности объединяет индивидуальное.

Ценностно-ориентированный лидер — это человек, мировоззрение которого строится на четких этических принципах, нормах, ценностях и идеалах, путем трансляции которых он способен вдохновить окружающих, мотивировать их поведение. При этом не всегда ценности, транслируемые лидером, изначально соответствуют общественным ожиданиям. Но в любом случае лидер должен осознавать, что его личные ценности влияют на корпоративные ценности той социальной организации, которая на него ориентируется. Без осознанного лидерства нет осознанного управления.

Зачастую административные системы предполагают некоторую обезличенность и нейтральное отношение к индивидуальным особенностям сотрудников. Но не учитывать личностный фактор в управлении также нельзя. Здесь следует соблюдать меру, причем она во многом определяется интуитивно: чрезмерно строгое соблюдение правил и норм приводит к формализации межличностных отношений, что негативно отражается на рабочем процессе и психологическом климате. Недооценка роли служебной иерархии также негативно отражается на эффективности рабочего процесса (за редким исключением, когда речь идет о сплоченном коллективе профессионалов, где индивидуальные цели каждого совпадают с общими целями организации).

Влияние и власть руководителя опираются на два основных фактора: правовой статус и общественный авторитет. К лидерству непосредственное отношение имеет именно второй фактор. Так, руководитель организации может иметь легитимный статус, но не иметь достаточного авторитета для того, чтобы быть лидером и вести за собой людей, вдохновлять их и пользоваться их доверием и уважением.

Лидер для осуществления эффективного руководства использует не только прямые директивы, но и ценности, представленные в форме образов и картин воображения, —

обрисовывает горизонты развития организации, коллектива и возможные пути личностной самореализации его членов. Это вдохновляет сотрудников, ориентирующихся на данного лидера, и мотивирует к созидательной активности.

Важнейшей ценностью, которая транслируется лидером, выступает ценность межличностного общения и взаимопонимания. Именно благодаря культуре общения и кооперации стали возможны достижения человеческой цивилизации. Вместе с тем низкая степень коммуникативной культуры приводит к боязни брать на себя ответственность, к нежеланию обсуждать проблемы и конфликтные ситуации, взращивает равнодушие к общему делу, людям и окружающему миру в целом.

В любом социокультурном контексте и в любой ситуации лидер несет моральную ответственность за направляемое им общество и должен демонстрировать собственным поведением такие ценности, как честность, гуманизм и трудолюбие. Именно ценности выступают главным руководством в жизни каждого человека и мировоззренческим основанием лидерских компетенций [9]. Поведение лидера определяется его внутренними ценностями; на их основе личность формирует видение глобальной цели, которое в дальнейшем согласуется (гармонизируется) с целями организации [3, с. 31].

Выделим три аспекта практической реализации аксиологических оснований феномена лидерства.

1. *Взаимосвязь личности лидера и личностного развития членов организации.* Если рассматривать эволюцию организации с позиции социальной психологии, то она начинается с группы, в которой постепенно формируются собственные ценности, нормы и социальные роли. Далее, высшей формой развития группы становится коллектив, главным признаком которого является совпадение личностных целей каждого его члена с групповыми целями. Далеко не каж-

дая группа в своем развитии достигает высшей формы. Лидерство выступает одним из главных направляющих факторов на пути эволюции. Для того чтобы создать из группы коллектив, лидеру необходимо знание не только профессиональной подготовки и навыков сотрудников, но и мотивов и ценностей, которые движут ими как личностями. Осознание этого помогает лидеру построить деятельность организации таким образом, чтобы у каждого сотрудника появилась возможность максимально полно реализовать свой личностный потенциал. Как справедливо отмечает Н. Кларк, там, где у сотрудников есть страсть, у них есть наибольший потенциал работать, учиться и расти [7, с. 327]. В то же самое время ситуации в жизни организации, требующие от ее членов идти на компромисс со своими моральными убеждениями, способны легко разрушить их самоидентификацию с организацией и ее лидером.

2. *Взаимодействие в общении.* Лидерство предполагает осознание ценности общения и кооперации. Часто лидеры ставят командный дух, взаимную поддержку и коллективизм выше индивидуализма. Помимо использования сильных сторон отдельных сотрудников, лидер стремится максимально полно использовать сильные стороны всей команды, что невозможно без высокого уровня групповой сплоченности. В этом контексте групповое благо доминирует над благом узко индивидуальным. При этом очень важно внимание и глубокое участие лидера в рабочем процессе. Если лидер занимает только позицию «над» группой и недооценивает важную роль участия в ее деятельности, то его лидерская ценность неизбежно снижается. Только через открытое общение, построенное на принципах демократизма и взаимного уважения, обе стороны (лидер и группа) могут понять позиции друг друга, а следовательно, развиваться и осуществлять эффективную деятельность. Это условие благосостояния всех заинтересованных сторон,

а также общей эффективности организации [7, с. 320].

3. *Смысловое содержание деятельности.* Еще Г. Форд говорил о том, что самая важная задача руководящих кадров — развивать управленческие способности в других людях. Эффективность деятельности организации напрямую зависит от того, насколько сотрудники чувствуют свою причастность к ее результатам. Сотрудники могут воспринимать свою работу как бессмысленную. Не-прозрачный механизм принятия решений, гипертрофированная бюрократия и другие факторы приводят к обесцениванию труда и выхолащиванию смысла деятельности организации. Лидеры должны создавать условия для того, чтобы этого не происходило. Более того, лидеры сами выступают генераторами смысла и создают ситуацию, в которой члены организации ощущают значимость своей деятельности и общественное признание. Осмысленная деятельность — это влияние на окружающую действительность, выход за пределы собственной экзистенции. Смыслы, заложенные лидером, продолжают влияние на общественное сознание даже после его ухода из жизни [6, с. 419]. Каждый человек хочет чувствовать ценность своего труда и признание своей ценности как личности. Давая сотрудникам ощущение их значимости, лидер способствует консолидации и развитию всей организации.

Аксиологические основания лидерства выражаются в стиле деятельности лидера. Наиболее распространенной классификацией стилей лидерства является выделение анархического, либерального и авторитарного стилей. М. Вебер писал о лидерстве традиционном (связанном с наследованием и традицией), харизматическом (основанном на ярких индивидуальных качествах) и легальном (основанном на правовых механизмах). Безусловно, каждый из стилей лидерства имеет свои ценностные особенности. Однако можно говорить о наличии универсального аксиологического основания, ха-

рактерного для лидерства вообще. При этом каждая из ценностей лидерства может иметь свой контекст, свою специфическую интерпретацию, связанную с конкретным стилем лидерства. В связи с этим весьма продуктивным является подход С. Риза, который выделяет два типа ценностей — «общие» и «гибкие» [10]. Эти ценности Риз приводит в парных соответствиях (общая ценность — ее гибкий эквивалент) в следующем виде: лидерство — управление; видение — обучение; гордость — совместное размышление; конгруэнтность — сотрудничество; доверие — поддержка. Часть ценностей, по мнению С. Риза, существуют одновременно в качестве общих и гибких: характер, солидарность, мудрость и общение.

Гибкость как свойство лидерства выражается не в том, что лидер делает с помощью других людей, влияя на них, а в том, что он делает совместно с людьми. Следование личным лидерским ценностям и убеждениям посредством общения, обучения и внедрения гибких ценностей через обучение и наставничество помогают лидерам добиться успеха. Лидеры, движимые своими внутренними ценностями, вызывают у своих последователей искреннюю приверженность, потому что помогают им найти цель и смысл их собственной деятельности. Ценностно-конструирующая роль лидера приобретает особое значение в кризисные периоды развития организации, во время глубоких структурных изменений. Таким образом, истинное лидерство строится на следовании лидера внутренним ценностям и убеждениям и напрямую зависит от мировоззренческой целостности его личности.

Четыре характеристики лидерства, основанного на ценностях, выделяет Я. Кремер [8]:

- *Саморефлексия.* Лидер должен обладать развитой способностью к самоанализу, самокритике, иными словами — обладать осознанностью.
- *Мировоззренческий баланс.* Лидер должен видеть каждую конкретную ситуацию

с различных точек зрения, чтобы максимально полно и объективно ее понимать, в отрыве от эмоций, мнений и стереотипов.

• *Уверенность.* В данном контексте под уверенностью понимается способность лидера воспринимать себя максимально адекватно, знать и принимать сильные и слабые стороны своей личности, и стремиться к постоянному самосовершенствованию. Уверенный в себе лидер осознает, что всегда будут люди более одаренные, образованные, успешные, чем он сам, и это помогает ему наиболее эффективно выстраивать деятельность всей организации и правильно распределять функции между ее членами.

• *Внутреннее смирение.* Иметь внутреннее смирение означает быть открытым критике и изменениям, видеть жизнь в перспективе, не терять трезвости восприятия и на вершине социального успеха. Также смирение — это качество, которое помогает лидеру ценить и уважать каждого.

Подведем итог. Ценностные основания лидерства опираются на общечеловеческие аксиологические универсалии, такие как честность, самопожертвование, дружба, взаимопомощь, самоотверженность и др. Истинные ценности лидерства весьма далеки от эгоизма, а часто противоположны ему. Лидерство, опирающееся на ценности, предполагает внимание и уважение к мировоззрению и ценностям других людей. Оно выходит за пределы бытия личности самого лидера и направлено на глубокие трансформации, изменяющие не только конкретную ситуацию, но, возможно, и жизнь целой организации или сообщества. Этим оно отличается от патерналистского лидерства, построенного на императивном навязывании последователям целей и планов, а также от ситуационного (стихийного) лидерства, продиктованного стремлением лидера подстроиться под конкретную ситуацию и завоевать сторонников посредством популизма. По сути, только лидерство, укорененное в ценностной сфере, является лидерством в полном смысле,

лидерством, направленным на прогрессивные социальные трансформации и формирование высокой деловой и коммуникативной культуры.

Библиографический список

1. *Дунаев Е. А.* Лидер: философские проблемы // Диалектика капитализма и социализма в современном мире. М.: АОН, 1990. С. 129—149.
2. *Коробкова С. Н.* Этика делового общения. СПб.: СПбГУАП, 2001. 44 с.
3. *Мажкенев С. А.* Ценностно-целевая модель лидерства // Лидерство и менеджмент. 2021. Т. 8, №1. С. 31—52.
4. *Никонов В. А.* Ценности лидера // Государственное управление. 2017. № 63. С. 7—42.
5. *Barrett R.* The Values-driven Organisation: Unleashing Human Potential for Performance and Profit. London: Routledge. 2013. 280 p.
6. *Bauman D. C.* Leadership and the three faces of integrity // The Leadership Quarterly. 2013. №. 24(3), P. 414—426.
7. *Clarke N.* An integrated conceptual model of respect in leadership // The Leadership Quarterly. 2011. №. 22(2). P. 316—327.
8. *Jansen K. H. M.* The only true leadership is values-based leadership [Electronic resource] // Forbes. Apr 26, 2011. URL: <https://www.forbes.com/2011/04/26/values-based-leadership.html#4469baed652b> (access date 30.04.2021.).
9. *Keyser J.* Personal growth in leadership [Electronic resource] // Common Sense Leadership. 2011. Oktober 12. URL: <http://www.commonsenseleadership.com/personal-growth-in-leadership/> (access date 30.04.2021.).
10. *Reese S. R.* Leadership core values and beliefs are keys to greatness // Center for Management and Organization Effectiveness [Electronic resource]. URL: <https://cmoe.com/blog/great-leaders-have-specific-beliefs-and-core-values/> (access date 29.10.2021.).
11. *Turkkahraman M.* Social values and value education // Procedia. Social and Behavioral Sciences. 2014. № 116. P. 622—638.

12. Greyser S. A. Corporate brand reputation and brand crisis management // Management Decision. 2009. Vol. 47, № 4, P. 590—602.

Поступила 12.06.2021

Корнюхов Денис Викторович — аспирант кафедры философии, Донецкий национальный университет (ул. Университетская, д. 24, Донецк, 83000), kornuhovd@gmail.com.

specific-beliefs-and-core-values/ (access date 29.10.2021).

11. Turkkahraman M. Social values and value education // Procedia. Social and Behavioral Sciences. 2014. № 116. P. 622—638.

12. Greyser S. A. Corporate brand reputation and brand crisis management // Management Decision. 2009. Vol. 47, № 4, P. 590—602.

Submitted 12.06.2021

References

1. Dunaev E. A. Lider: filosofskie problemy // Dialektika kapitalizma i socializma v sovremennom mire. M.: AON, 1990. S. 129—149.

2. Korobkova S. N. Jetika delovogo obshhenija. SPb.: SPbGUAP, 2001. 44 s.

3. Mazhkenov S. A. Cennostno-celevaja model' liderstva // Liderstvo i menedzhment. 2021. T. 8, №1. S. 31—52.

4. Nikonov V. A. Cennosti lidera // Gosudarstvennoe upravlenie. 2017. № 63. S. 7—42.

5. Barrett R. The Values-driven Organisation: Unleashing Human Potential for Performance and Profit. London: Routledge. 2013. 280 p.

6. Bauman D. C. Leadership and the three faces of integrity // The Leadership Quarterly. 2013. №. 24(3), P. 414—426.

7. Clarke N. An integrated conceptual model of respect in leadership // The Leadership Quarterly. 2011. №. 22(2). P. 316—327.

8. Jansen K. H. M. The only true leadership is values-based leadership [Electronic resource] // Forbes. Apr 26, 2011. URL: <https://www.forbes.com/2011/04/26/values-based-leadership.html#4469baed652b> (access date 30.04.2021.).

9. Keyser J. Personal growth in leadership [Electronic resource] // Common Sense Leadership. 2011. Oktober 12. URL: <http://www.commonsenseleadership.com/personal-growth-in-leadership/> (access date 30.04.2021.).

10. Reese S. R. Leadership core values and beliefs are keys to greatness // Center for Management and Organization Effectiveness [Electronic resource]. URL: <https://cmoe.com/blog/great-leaders-have->

Kornyukhov Denis V., Graduate Students of the Chair of Philosophy, Donetsk National University (bld. 24, Universitetskaya Street, Donetsk, 83000), kornuhovd@gmail.com

Учим «цифре», учимся в «цифре»: EdTech в эпоху цифровой трансформации государства и общества

В.М. Литвинович¹, А.И. Пирогов²

¹ООО «Байскілз», Республика Беларусь, г. Минск

²Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Россия, г. Москва

mr.litvin@tut.by

Рассмотрены взаимосвязанные концепты — «цифровизация», «образовательные технологии EdTech», «образование через всю жизнь». На примере Республики Беларусь и Российской Федерации показано, что цифровизация образования сопровождается повсеместным внедрением цифровых образовательных платформ и развитием технологий и рынка EdTech. Отмечено, что пандемия коронавируса актуализировала запрос преподавателей и обучающихся на освоение инновационных способов организации учебной деятельности, на более гибкое взаимодействие в сети, одновременно превратив рынок EdTech в один из самых быстрорастущих в мире.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровые образовательные технологии, обучение длиною в жизнь, ключевые компетенции, рынок EdTech, коронавирусная инфекция, COVID-19.

We learn «digital», we study «digital»: EdTech in the era of digital transformation of the state and society

V.M. Litvinovich¹, A.I. Pirogov²

¹LLC «Bayskils», Republic of Belarus, Minsk

²National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology», Russia, Moscow

mr.litvin@tut.by

The interrelated concepts — «digitalization», «educational technologies EdTech», «education throughout life» are considered. Using the example of the Republic of Belarus and the Russian Federation, it is shown that the digitalization of education is accompanied by the widespread introduction of digital educational platforms and the development of technologies and the EdTech market. It was noted that the coronavirus pandemic has updated teachers and students request for mastering innovative ways of organizing learning activities, for more flexible interaction in the network, while at the same time turning the EdTech market into one of the fastest growing in the world.

Keywords: digital transformation, digital educational technologies, lifelong learning, key competencies, EdTech market, coronavirus infection, COVID-19.

Внимание к феномену EdTech (*education technology* — образовательные технологии) в эпоху цифровой трансформации государства и общества носит научный и практико-ориентированный характер. Интерес обуславливается в первую очередь стремлением адекватно понять и полноценно использовать преимущества цифровизации в интересах создания открытой и инновационной системы образования и обучения. Еще одним фактором заинтересованности процессами EdTech выступает осознание их внушительного потенциала в реализации принципа *lifelong learning* (образование на протяжении всей жизни, образование длиною в жизнь).

Пандемия COVID-19 внесла в треугольник «цифровизация образовательных процессов — непрерывное образование — EdTech» весьма существенные изменения, что является дополнительным фактором актуализации проблем цифровой трансформации государства и общества.

Образование и компетенции для цифровой эпохи. Интенсивная трансформация образовательной сферы и ее системы управления на основе использования современных цифровых технологий сопровождается рядом процессов. В их числе: повсеместное внедрение цифровых образовательных платформ; развитие индустрии EdTech в результате динамичного роста высокотехнологичных услуг в сфере как официального, так и неформального образования; применение сетевых технологий, формирующих новый тип сетевой личности; создание виртуальных моделей международного образования (англ. *cross-border study*) и академической мобильности и др. [1; 2]. Характерно, что все они так или иначе связаны с реализацией актуальной социально-экономической функции образования — приобретением гражданами компетенций, необходимых для быстрой адаптации к цифровым переменам. Имеются в виду: компьютерная грамотность с раннего возраста; базовые цифровые навыки на рабочем месте; цифровая коммуни-

кативная грамотность, в том числе навыки противодействия дезинформации и деструктивному информационному воздействию; продвинутые цифровые компетенции; знание и понимание технологий обработки больших объемов данных, таких как искусственный интеллект и др.

В Республике Беларусь, как и в Российской Федерации, образование рассматривается как фундамент инновационной экономики, поскольку именно эта сфера связана с человеческим капиталом и кадровым потенциалом — важнейшими ресурсами в условиях цифрового общества и экономики знаний. С учетом этого концепцией Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г. по направлению «Цифровизация образования» предусмотрены:

- дальнейшее развитие, формирование цифровой образовательной среды (проект «Цифровая школа»), включающее стандартизацию и сертификацию электронных учебников, повышение уровня цифровой грамотности школьников, обучение умению создавать цифровые проекты для своей будущей профессии;
- цифровизация профессионального образования, в том числе внедрение онлайн-обучения и систем разнотемпового обучения;
- совершенствование образовательных программ в целях подготовки специалистов, владеющих навыками и профессиональными компетенциями в области цифровых технологий;
- адаптация системы образования к изменениям на рынке труда под влиянием цифровизации, решение вопросов повышения уровня цифровой грамотности [3].

В контексте этих целей и задач, несмотря на традиционную консервативность национальной образовательной сферы, в марте 2019 г. головное министерство разработало и утвердило концепцию цифровой трансформации процессов в системе образования.

При этом, по словам министра образования Беларуси И. Карпенко, курс на построение ИТ-страны сохранится, но не стоит забывать и о насущных потребностях. «Система образования, принимая во внимание потребности ИТ-сферы и используя достижения в области цифровой трансформации общества, все же будет ориентироваться на подготовку кадров в интересах всего социально-экономического комплекса страны» [4].

Следует отметить, что руководство ведомства, заявляя о созданной отраслевой технической инфраструктуре системы образования, одновременно видит и проблемы «пробуксовки» процессов цифровизации отрасли. В частности, директор ГИАЦ Минобразования П. Лис из числа барьеров называет: отсутствие понимания необходимости и сути цифровой трансформации; «желание оцифровывать» при отсутствии навыков и компетенций; невысокий уровень вовлеченности; перекладывание ответственности на ИТ-сектор; недостаточную согласованность действий между отраслями; боязнь либо низкую скорость принятия решений; неумение обрабатывать негативный опыт и ошибки [5].

Вполне очевидно, что поскольку процессы цифровой трансформации охватывают все сферы жизни общества, постольку они не могут осуществляться каким-либо одним государственным органом независимо от других ведомств и частного сектора. Цифровая трансформация образования не является исключением. Успешная реализация намеченных здесь программ требует тщательно проработанных планов взаимодействия Министерства образования с Министерством связи и информатизации, Министерством здравоохранения, Парком высоких технологий, а также с другими органами и частными компаниями [6]. Важность совместной работы всех секторов для перевода образования в цифровую эпоху подчеркнута и в Плане действий Европейского союза (ЕС) в области цифрового образования, которое рассмотрим ниже.

Современные тренды EdTech. За последние двадцать лет онлайн-образование совершило заметную эволюцию, пройдя путь от оцифровки отдельных текстовых материалов (лекций, докладов, статей) до создания высокотехнологичных образовательных экосистем. Сегодня это — динамично растущий рынок, одно из ключевых направлений венчурных инвестиций, область быстрой цифровизации и появления новых технологий. Согласно опубликованным данным, по итогам первого полугодия текущего года объем мирового рынка EdTech оценивался в 227 млрд долларов. Эксперты предполагают, что к 2025 г. данный показатель вырастет в 1,8 раза, достигнув отметки в 404 млрд долларов [7]. В июле 2021 г. компания Smart Ranking опубликовала рейтинг крупнейших EdTech-проектов в России. Совокупная выручка 60 лидеров рынка по итогам 2020 г. составила 34 млрд рублей, что на 113 % больше, чем годом ранее. Объем рынка образовательных технологий оценен в 53—54 млрд рублей [8].

В Беларуси у компаний и стартапов EdTech есть не только интересные наработки, но и достижения. Так, в сентябре 2020 г. три белорусских проекта попали в рейтинг 100 самых перспективных разработок в сфере EdTech на территории России и СНГ. Список инновационных компаний-разработчиков, обеспечивающих онлайн-обучение и применение новых технологий в образовательном процессе, составила аналитическая компания HolonIQ. Среди проектов, созданных белорусскими разработчиками, отмечены: Joomla LMS (многофункциональная платформа для организации дистанционного обучения), Know by (единая платформа электронных сервисов для образования) и LogicLike (платформа для развития логического мышления и математических способностей у детей) [9]. В указанном выше рейтинге доминируют российские компании, составляющие свыше 70 % его участников. Некоторые из них уже привлекли стратегических инвесторов и входят в структуру таких холдингов, как Yandex и Softline.

Еще один пример — рейтинговые оценки от образовательной онлайн-площадки Coursera, в августе 2021 г. обновившей отчет Global Skills Index. Экспертами Coursera проанализирован спрос на размещенные в 2021 г. EdTech курсы и успешность их прохождения слушателями из разных стран мира. Исследовано 77 млн студентов в более чем 100 странах, рассмотрены три категории знаний: Business, Technology и Data Science. В топ-3 попали Швейцария, Люксембург и Австрия, Россия стала девятой, Беларусь заняла 12-е место в общемировом зачете и 10-е место — по Европе [10].

Динамично развивающейся компанией является резидент ПВТ ООО «Байскилз» — эксклюзивный партнер компаний Skillbox и GeekBrains, лидеров рынка онлайн-образования. Реализуя свою миссию — дать возможность каждому быть востребованным специалистом прямо сейчас, вне зависимости от возраста и местонахождения, — Skillbox и GeekBrains содействовали тому, что более 150 тыс. выпускников освоили современные профессии и были трудоустроены в лучшие компании.

Приведенные примеры подтверждают, что фактически речь идет об институционализации на образовательном рынке бизнес-сегмента в сфере дополнительного образования. Данный сегмент более гибок и динамичен за счет использования эффективных маркетинговых технологий и постоянного ребрендинга, что позволяет управлять ростом лояльности потребителей образовательных услуг и расширять целевую аудиторию. По ряду оценок, уже сегодня он выступает достаточно серьезной альтернативой в предоставлении наиболее востребованных образовательных программ, направленных на формирование конкретных профессиональных компетенций. Как полагают белорусские практикующие эксперты О. Солдатова и Н. Швайко, «недооценивать данную тенденцию государственным учреждениям образования нельзя» [11, с. 463—464].

По их мнению, целесообразно вести речь о создании максимально динамичной системы проектирования образовательных программ переподготовки (на основе действенных механизмов разработки и оперативного обновления профессиональных стандартов и ребрендинга специальностей), введения интегрированных моделей повышения квалификации: возможность повысить квалификацию путем одномоментного освоения образовательной программы требуемого объема (не менее 36 часов), либо «по накопительному принципу», осваивая в течение нормативно установленного периода, в зависимости от должности и вида деятельности, образовательные модули (обучающие курсы, семинары, тренинги и др.), учет которых может осуществлять кадровая служба организации [11, с. 464].

Схожие подходы — у ректора РАГСНХ В. Мау. Обращаясь к участникам Гайдаровского форума — 2021, руководителям компаний Нетология и Skillbox, представляющих сектор коммерческого образования, он сказал: «Образовательная система становится все более дифференцированной. Частные компании становятся важным элементом производственной концепции. Университет — это про науку, в которой есть молодежь. В то время как частные компании наполняют образование прикладными компетенциями. Вы наш источник позитивной трансформации» [12].

Режим самоизоляции в корне меняет условия, в которых действуют EdTech-компании. Резкий рост спроса на разнообразные формы цифрового обучения может стать трамплином для быстрого развития рынка EdTech. Вместе с тем следует видеть и обратную сторону медали. Так, в общей массе доля успешных образовательных «стартапов» составляет не более 5 %, при этом сроки их нахождения на рынке EdTech в среднем составляют два-три года. Основной аргумент противников онлайн-образования касается его качества и необходимости проверки полученных

знаний; в числе других проблем — отсутствие полноценной нормативной и методологической базы.

Констатируя, что образование становится современнее, а образовательные онлайн-услуги — привычнее, специалисты предупреждают, что онлайн не заместит классическое образование полностью. Так, в ходе экспертной дискуссии на тему «Что невозможно перевести в онлайн?» отмечалось, что многие технологические решения, которые предлагают различные платформы EdTech, сегодня представляют собой скорее тренажеры, поэтому они далеки от полноценной педагогики. По мнению экспертов, невозможно или исключительно сложно перенести в онлайн в учебном процессе атмосферу аудиторного занятия, коммуникационную среду, живое общение с преподавателями, спонтанное, многоканальное взаимодействие между учениками, студентами, педагогами [13].

Цифровая трансформация меняет фактически все: как люди работают, учатся, принимают участие в общественных делах, ведут свою повседневную жизнь. Поэтому и адепты, и критики EdTech сегодня едины, пожалуй, в главном: люди смогут адаптироваться к цифровому и посткоронавирусному миру и окажутся востребованными в нем, если не только разовьют посредством классического образования либо инструментов EdTech необходимые навыки, но и будут иметь сильную мотивацию делать это и дальше, на протяжении всей своей жизни.

Lifelong learning, или «Век живи — век учись». Время мчится стремительно, и некогда новомодной концепции *lifelong learning* — образование через всю жизнь — уже за 50. В ее создании и развитии участвовал внушительный ряд авторитетных персон современности, в числе которых Лесли Уоткинс (Leslie Watkins), Клинт Тэйлор (Clint Taylor). Тягу к непрерывному образованию предсказывал Питер Друкер — основоположник теории современного менеджмента. Свой вклад

внес также Джимми Уэйлс — американский и британский интернет-предприниматель, основатель и «великодушный диктатор» Википедии, активно выступающий за продолжение образования в любом возрасте на основе развития имеющихся компетенций и освоения новых.

Принято считать, что на международном уровне официально термин *lifelong learning* был впервые употреблен в материалах конференции ЮНЕСКО в 1968 г. В последующем эта же организация подход *lifelong learning* взяла за основу при разработке Всемирной стратегии обучения на 2014—2021 гг.

Возведение понятия «образование через всю жизнь» в организующий и руководящий принцип современных образовательных реформ и масштабную образовательную политику связывают также с инициативами ЕС. В целях эффективной адаптации систем образования и обучения государств-членов союза к реалиям цифровой эпохи в январе 2018 г. был разработан План действий в области цифрового образования (2018—2020 гг.).

С июля по сентябрь 2020 г. Европейская Комиссия (ЕК) «запустила» открытые общественные консультации для сбора мнений и опыта граждан, учреждений и организаций из государственного и частного секторов о влиянии COVID-19 на образование и профессиональную подготовку, а также о соответствующем переходе на дистанционное и онлайн-обучение, а также о видении будущего цифрового образования в Европе. В ходе общественных консультаций было выявлено, что почти 60 % респондентов до кризиса не использовали дистанционное и онлайн-обучение. При этом 95 % считают, что пандемия COVID-19 знаменует собой поворотный момент в использовании технологий в образовании и обучении. Респонденты заявили, что ресурсы и контент онлайн-обучения должны быть более актуальными, интерактивными и простыми в использовании, учитывать финансовые возможности обучаемых. Исследование мнения респондентов и последующие кон-

сультации помогли ЕК сформировать обновленный План действий в области цифрового образования, который был принят 30 сентября 2020 г. [14].

В связи с этим представляют интерес результаты исследования послевузовского образования, проведенные с 28 июня по 20 июля 2021 г. экспертами образовательной платформы «Нетология» и АНО «Россия — страна возможностей». По результатам опроса 1040 чел. — специалистов среднего звена, управленцев, представителей бизнеса, госслужащих, фрилансеров и сотрудников сферы образования и науки — установлено, что после получения диплома уже учатся 89 % респондентов. Среди них 80 % проходят образовательные курсы, 35 % планируют учиться в магистратуре или аспирантуре и столько же выбрали профессиональную переподготовку. 13 % россиян после первого образования получают второе. В целом, по опубликованным 9 августа 2021 г. данным ВЦИОМ, за последний год 28 % (почти каждый третий россиянин) проходили какое-либо обучение [15]. Цифры, как говорится, впечатляют. И одновременно — обязывают. Обязывают, как пишет белорусский ученый И. Ганчеренок, глубже смотреть на проблемы современного образования, не ограничиваться констатациями перехода от традиции «образование на всю жизнь» к концепции «образование на протяжении всей жизни», а предлагать и реализовывать конкретные и эффективные механизмы формирования ключевых компетенций в процессе непрерывного образования [16, с. 12]. Следует приветствовать развитие и достижения EdTech, однако они не отменяют, а лишь подчеркивают необходимость решать задачи современного образования, работа над которыми определяет актуальные направления цифрового развития образовательных систем Беларуси и России.

Библиографический список

1. Цифровая экономика и онлайн-образование: европейский опыт: коллективная монография / Под науч. ред. И.В. Пеньковой, В.А. Королева. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2020. 351 с.
2. Цифровая трансформация образования: сб. мат. 1-й Межд. науч.-практ. конф. 30 мая 2018. Минск: ГИАЦ Минобразования, 2018. 479 с.
3. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс] / Министерство экономики Республики Беларусь. Минск. 2018. URL: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdamNPA/Kontseptsija-na-sajt.pdf> (дата обращения 01.10.2021).
4. Игорь Карпенко — о роли образования в построении IT-страны [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня: издательский дом. 22 мая. 2019 г. URL: <https://www.sb.by/articles/fundament-dlya-it-strany.html> (дата обращения 28.10.2021).
5. **Лис П.** Почему буксует цифровизация образования? [Электронный ресурс] // Цифровая трансформация образования: сб. мат. 2-й Межд. науч.-практ. конф. 27 марта 2019 г. / Отв. ред. А. Б. Бельский. Минск: ГИАЦ Минобразования, 2019. Режим доступа: http://dtconf.unibel.by/doc/Conference_2019.pdf (дата обращения 01.09.2021).
6. **Лис П.** Проблемы трансформации образования в контексте цифровой экономики // Цифровая трансформация образования: сб. мат. 1-й Межд. науч.-практ. конф. 30 мая 2018. Минск: ГИАЦ Минобразования, 2018. С. 461—464.
7. **Соломников Д.** Почему EdTech — это одно из самых развивающихся направлений, и что происходит с отраслью? [Электронный ресурс] // Business Planner. URL: <https://business-planner.ru/articles/analitika/pochemu-edtech-eto-odno-iz-samyh-razvivajushhihsya-napravlenij-i-cto-proishodit-s-otraslju.html> (дата обращения 12.09.2021).
8. Рейтинг крупнейших в России EdTech-компаний [Электронный ресурс] // Smart Ranking. Режим доступа: <https://edtechs.ru/> (дата обращения 12.09.2021).

9. **Витовт Н.** Три белорусских проекта попали в сотню самых перспективных разработок в сфере EdTech [Электронный ресурс] // *Завтра твоей страны*. 18.09.2020. URL: <https://zautra.by/news/tri-belorusskikh-proekta-popali-v-sotniu-samykh-perspektivnykh-razrabotok-v-sfere-edtech> (дата обращения 03.10.2021).

10. **Кукуть А.** Coursera: Беларусь первая в Европе по ИТ-навыкам. И вторая в мире [Электронный ресурс] // *ИТ в Беларуси*. 23 августа. 2021. URL: <https://dev.by/news/belarus-stala-evropeiskim-liderom-po-it-navyкам-v-novom-otchyote-coursera> (дата обращения 23.09.2021).

11. **Солдатова О., Швайко В.** Тенденции развития дополнительного образования взрослых в контексте сложившейся отечественной практики // *Современные тенденции в дополнительном образовании взрослых: мат. V Междунар. науч.-метод. конф.* 23 окт. 2020 г. Минск: РИВШ, 2020. 268 с.

12. Владимир Мау: В России необходимо создать инфраструктуру дистанционного образования [Электронный ресурс] // *РАНГХиГС*. URL: https://perm.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=389637 (дата обращения 23.09.2021).

13. Что невозможно перевести в онлайн? Подведение итогов онлайн года [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/UH0zc-KJBuE> (дата обращения 12.09.2021).

14. Digital Education Action Plan (2021—2027) [Electronic resource] // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_en (access date 23.09.2021).

15. Непрерывное обучение — для всех! Аналитический обзор [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: сетевое издание. 9 августа 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neprieryvnoe-obuchenie-dlja-vsekh> (дата обращения 23.09.2021).

16. **Гончаренок И.** Ключевые компетенции для «образования через всю жизнь» (или все же век живи, век учишься?) // *Право и образование*. 2009. № 10. С.4—13.

Литвинович Владимир Михайлович — кандидат социологических наук, директор по развитию ООО «Байсклиз» (220012, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Толбухина, д. 2, пом. 19), mr.litvin@tut.by

Пирогов Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и политологии, Национальный исследовательский университет «МИЭТ», aipirogov2013@gmail.com

References

1. Cifrovaja jekonomika i onlajn-obrazovanie: evropejskij opyt: kollektivnaja monografija / Pod nauch. red. I.V. Pen'kovoju, V.A. Koroleva. Stavropol': Izd-vo SKFU, 2020. 351 s.

2. Cifrovaja transformacija obrazovanija: sb. mat. 1-j Mezhd. nauch.-prakt. konf. 30 maja 2018. Minsk: GIAC Minobrazovanija, 2018. 479 s.

3. Konceptcija Nacional'noj strategii ustojchivogo razvitija Respubliki Belarus' na period do 2035 goda [Jelektronnyj resurs] / Ministerstvo jekonomiki Respubliki Belarus'. Minsk. 2018. URL: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/Ob-sugdaemNPA/Kontseptsija-na-sajt.pdf> (data obrashhenija 01.10.2021).

4. Igor' Karpenko — o roli obrazovanija v post-roenii IT-strany [Jelektronnyj resurs] // Belarus' segodnja: izdatel'skij dom. 22 maja. 2019 g. URL: <https://www.sb.by/articles/fundament-dlya-it-strany.html> (data obrashhenija 28.10.2021).

5. Lis P. Pochemu buksuet cifrovizacija obrazovanija? [Jelektronnyj resurs] // Cifrovaja transformacija obrazovanija: sb. mat. 2-j Mezhd. nauch.-prakt. konf. 27 marta 2019 g. / Otv. red. A. B. Bel'skij. Minsk: GIAC Minobrazovanija, 2019. Rezhim dostupa: http://dtconf.unibel.by/doc/Conference_2019.pdf (data obrashhenija 01.09.2021).

6. Lis P. Problemy transformacii obrazovanija v kontekste cifrovoj jekonomiki // Cifrovaja transformacija obrazovanija: sb. mat. 1-j Mezhd. nauch.-prakt. konf. 30 maja 2018. Minsk: GIAC Minobrazovanija, 2018. S. 461—464.

7. Solomnikov D. Pochemu EdTech — jeto odno iz samyh razvivajushhihsja napravlenij, i chto proishodit s otrasl'ju? [Jelektronnyj resurs] // *Business*

Поступила 27.10.2021

Planner. URL: <https://business-planner.ru/articles/analitika/pochemu-edtech-et-o-odno-iz-samyh-razvivajushhihsya-napravlenij-i-chto-proishodit-s-otraslju.html> (data obrashhenija 12.09.2021).

8. Rejting krupnejshih v Rossii EdTech-kompanij [Elektronnyj resurs] // Smart Ranking. Rezhim dostupa: <https://edtechs.ru/> (data obrashhenija 12.09.2021).

9. Vitovt N. Tri belorusskikh proekta popali v sotnju samyh perspektivnyh razrabotok v sfere EdTech [Elektronnyj resurs] // Zavtra tvoej strany. 18.09.2020. URL: <https://zautra.by/news/tri-belorusskikh-proekta-popali-v-sotniu-samykh-perspektivnykh-razrabotok-v-sfere-edtech> (data obrashhenija 03.10.2021).

10. Kukut' A. Coursera: Belarus' pervaja v Evrope po IT-navykam. I vtoraja v mire [Elektronnyj resurs] // IT v Belarusi. 23 avgusta. 2021. URL: <https://dev.by/news/belarus-stala-evropeiskim-liderom-po-it-navykam-v-novom-otchyote-coursera> (data obrashhenija 23.09.2021).

11. Soldatova O., Shvajko V. Tendencii razvitiya dopolnitel'nogo obrazovanija vzroslyh v kontekste slozhivshejsja otechestvennoj praktiki // Sovremennye tendencii v dopolnitel'nom obrazovanii vzroslyh: mat. V Mezhdunar. nauch.-metod. konf. 23 okt. 2020 g. Minsk : RIVSh, 2020. 268 s.

12. Vladimir Mau: V Rossii neobhodimo sozdat' infrastrukturu distancionnogo obrazovanija [Elektronnyj resurs] // RANGHiGS. URL: https://perm.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=389637 (data obrashhenija 23.09.2021).

13. Chto nevozmozžno perevesti v onlajn? Podvedenie itogov onlajn goda [Elektronnyj resurs]. URL: <https://youtu.be/UH0zc-KJBuE> (data obrashhenija 12.09.2021).

14. Digital Education Action Plan (2021—2027) [Electronic resource] // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_en (access date 23.09.2021).

15. Nepreryvnoe obuchenie — dlja vseh! Analiticheskij obzor [Elektronnyj resurs] // VCIOM: setevoe izdanie. 9 avgusta 2021. URL: [https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nepreryvnoe-obuchenie-dlja-vsekh)

[obzor/nepreryvnoe-obuchenie-dlja-vsekh](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nepreryvnoe-obuchenie-dlja-vsekh) (data obrashhenija 23.09.2021).

16. Goncherenok I. Kljuchevye kompetencii dlja «obrazovanija cherez vsju zhizn'» (ili vse zhe vek zhivi, vek uchis'?) // Pravo i obrazovanie. 2009. № 10. S.4—13.

Submitted 27.10.2021

Litvinovich Vladimir M., PhD in Sociology, Development Director of LLC «Bayskils» (220012, Republic of Belarus, Minsk, Tolbukhin str. 2, room 19), mr.litvin@tut.by

Pirogov Aleksandr I., Doctor of Philosophy, Professor, professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), aipirogov2013@gmail.com

Общественное благо в концепции государства всеобщего благосостояния

А.А. Малахов¹, С.А. Михайлина²

¹*Федеральный исследовательский центр картофеля имени А.Г. Лорха*

²*Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

ya9551@gmail.com

В контексте идеи благосостояния рассматривается задача государственного социального обеспечения, в которой общественное благо понимается преимущественно как благополучие граждан. Раскрыто содержание понятия благосостояния и роль государства в защите экономического и социального благополучия. Подчеркивается, что право на благополучие и достойную жизнь не имеет однозначной трактовки, и в разных политических доктринах это право приобретает разное звучание.

Ключевые слова: государство, общественное благо, всеобщее благосостояние, защита благополучия, социальное обеспечение, солидарность, права человека, политическая доктрина.

Public Good in the concept of welfare state

A.A. Malakhov¹, S.A. Mikhailina²

¹*Federal Potato Research Center named after A.G. Lorkh*

²*National Research University of Electronic Technology*

ya9551@gmail.com

In the context of the idea of welfare, the task of state social security is considered, in which the public good is understood primarily as the welfare of citizens. The content of welfare and the role of the state in protecting economic and social welfare are revealed. It is emphasized that the right to well-being and a dignified life does not have an unambiguous interpretation, and in different political doctrines this right takes on a different meaning.

Key words: state, public good, general welfare, welfare protection, social welfare, solidarity, human rights, political doctrine.

Термин «государство всеобщего благосостояния»¹ применяется уже более ста лет. В западной политической науке считается, что развитие государственной системы социального страхования было административной и политической инновацией, масштаб и первостепенная значимость которой сравнимы только с развитием представительной демократии. В современных исследованиях посредством этого термина описывается социальная политика не только всех наиболее развитых богатых демократических государств, но и развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Соответственно, существуют значительные трудности в определении этого понятия, поскольку сегодня широта применения осложняет возможность очерчивания с относительной точностью границ и критериев, в соответствии с которыми государственную политику можно было бы определить как соответствующую государству всеобщего благосостояния. Нет единого мнения у ученых и по поводу временных критериев: когда именно государства всеобщего благосостояния нужно считать созданными.

Следует признать, что в большинстве исследований (несмотря на консенсус ученых по поводу того, что даже наиболее развитые капиталистические государства девятнадцатого века не называются государствами всеобщего благосостояния) определение точки в континууме расширяющейся социальной политики государств в XX веке в качестве «точки начала» государства всеобщего благосостояния, как правило, несколько произвольно. Однако в самых общих чертах государство всеобщего благосостояния может быть определено как форма общественной организации коллективной жизни нации, в которой общественное благо понимается преимущественно как благосостояние граж-

дан, а государство играет ключевую роль в защите экономического и социального благополучия своих граждан — как важного права гражданина и базовой основы благосостояния всего общества. Оно основано на принципах равенства граждан в праве на достойную жизнь, справедливом распределении богатства и общественной ответственности за тех, кто не может обеспечить себе достойную жизнь без помощи государства.

Концепции общественного благоденствия опираются на идею «социального контракта между государством, бизнесом и трудящимися о взаимных уступках... государство справедливо распределяет налоги, является социальным государством» В трактовках социального государства «ведущую роль играла мысль о справедливом распределении, социальных гарантиях, преодолении бедности» [3, с. 481].

Важное значение обретает концепт социальной справедливости, понимаемой как такое распределение общественных благ, которое способно поддерживать стабильность, воспроизводство и устойчивое развитие как общества в целом, так и человека, его достоинство и социальное самочувствие.

Идея благополучия как центральный гуманистический тезис связана с «продвижением жизненных планов». Доход важен, но благополучием «является и доступ к образованию, способность вести долгую и здоровую жизнь, влиять на решения, принимаемые обществом, жить в социуме, где уважают и ценят каждого» [2, с. 154].

Термин «государство всеобщего благосостояния» может быть отнесен к различным формам экономической и политической организации общества и государства. В социологии и политологии принято употреблять этот термин для обозначения всей системы социального обеспечения в целом. Кроме

¹ Государство всеобщего благоденствия (или государство всеобщего благосостояния, англ. Welfare state) — концепция политического строя, при которой государство играет ключевую роль в защите и развитии экономического и социального благополучия его граждан.

того, само понятие, помимо обозначения формы общественной организации, может также применяться по отношению к:

- идеально-утопической модели социального обеспечения всех граждан, когда государство, вне связи с экономическими или демографическими реалиями, принимает на себя ответственность за обеспечение всестороннего и всеобщего благосостояния всех граждан;
- модели социального обеспечения и социальной защиты (хотя во многих «государствах всеобщего благосостояния», особенно в странах Западной Европы и Скандинавии, социальная защита обеспечивается не только государством, но и его социальными партнерами).

В самых общих чертах, можно выделить следующие аспекты содержания понятия благосостояние.

- Благосостояние как «благополучие» индивида и всего общества. В экономике благосостояния оно понимается как «полезность» того, что они имеют, для удовлетворения их потребностей.

- Благосостояние как «социальное обеспечение» — комплекс или система услуг, которые предоставляются для защиты людей в ряде состояний риска и неблагополучия: детство, болезнь, инвалидность и старость. Идея «государства всеобщего благосостояния» зиждется преимущественно на этом понимании благосостояния: благосостояние как наличие надежной институциональной защиты от угроз и рисков. В Соединенных Штатах под социальным обеспечением понимается финансовая помощь бедным людям (например, временная помощь нуждающимся семьям).

- Благосостояние как обеспечение потребностей, которые выходят за рамки необходимого. Благосостояние в таком понимании подразумевает наличие у людей амбиций, личных целей, возможностей и спо-

собностей, сопутствующих достижению потребностей.

В мире не осталось государства, которое не признавало бы необходимости участвовать в обеспечении благосостояния граждан в той или иной его форме, а также в политически важном коллективном социальном обеспечении. Вместе с тем государство всеобщего благосостояния, являясь политической концепцией, не может рассматриваться как единая идейно-политическая модель. Сторонники различных идеологий выражают особые взгляды, формулируют позиции относительно задач и функций государственных институтов по обеспечению благосостояния, а также сути самого благосостояния, необходимости его обеспечения. Кроме того, существуют различные политические практики социального обеспечения, поскольку в государствах есть собственное понимание не столько необходимости социального обеспечения, сколько его объемов, а также форматов государственного участия в реализации идеи благосостояния для всех.

Среди основных позиций в пользу расширения институционального и политического участия, в том числе участия государства в коллективном социальном обеспечении, можно выделить:

- а) *гуманитарные*, которые заключаются в том, что обеспокоенность бедностью и удовлетворением базовых потребностей является одной из центральных гуманитарных проблем и событий;

- б) *религиозные*, суть которых сводится к тому, что некоторые из мировых религий считают благотворительность необходимым элементом социальной жизни. Католицизм, к примеру, помимо благотворительности признает необходимость социальной солидарности (или взаимной социальной ответственности).

Здесь, пожалуй, стоит особо подчеркнуть, что католическая церковь не является безапелляционным сторонником государства всеобщего благосостояния, поскольку она считает, что государство не должно вмешиваться в са-

морегулирующиеся области общественной жизни (рынок, благотворительность). Вместе с тем церковь признает, что существуют определенные потребности и права, которые не будут удовлетворены даже в минимальном объеме без участия государства. Идея благотворительности и соучастия в бедах ближнего содержится в христианских текстах (как в Священном Писании, так и в Предании), в частности в вопросах христианского понимания природы и целей богатства. Согласно католическому учению, избыточный доход человека, то есть доход, который не нужен ему для достойной жизни, не предоставляется полностью на его усмотрение. Напротив, Священные Писания и Отцы Церкви постоянно заявляют, что богатые связаны серьезным обязательством — подавать милостыню, проявлять милосердие и щедрость.

Безусловно, существует проблема (как правовая, так и моральная) вмешательства государства в решения человека относительно распоряжения его собственным дополнительным доходом. Идея «принудительной благотворительности», в определенном смысле, представляет собой парадокс. Однако согласно установке католицизма, не только церковь, но и государство ответственно за увещевание и направление богатого грешника на путь благотворительных действий. Иудаизм, ислам, православие и протестантизм также подчеркивают значимость ответственности коллектива за то, чтобы добро в форме благотворительности было всеобщей формой поведения.

Идея взаимности. Взаимность (пусть даже имеющая признаки взаимного корыстного интереса) является фундаментом социального действия, понимаемого М. Вебером как «ожидаемое» действие, ориентированное на других, на их возможные ответные реакции (см.: [1, с. 625]). Социально-символическая роль социальных действий предельно широка и распространяется на обеспечение общественной стабильности. Многие системы социального обеспечения возникли не в результате государственной деятельности, а в результате

сочетания взаимной ответственности и взаимовыгодного сотрудничества, которое в дальнейшем было подхвачено государством.

Идея взаимности реализуется в солидарности. Основа солидарности — взаимные обязательства и взаимная помощь, по сути, в безвозмездном и бескорыстном оказании помощи, но все же с расчетом на взаимность. «Сбалансированная взаимность» возникает тогда, когда люди получают непосредственную «отдачу» за свою доброту. Однако взаимность солидарности далека от принципа обмена («ты мне — я тебе»), между отданным и приобретаемым нет простого баланса. Люди отдают не только потому, что они что-то получили в прошлом, или не столько потому, что возможна некоторая взаимность в будущем, а сколько в силу приверженности вере в добро, взаимопомощь и благодарность, приверженности гуманистической культурной традиции. Например, родители дают детям тепло и любовь, потому что они получали любовь и заботу от их собственных родителей; аналогичным образом, люди поддерживают пенсионеров в надежде, что будущие поколения также их поддержат, когда они будут нуждаться в защите и обеспеченной жизни. Взаимопомощь является нормой в семьях, но она также воплощена в идее пенсионного страхования. В этом отношении солидарность бывает трудно отличить от «альтруизма», но ввиду наличия идеи взаимности нет оснований предполагать, что мотивация людей, оказывающих помощь другим, является абсолютно бескорыстной.

Идея прав человека на достойную жизнь. Право на благополучие и достойную жизнь до сих пор не имеет однозначной трактовки, и в разных политических доктринах это право приобретает разное звучание.

Права человека — это права каждого, независимо от статуса или национальности. Всеобщая декларация прав человека гарантирует право на социальное обеспечение (см.: [9]), и Организация Объединенных Наций пришла к выводу, что крайняя бедность сама

по себе является нарушением прав человека (см.: [10]).

В основе концепции прав человека лежит философская идея безусловной ценности жизни человека, причем — жизни достойной. Гуманистический принцип уважения к человеку, стремление к общему благу является основой социально ориентированной деятельности, а также социальной ответственности, включающей в себя осознанное обязательство заботы о других членах общества.

Провозглашение прав человека сопряжено с нравственным прогрессом, историческими процессами гуманизации и эмансипации, понимаемой прежде всего как освобождение от зависимостей экономического характера, формирующих ту или иную степень экономического неравенства. Но в ситуации декларирования прав человека может возникать противоречие между правовой и нравственной нормой, противоречие между формально провозглашенными и реализуемыми на практике правами и свободами человека.

Права человека на достойную жизнь могут воплотиться в реальность только в рамках конкретного государства, значит, эти права доступны для людей в конкретных странах только на том основании, что они являются гражданами и членами политического сообщества. Маршалл описывает гражданство как «статус, дарованный тем, кто является полноправным членом общества. Все, кто обладает статусом, равны в отношении прав и обязанностей, которыми наделен статус» [11, р. 87]. Права гражданства являются общими правами, обычно включая права на социальную защиту, медицинское обслуживание и доступ к правосудию, но в них может быть отказано негражданам и мигрантам.

«Конкретные права» — права, присущие людям, которые ими владеют. Многие из наиболее важных прав на благосостояние являются личными и частными, а не основанными на гражданстве: примерами являются пенсии и права, связанные с образованием и жильем.

В рамках религиозных доктрин, начиная с Нового времени, также признается право человека на достойную жизнь. Так, со времен написания энциклики «*Regrum Novarum*» Папы Льва XIII (1891) забота о бедных стала постоянной темой, развиваемой в рамках католической социальной доктрины. Церковь признала де-факто права рабочего класса, и эти права перечислены в параграфе 301 Компендиума социальной доктрины Церкви. К ним отнесены: Право на справедливую заработную плату; Право на отдых; Право на производственную среду и производственные процессы, не наносящие вреда физическому здоровью или моральной неприкосновенности работников; Право на защиту личности на рабочем месте без оскорбления совести или личного достоинства; Право на субсидии, необходимые для существования безработных и их семей; Право на пенсию и страхование от старости, болезни и несчастных случаев на производстве; Право на социальное обеспечение, связанное с материнством; Право собраний и создания ассоциаций.

Существуют такие режимы социального обеспечения, которые предлагают гражданам определенную степень солидарности, но не обязательно гарантируют индивидуальные права на поддержку. В Турции социальная помощь, финансируемая государством, предоставляется автономными благотворительными организациями на дискреционной основе [12].

Утилитарные идеи. Обеспечение благосостояния имеет экономические и социальные преимущества. Страны с более развитыми системами социальной защиты, как правило, богаче и имеют меньше бедных. (Основная трудность при оценке этого — знать, что важнее: богатство немногих или благосостояние всех).

Однако при существовании аргументов в пользу государственного и любого иного коллективного участия в обеспечении благосостояния существуют и возражения против

этого участия (или требования его максимального ограничения). Основные возражения против предоставления социальных пособий исходят преимущественно от правых радикалов, которые выступают против концепции «государства благосостояния» на том основании, что оно нарушает свободу людей. Распределение, в этой логике, — это отчуждение, налогообложение — воровство, принуждение к поиску работы — насилие. Идеология, абсолютизирующая либеральную демократию, провозглашает священность закона, почитание которого включает в себя некое согласие с отношениями дифференциации [5].

Аргументы в подтверждение максимального ограничения государственной поддержки малоимущих основаны на следующем.

1. Частная собственность неприкосновенна.

Суть аргумента в том, что люди имеют абсолютное право распоряжаться собственностью по своему усмотрению; люди не несут моральной обязанности делиться собственными средствами с нуждающимися.

Однако этот аргумент легко опровергнуть даже с позиций экономической теории: производство и отношения собственности зависят от социальных условий. Поскольку собственность условна и, в определенном смысле, производна от случайности, налогообложение и перераспределение являются частью социальных конвенций и условий неотчуждения собственности.

Социальное обеспечение не имеет общественной поддержки; перераспределительные меры основаны на принуждении.

Опросы общественного мнения, итоги референдумов и выборов указывают на то, что абсолютное большинство во многих странах поддерживают идею справедливости и готовы к тому, чтобы государство ее осуществляло посредством политики перераспределения. Кроме того, во многих странах системы социального обеспечения и поли-

тика благосостояния, полностью или частично, реализуются на добровольной, взаимной основе — Дания, Финляндия и Швеция перешли к некоторым мерам социального или экономического принуждения, к участию в схемах социальной взаимопомощи или перераспределения только недавно.

2. Права человека превыше всего, в том числе право выбора бедности.

Этот аргумент крайне правых движений не выдерживает критики. Право собственности, безусловно, — фундаментальный принцип концепций «естественных прав» человека, и на этом праве базируются все гражданско-правовые отношения со времен Древнего Рима. Но мало кто станет утверждать, что права собственности важнее моральных ценностей. Условно говоря, если один человек владеет всей пищей в регионе, а все остальные голодают, то нарушаются основы морального аспекта справедливости, под угрозой находятся все наработанные человечеством социальные институциональные отношения.

3. Государство всеобщего благосостояния подрывает экономический рост.

С экономической точки зрения экономическое развитие более важно для благосостояния, чем социальное обеспечение. В частности, D.Dollar и A.Kraay, представители Всемирного банка, утверждали, что права собственности и рыночная экономика имеют важное значение для роста и, следовательно, для защиты бедных, то есть социальная поддержка зиждется на экономике. Однако сама поддержка является собой целую отрасль экономики, функционирование которой способствует экономическому росту. В частности, в постиндустриальных странах услуги пожилым и больным являются важной сферой трудоустройства.

Правые радикалы также утверждают, что государство всеобщего благосостояния на практике приводит к формированию *социального изживденчества*.

В социальном плане государство всеобщего благосостояния обвиняют в том, что

оно поощряет зависимость — и люди попадают в ловушку бедности [6]. Однако данные о динамике бедности показывают, что бедность и зависимость не являются долгосрочными, а влияют на людей на разных этапах жизненного цикла; количество соискателей пособия постоянно меняется. Для большинства людей в развитых странах бедность преходяща [8]. Там, где бедные люди исключены из сетей социальной поддержки, бедность становится проблемой, переходящей из поколения в поколение.

Таким образом, существуют аргументы как в поддержку усиления социальной политики, так и против. Государство всеобщего благосостояния уже давно столкнулось с идеологической атакой справа. Ввиду этого за последние тридцать лет во многих странах консенсус в отношении того, что государство должно содействовать социальному обеспечению, пошатнулся. Во многом аргументы против государства всеобщего благоденствия доказывают, что политика благосостояния часто контрпродуктивна — усугубляет проблемы бедности и незащищенности, которые она должна решать.

Однако мы отклоняем аргументы такого рода, утверждая, что настоящие проблемы носят скорее морально-этический характер. Причина того, что обеспечение благосостояния как цель вызывает споры, заключается не в несогласии с последствиями социальной политики, а в несогласии с этическими основаниями политики, направленной на содействие социальному благосостоянию, на гуманизацию современного нестабильного общества, претерпевающего институциональные, а значит, и ценностные кризисы. Пол Спикер в своей книге «Аргументы в пользу благосостояния» [16] глубоко исследует фундаментальные причины, ввиду которых государства должны участвовать в обеспечении благосостояния своего народа. Мы также полагаем, что основной причиной практики социального обеспечения является то, что общественный договор зиждется на концепции общественного блага.

Таким образом, идея благосостояния граждан находит свое воплощение в необходимости и совершенствовании государственного социального обеспечения. Особую роль в ее реализации имеет государственная система социального страхования, однако очертить с точностью границы и критерии, в соответствии с которыми государственную политику можно было бы определить как соответствующую государству всеобщего благосостояния, довольно сложно. В странах с различной организацией государственного управления идея благосостояния предопределяется особенностями социальной политики.

Экономические кризисы последних лет ставят перед лицом необходимости включения в «модернизационный проект» не только экономический рост, но и иные параметры, имеющие «социально-гуманитарное, экологическое, этическое содержание». Социальная несправедливость, и прежде всего бедность, означает не только реальные неравенства, «но и исчезновение перспектив развития для масс» (см.: [2, с. 77, 82]).

Актуальной социально-нравственной проблемой современной России является рост безразличия разбогатевших нуворишей, социально некомпетентных чиновников к нуждам людей, терпящих лишения и испытывающих чувство униженности и постоянную тревогу (пенсионеров, инвалидов, малоимущих). В этих условиях «особенно возрастает потребность таких людей как в социальной поддержке со стороны государства, так и в специализированной душевной помощи...» [2, с. 118].

Библиографический список

1. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
2. Меняющаяся социальность: контуры будущего / Отв. ред. В.Г. Федотова. М. : ИФРАН, 2012. 267 с.

3. Федотова В.Г. Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.

4. Baldwin P. The politics of social solidarity. UK: Cambridge University Press. 1990.

5. Nozick R. Anarchy, state and utopia. NYC: Basic Books. 1974.

6. Dollar D., Kraay A. Growth is good for the poor. World Bank; Dollar D. [et al]. Growth is still good for the poor / D. Dollar, T. Kleineberg, A. Kraay. World Bank. 2013.

7. Murray C. Losing Ground. NYC: Basic Books. 1984.

8. Leisering L., Walker R. The dynamics of modern society. Bristol, England: Policy Press. 1998. 320 p.; Cellini S. The dynamics of poverty in the United States / S. Cellini, S.-M. McKernan, C. Ratcliffe // Policy Analysis and Management. Vol. 27, Rel. 3. 2008. P. 577—605.

9. Universal Declaration of Human Rights / United Nations. Article 22. 1948.

10. Guiding Principles on Extreme Poverty and Human Rights / United Nations. 2012.

11. Marshall T. H. Sociology at the crossroads. Heinemann. 1963. 348 p.

12. Öktem K., Erdogan C. Between welfare state and (state-organised) charity International Journal of Sociology and Social Policy // International Journal of Sociology and Social Policy. 2019. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-11-2018-0217>

13. Gesta Esping-Andersen. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Polity. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1990.

14. Atkinson A.B. The welfare state and economic performance // Incomes and the welfare state. UK: Cambridge University Press. 1995.

15. Pierson Ch. Beyond the welfare state? The New Political Economy of Welfare. 3rd ed. UK: Polity Press, 2006. 273 p.

16. Spicker P. Social policy: theory and practice. Bristol, England: Policy Press. 2014.

Малахов Антон Александрович — начальник юридического отдела, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный исследовательский центр картофеля имени А. Г. Лорха» (ул. Лорха, 23, поселок Коренёво, дачный поселок Красково), ya9551@gmail.com

Михайлина Светлана Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), mikhaylina_s@mail.ru

References

1. Veber M. Izbrannye proizvedeniya: per. s nem. / Sost., obshh. red. i poslesl. Ju.N. Davydova; predisl. P.P. Gajdenko. M. : Progress, 1990. 808 s.

2. Menjajushhajasja social'nost': kontury budushhego / Otv. red. V.G. Fedotova. M. : IFRAN, 2012. 267 s.

3. Fedotova V.G. Horoshee obshhestvo. M. : Progress-Tradicija, 2005. 544 s.

4. Baldwin P. The politics of social solidarity. UK: Cambridge University Press. 1990.

5. Nozick R. Anarchy, state and utopia. NYC: Basic Books. 1974.

6. Dollar D., Kraay A. Growth is good for the poor. World Bank; Dollar D. [et al]. Growth is still good for the poor / D. Dollar, T. Kleineberg, A. Kraay. World Bank. 2013.

7. Murray C. Losing Ground. NYC: Basic Books. 1984.

8. Leisering L., Walker R. The dynamics of modern society. Bristol, England: Policy Press. 1998. 320 p.; Cellini S. The dynamics of poverty in the United States / S. Cellini, S.-M. McKernan, C. Ratcliffe // Policy Analysis and Management. Vol. 27, Rel. 3. 2008. P. 577—605.

9. Universal Declaration of Human Rights / United Nations. Article 22. 1948.

10. Guiding Principles on Extreme Poverty and Human Rights / United Nations. 2012.

11. Marshall T. H. Sociology at the crossroads. Heinemann. 1963. 348 p.

12. Öktem K., Erdogan C. Between welfare state and (state-organised) charity International Journal of

Поступила 13.12.2021

Sociology and Social Policy // International Journal of Sociology and Social Policy. 2019. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-11-2018-0217>

13. Gesta Esping-Andersen. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Polity. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1990.

14. Atkinson A.B. The welfare state and economic performance // Incomes and the welfare state. UK: Cambridge University Press. 1995.

15. Pierson Ch. Beyond the welfare state? The New Political Economy of Welfare. 3rd ed. UK: Polity Press, 2006. 273 p.

16. Spicker P. Social policy: theory and practice. Bristol, England: Policy Press. 2014.

Submitted 13.12.2021

Malakhov Anton A., Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Potato Research Center named after A. G. Lorkh» (ul. 23 Lorkha St., Korenevo settlement, Kraskovo suburban settlement), ya9551@gmail.com

Mikhaylina Svetlana A., Candidate of Philosophy, Associate Professor. Associate Professor philosophy, sociology and political science National Research University «MIET» (124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), mikhaylina_s@mail.ru

Спорт высоких достижений в контексте советской политики и идеологии

Д.А. Огородов, М.В. Добрынина

*Национальный исследовательский университет «Московский институт
электронной техники»*

ogorodovd@mail.ru

Проанализированы теоретические основания идеологизации спорта: марксистская идеология, идеи романтических националистов. Выделены и описаны характерные особенности советской политики в области спорта. Показано, что, будучи политизированным, в Советском Союзе спорт играл важную внутривнутриполитическую роль, будучи инструментом формирования групповой идентификации советских граждан и воспитания кадрового резерва для советской армии, промышленности и других отраслей хозяйства. Отмечено, что спорт высоких достижений на международной арене успешно выполнял те задачи, которые были возложены на него Партией и Правительством, — демонстрацию превосходства социалистической системы над капиталистической. Сделан акцент на политизацию и символическую милитаризацию спорта высоких достижений.

Ключевые слова: политика в области спорта, идеология, идентичность, социальная роль спорта, милитаризм.

High Performance Sport in the Context of Soviet Policy and Ideology

D.A. Ogorodov, M.V. Dobrynina

National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology»

ogorodovd@mail.ru

The theoretical foundations of the ideologization of sports are analyzed: Marxist ideology, the ideas of romantic nationalists. The characteristic features of the Soviet policy in the field of sports are highlighted and described. It is shown that, being politicized, sport played an important domestic political role in the Soviet Union, being an instrument for the formation of group identification of Soviet citizens and the education of a personnel reserve for the Soviet army, industry and other sectors of the economy. It is noted that the sport of high achievements in the international arena successfully fulfilled the tasks assigned to it by the Party and the Government - demonstrating the superiority of the socialist system over the capitalist one. Emphasis is placed on the politicization and symbolic militarization of high-achievement sports.

Keywords: sports policy, ideology, identity, social role of sports, militarism.

В советской внутренней политике физкультура и спорт играли важную роль, хотя в содержательном отношении эта роль претерпевала определенные изменения. В определенные периоды физвоспитание и спорт рассматривались преимущественно в утилитарном ключе — как инструмент подготовки военного и промышленного человеческого резерва советского государства; в другие периоды идеологические акценты государства смещались на спорт высоких достижений, который был призван доказать превосходство социалистической системы над капиталистической и продемонстрировать потенциал Советского Союза как одной из сверхдержав, противостоящих в Холодной войне. Эти особенности советского спорта составляют актуальность настоящей статьи. Ее цель заключается в анализе того, каким образом государственная политика и государственная идеология влияли на развитие советского спорта.

Теоретические основания идеологизации спорта

Определенный потенциал для идеологизации советской физкультуры и спорта содержится не только в идеях основоположников гимнастических обществ XIX века, прежде всего, Петра Лесгафта, но и в философии К. Маркса, который призвал к всеобщему внесловесному физическому воспитанию всех граждан всех государств. К. Маркс полагал (и оказался провидцем), что в системах образования будущего «гражданам должна быть предоставлена ... возможность сбалансированного образования, в котором физическое воспитание является неотъемлемой частью» [15, с. 59]. Согласно идеям Маркса, система общего государственного образования должна включать три компонента, каждый из которых способствует гармоничному воспитанию тела и разума, а именно: умственное образование, физическое воспитание (через гимнастику или начальную военную

подготовку) и технологическое образование [15, с. 59]. В. Ленин занимался гимнастикой ежедневно во время пребывания в тюрьмах и ссылках, поскольку справедливо полагал, что она поддерживает физическую форму и тренирует бойцовский дух, необходимые революционеру.

После революционных переворотов и захвата власти большевиками в 1917 году, вся страна оказалась в глубочайшем экономическом кризисе, разрешить который быстрыми темпами мешала не только война, но и внутривластный коллапс и паралич важных элементов системы управления обществом и государством.

Однако в послереволюционный период советское правительство быстро осознало стратегическое значение образования для решения задач преодоления разразившегося в стране экономического кризиса, укрепления обороноспособности страны, в перспективе — для окончательной «победы над буржуазией» [19, с. 49; 20, с. 470; 21, с. 472; 22, с. 487] и строительства общества и государства нового типа. В новой стратегии формирования нового общества и нового человека партия большевиков рассматривала спорт как средство модернизации социума. Лидеры нового государства не без оснований полагали, что спорт может и должен быть интегрирован в инструментальную модель преобразования в ограниченные сроки «отсталой и бедной страны необъятных размеров из феодальной в современную» [1, с. 5; 16, с. 16-17].

Уже в 20-е годы в Советской России спорт понимался как один из инструментов воспитания нового человека — дисциплинированной единицы внутри коммунистической массы рабочих и крестьян. Дисциплинированность и способность к подчинению своей воли и своего тела воле государства и масс — ключевая особенность человека нового — социалистического — типа. В. Ленин писал, что для построения общества нового типа нужно формировать

«сознательную дисциплину рабочих и крестьян, которые соединяют с ненавистью к старому обществу решимость, умение и готовность объединить и организовать силы для этой борьбы, чтобы из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю, ибо без этой единой воли мы будем разбиты неминуемо. Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно. Без этого победить капиталистов и помещиков всего мира мы не сможем. Мы не закрепим даже фундамента, не говоря о том, чтобы на этом фундаменте построить новое, коммунистическое общество» [18, с. 125]. Ленин был уверен, что спорт играет огромную роль в создании «гармоничного коммунистического человека», поэтому выступал за построение единой системы физического воспитания граждан в системе государственного образования. Согласно его замыслу, физкультура и спорт должны были быть внедрены в систему начального образования на самых ранних его ступенях [1, с. 6].

В период военного коммунизма спорт и физическое воспитание были элементом военной подготовки бойцов Красной Армии; уже в мае 1918 года был создан Центральный совет всеобщей военной подготовки, Всевобуч (Ответственный за физическую подготовку граждан в возрасте 16-40 лет), призванный «как можно быстрее обеспечить Красную Армию контингентами подготовленных призывников» [15, 46]. Всевобуч должен был координировать свои действия с комиссариатами образования и здравоохранения; реализуя на этапе становления основных принципов будущей советской политики в области физкультуры и спорта принцип ее прямой связи с образовательной, военной, идеологической политикой и политикой в области здравоохранения. Николай Подвойский, глава Всевобуча, считал, что без спортивной подготовки бойцы Крас-

ной Армии не смогут победить Гражданской войне, а эта победа была ключевым условием создания и процветания первого в мире государства рабочих и крестьян. Победа над капиталистической угрозой и последующее развитие промышленности и сельского хозяйства Советской России требовали подготовки армии здоровых, физически крепких людей, сильных и ловких защитников и строителей нового общества; ежедневные тренировки бойцов и военные сборы были элементами механизма создания такой армии. Посредством физвоспитания и спорта в сочетании с гигиеническим просвещением советским правительством решались также задачи борьбы с эпидемиями, угроза возникновения которых в больших городах усилилась в начале эры индустриализации, когда крестьяне массово мигрировали из деревни в городские промышленные центры [16, с. 18].

Если в отношении социальной роли физкультуры среди руководителей государства не было разногласий, то по поводу спорта высоких достижений среди политиков и педагогов в 20-е годы XX века развернулась широкая дискуссия. Так, Подвойский считал, что «эмоциональная привлекательность соревновательного спорта» необходима для того, чтобы люди были эмоционально мотивированы к участию в физкультурных и спортивных практиках; в то же время, многие педагоги (включая П. Лесгафта) считали соревновательный спорт буржуазным пережитком, противоречащим социалистической идеологии. В конечном итоге, на уровне государства победила про-спорттивная точка зрения, отчасти потому, что в период оформления межнационального советского единства (оформления наднациональной советской гражданской идентичности) спорт играл важную интегрирующую роль. Например, на Первой Центральноазиатской Олимпиаде в 1920 году узбеки, казахи, киргизы, туркмены и русские принимали участие

в одном масштабном спортивном соревновании. Нельзя не признать, что спортивные игры, фестивали, спартакиады и другие виды спортивных праздников на самом деле сыграли важную роль в укреплении дружбы советских народов.

После окончания Гражданской войны государство декларировало, что спорт имеет важное социальное значение, а именно: 1) способствует укреплению здоровья граждан; 2) является важным элементом воспитания всесторонне развитой гармоничной личности; 3) является элементом первичной военной подготовки; 4) является средством формирования малых и больших идентичностей (партийной, классовой, советской, профсоюзной); 5) является инструментом мотивации граждан к социальной и политической активности [1, с. 6].

Благодаря реализации идей Маркса и Ленина в реальной государственной политике, Советский Союз оказался государством-пионером в политике в области физкультуры и спорта. Впервые в истории именно в Советской России и во всем Советском Союзе физкультура и спорт на уровне государственной идеологии, государственного администрирования и содержания образовательных программ были увязаны с политикой охраны общественного здоровья, воспитанием патриотизма и государственной идеологией. Приоритетами государственной политики в области физкультуры и спорта была доступность спорта для как можно большего числа людей и внедрение спорта в образовательные технологии для формирования «коммунистического» (в послевоенные периоды — «социалистического») человека.

Социальная роль спорта высоких достижений в советском обществе

Успехи соревновательного советского спорта также были элементом и следствием достаточно успешной государственной политики в области физкультуры и спорта. Спортивные достижения советских спорт-

сменов позволяли гражданам только отождествлять страну и идентифицировать самих себя с победами. Еще в Античности древние Олимпийские игры не только приносили славу и участникам и обеспечивали им социальный статус в своих полисах, но и приносили имиджевые, экономические и прочие преимущества политикам и городам-государствам, которых они представляли: «Те, кто обладал политической властью или хотел приобрести ее для себя или своих семей, находили удобным находиться рядом с успешными спортсменами, чтобы использовать ауру престижа для собственной выгоды» [9, с. 132]. Это суждение можно отнести не только к политикам, но и ко всем гражданам полисов, представленных на Играх: Игры и представления вызывали всплеск патриотических настроений и гордость за сограждан; гражданские сообщества полисов отождествляли себя со своими гражданами, соревнующимися и особенно победившими атлетами. Соревнования также способствовали формированию более широкой — эллинистической — социокультурной и политической идентичности, поскольку Игры способствовали сохранению, укреплению и трансляции тех религиозных, образовательных и культурных практик, ценностей и традиций, которые отделяли греков от варваров [9, с. 132]. В спортивном участии и болении важно также отождествление себя и «своих»: «При прочих равных условиях вы болеете за свой пол, свою культуру, свою местность...и вы хотите доказать, что вы лучше других. Тот, за кого вы болеете, представляет вас; и когда он побеждает, побеждаете и Вы» [5, с. 196—198]. В этом мире безликих «чужих» у людей есть желание — потребность — найти «своих» и испытать торжество победы над прочими чужими. Победа для «своей» команды — это один из способов для болельщика доказать свое превосходство — по крайней мере, в своем собственном сознании. Аналогичный механизм действовал и в советском соревновательном

спорте. Как атлетика, так и боление являлись инструментами формирования малых и более широких идентичностей участников соревнований: от идентичности как члена трудового или академического коллектива до масштабной советской идентичности.

Соревновательный спорт в Советском Союзе в 1930-х годах также играл важную рекреационную роль, являясь привлекательным отвлечением от повседневной рутины, бытовых и производственных проблем обывателя. Руководство партии и государства стремились к тому, чтобы те эмоции, которые связаны с переживанием спорта, канализировать в патриотизм и иные созидательные социальные эмоции. Но болельщики и поклонники спортивных команд нередко более страстно относятся к спорту, чем сами атлеты. Идеологи советского спорта понимали, что потенциал идеологизации спорта заключается в эмоциональной насыщенности спортивных состязаний, которые никого не оставляют равнодушными и вызывают бурю индивидуальных эмоций и коллективные эмоциональные аффекты. Как это можно объяснить? Роберт Чалдини пытается ответить на этот вопрос в книге «Влияние: психология убеждения», приводя рассказ о ветеране Второй мировой войны. Вскоре после войны солдат совсем перестал говорить; согласно медицинскому обследованию его немота не имела никаких физических причин — никаких ран или повреждений мозга. Ветеран имел нормальную психику и был помещен в госпиталь для ветеранов, где он прожил тридцать лет среди совершенно психически нормальных людей, но не произнося ни слова. Однажды в палате, в которой находился ветеран, по радио транслировался футбольный матч, в котором играла команда из его родного города. Когда судья назначил пенальти в ворота команды, за которую болел ветеран, он вскочил и закричал: «Ты тупой осел! Ты собираешься отдать им очко?!»

Затем он молча сел и больше никогда не заговорил [5, с. 195-196]. Чалдини формулирует два теоретических вывода. Во-первых, аффект от игры и желание победы своей команды «вырвало» ветерана из привычного для его психики социального отчуждения, и *способность вызвать такую бурю эмоций — специфическая особенность именно спорта*. Во-вторых, спортивное боление носит глубоко личный характер: болельщики идентифицируют себя со своей командой, сопереживают победам и проигрышам, ощущая их как свои собственные, лично значимые победы и поражения. Коммунистическая партия также стремилась извлечь выгоду из привлекательности спорта и связать его с фестивалями и политическими праздниками, призванными пробудить патриотизм среди людей и напомнить им, в какой «прекрасной» стране они живут.

Как массовый, так и высокий спорт для граждан, в первую очередь, спортивных болельщиков, являлись также мотивирующими факторами повышать уровень личных притязаний и достижений в спортивной и иных областях общественной жизни, способствовали формированию модели успешного человека.

Государственная поддержка массового спорта также играла свою роль в организации спортивных побед Советского Союза: массовый спорт формировал гигантский кадровый резерв для спорта высоких достижений.

На протяжении всех десятилетий существования Советского Союза, политические императивы и приоритеты в области физкультуры и спорта последовательно внедрялись и реализовывались и в системе образования. В советской школе и в Советском вузе физическая подготовка ценилась не в меньшей степени, чем академические достижения. До сих пор физическая культура остается базовой дисциплиной в учебных планах всех вузов страны. Первые два года обучения

из четырех каждый студент должен посещать занятия и сдавать нормативы по физической культуре. Если студент не посещает занятия или не показывает удовлетворительных результатов во время зачетов и экзаменов, его могут отчислить из университета вне зависимости от уровня академической успеваемости по другим предметам или его научного потенциала [16, с. 38—43]. Государство в лице административных органов уже к 30-м годам XX века осознало, что для достойного выступления спортсменов на международных спортивных соревнованиях и достижения международного успеха и одержания побед, требуется ранняя спортивная подготовка и ранняя специализация в спорте. Для решения этой задачи были организованы спортивные школы и спортивные школы-интернаты, в которых юные спортсмены могли усиленно тренироваться и параллельно получать среднее образование.

Спорт высоких достижений во внутренней и внешней политике СССР

Просуществовавшая до 1980-х годов модель советской спортивной подготовки оформилась в конце 20-х годов XX века: на фоне некоторого роста экономики и реализации первого пятилетнего плана. В этот период был принят целый ряд важных документов. Среди них Декрет ВЦИК РСФСР от 27 июня 1923 г. «Об образовании Высшего и местных советов физической культуры трудящихся РСФСР»; Постановление ЦК ВКП(б) от 23 сентября 1929 г. «О физкультурном движении» Постановление «Об учреждении Всесоюзного совета физической культуры при ЦИК СССР (ВСФК)» от 1 апреля 1930 г, который был призван «решить все вопросы организации спорта». Все местные спортивные клубы были перенесены на «производственную базу» и прикреплены к предприятиям, научным и образовательным учреждениям. Соответственно, с начала 30-х годов членство в спортивных клубах осуществлялось гражданами по основному месту

работы, службы или обучения. Спорт также контролировался и партийной организацией, поэтому вертикаль административного управления спортом была приведена в соответствие с моделями государственного управления другими сферами социальной жизни. Для поддержания интереса к спорту высоких достижений и содействию его развитию в 1935 году были организованы профсоюзные спортивные общества (например. Спортивное общество «Локомотив» — при профсоюзной организации работников путей сообщения), что, в конечном счете, привело к оформлению республиканских и общегосударственных спортивных лиг и всесоюзных чемпионатов по различным видам спорта.

Признание советским правительством значимости соревновательного спорта нашло свое проявление в награждении в 1937 году спортивных обществ «Динамо» и «Спартак» орденом Ленина, что можно рассматривать как высшую форму признания государством достижений того, кто представляется к награде. В 30-х годах также была запущена государственная программа «Готов к труду и обороне» (ГТО), которая преследовала цель «расширения сферы спортивного участия; дать возможность участникам включиться в регулярные занятия спортом, которые должны стать нормальной чертой социалистического образа жизни» [14, 71], а также «создать мощную базу для формирования кадрового резерва спорта высоких достижений» [14, 72]. В том числе, благодаря массовому участию граждан в программе ГТО, спортивная команда Советского Союза была имела мощный кадровый резерв. Она принимала участие во всех значительных международных спортивных соревнованиях по всем видам спорта (за исключением Летней Олимпиады 1968 года и Зимних Игр 1980 года). Однако советские спортсмены представляли на международной арене не только команду своей страны, в официальном идеологическом дискурсе и в идеологи-

зированной общественном сознании они воспринимались как солдаты — защитники советской марксистско-ленинской идеологии. Советские спортсмены, побеждавшие на гимнастических матах и хоккейных полях отстаивали перед всем миром марксистские принципы, согласно которым в личности связаны физический и психический уровни развития, так что физическая культура в воспитании человека равна по своему значению физической культуре. Команда Советского Союза (самая успешная национальная команда за всю историю современного спорта) была также воплощением милитаристской политики: она побеждала на спортивных полях, воспринимаемых болельщиками всего мира как метафора полей военных битв. Спортивная форма и спортивные снаряды, в этом отношении, символизировали военное обмундирование и оружие.

Массовая спортивная подготовка и программы ГТО также были милитаризованы в конце 30-х годов оказавшись инструментом военной подготовки (курс ГТО был переориентирован на обеспечение военной подготовки в таких областях, как оказание первой медицинской помощи, штыковая атака, обращение с винтовкой, топография и метание гранат) после 1931 года, в период, когда Советский Союз был окружен враждебными соседями и растущими фашистскими политическими режимами. Как и в большей части Европы, во время Войны спортивные мероприятия резко сократились. В Войне погибли многие знаменитые и любимые болельщиками советские спортсмены: чемпион марафона Бабарыкин, рекордсмен советского конькобежного спорта Каплинский и чемпионка по лыжным гонкам Любовь Кулакова. Нередко спортсмены погибали во время выполнения особенно сложных боевых заданий, которые им поручались из-за их предполагаемого превосходства в ловкости, выносливости и силе.

Однако даже во время Великой Отечественной войны внутренние спортивные

мероприятия по-прежнему проводились: в основном, они были нацелены на повышение морального духа в раздираемой войной стране. Так, 6 мая 1942 года в Ленинграде состоялся футбольный матч между двумя гарнизонными командами, невзирая на то, что недалеко от спортивного стадиона падали и разрывались боевые снаряды.

С окончанием войны, партийные чиновники стали проявлять еще больший интерес к перспективам политизации спорта высоких достижений, приняв партийную линию, согласно которой «спорт должен стремиться не просто за равноправие с другими народами, но и для советского господства». Партийное руководство осознало, что для реализации цели демонстрации советского превосходства на международном уровне Советский Союз должен был присоединиться к существующим международным спортивным федерациям. В октябре 1951 года был создан Советский олимпийский комитет, и в 1952 году Советский Союз впервые выступил на Олимпийских играх в Хельсинки. Вступление в международные спортивные федерации вынуждало советские спортивные команды к соблюдению норм спортивной этики, требовавшие участия в большинстве спортивных соревнований атлетов, имеющих статус любителей. Однако благодаря государственной поддержке спорта высоких достижений, оказываемом на политическом уровне, команды советского союза смогли соблюдать это правило номинально: советские спортсмены самого высокого уровня были формально «заняты» в одной из следующих сфер занятости: студент, военнослужащий или инструктор по физкультуре спортивного общества или профсоюза. Благодаря этой формальной занятости, спортсмены имели достаточно времени для тренировок. Спортсмены-«любители» показывали на международных соревнованиях такой уровень мастерства, что западные спортивные комментаторы называли их «шаманами».

Благодаря последовательной государственной политике поддержки массового и олимпийского спорта, советский спорт успешно выполнял те задачи, которые были возложены на него Партией и Правительством — демонстрация превосходства социалистической системы над капиталистической. На сегодняшний день СССР остается самой успешной спортивной страной, выиграв самое большое количество спортивных медалей за всю свою спортивную историю. Советский спорт высоких достижений и спортивные команды Советского Союза, одерживая многочисленные победы на международных соревнованиях, были также символическими проводниками милитаристической по своей сути идеи того, что «красная армия всех сильнее», способствуя канализации эмоциональной жажды (испытываемой как советской номенклатурой, так и большинством советских граждан) сражений и побед в русло невооруженных бескровных столкновений и триумфов.

Библиографический список

1. Anthony D. Introduction to Sport under Communism: The U.S.S.R., Czechoslovakia, the G.D.R., China, Cuba / James Riordan, ed. 2. ed., rev. London : Hurst ; Montreal : McGill - Queen's univ. press, 1981. X, 181 p. P. 3—12.
2. Arnaud P., Riordan J. Sport and International Politics. London and New York: E & FN Spon, 1998. 240 p.
3. Bairner A. Sport, Nationalism, and Globalization. Albany, New York: State University of New York Press, 2001. 207 p.
4. Buckel Bart A. Nationalism, mass politics, and sport cold war case. Monterey, California: Naval Postgraduate School, 2008. 128 p.
5. Cialdini R. B. Influence: The Psychology of Persuasion. New York: Quill, William Morrow, 1993. 320 p.
6. Claire N. The Sokol in the Czech Lands to 1914: Training for the Nation. New York: Palgrave MacMillan, 2002. X, 258 p.
7. Eitzen D. S., Frey J. H. Sport and Society // Annual Review of Sociology. 1991. № 17. P. 503—522.
8. Eugen W. Peasants into Frenchmen. Stanford, California: Stanford University Press, 1976. XV. 615 p.
9. Hugill W. M. Olympics Old and New // Phoenix. 1949. Vol. 3. P. 31—39.
10. Kanin D. B. A Political History of the Olympic Games. Boulder, CO: Westview Press, 1981. XIV, 161 p.
11. Kruger A. Strength through joy // The International Politics of Sport in the 20th Century / Eds.: A. Kruger, J. Riordan. London and New York: E & FN Spon, 1999. P. 67—89.
12. Kruger A. The role of sport in German international politics, 1918-1945 // Sport and International Politics / Eds.: P. Arnaud, J. Riordan. London and New York: E & FN Spon, 1998. P. 79—96.
13. Mosse G. L. The Nationalization of the Masses. New York: Howard Fertig, 1975. XIV, 252 p.
14. Riordan J. Introduction to «Sport and International Politics» // Sport and International Politics. London and New York: E & FN Spon, 1998. 227 p.
15. Riordan J. Sport in Soviet Society. Cambridge, London, Melbourne and New York: Cambridge University Press, 1978.
16. Riordan J. The U.S.S.R. // Sport under Communism: the U.S.S.R., Czechoslovakia, the G.D.R., China, Cuba / James Riordan, ed. 2. ed., rev. London : Hurst ; Montreal : McGill - Queen's univ. press, 1981. X, 181 p. Pp. 13—63.
17. Strenk A. What Price Victory? The World of International Sports and Politics // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1979. Vol. 445. P. 128—140.
18. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // Ленин В.И. Соч.4-е изд. М., 1949. Т.41
19. Ленин В.И. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 11(24) января 1918 г. // Ленин В.И. Соч.4-е изд. М., 1949. Т. 26.
20. Ленин В.И. Речь в коммунистической фракции V Всероссийского съезда Советов 3 июля 1918 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.
21. Ленин В.И. Речь на Всероссийском съезде крестьянских депутатов и земельных

комитетов 28 января (10 февраля) 1918 г. // Ленин В.И. Соч.4-е изд. М., 1949. Т. 26.

22. Ленин В.И. Речь перед агитаторами, посылаемыми в провинцию // Ленин В.И. Соч.4-е изд. М., 1949. Т. 26.

23. Программа Российской Коммунистической Партии (большевиков) принята 8 съездом партии 18—23 марта 1919 года // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. 1917—1922.

Поступила 10.11.2021

Огородов Дмитрий Александрович — руководитель Молодежного инновационного центра НРУ Национального исследовательского университета электронной техники (МИЭТ) (124498, Россия, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, Москва), ogorodovd@mail.ru

Добрынина Мария Владимировна — Кандидат политических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет МИЭТ

References

1. Anthony D. Introduction to Sport under Communism: The U.S.S.R., Czechoslovakia, the G.D.R., China, Cuba / James Riordan, ed. 2. ed., rev. London : Hurst ; Montreal : McGill - Queen's univ. press, 1981. X, 181 r. P. 3—12.

2. Arnaud P., Riordan J. Sport and International Politics. London and New York: E & FN Spon, 1998. 240 r.

3. Bairner A. Sport, Nationalism, and Globalization. Albany, New York: State University of New York Press, 2001. 207 r.

4. Buckel Bart A. Nationalism, mass politics, and sport cold war case. Monterey, California: Naval Postgraduate School, 2008. 128 r.

5. Cialdini R. B. Influence: The Psychology of Persuasion. New York: Quill, William Morrow, 1993. 320 r.

6. Claire N. The Sokol in the Czech Lands to 1914: Training for the Nation. New York: Palgrave MacMillan, 2002. H, 258 r.

7. Eitzen D. S., Frey J. H. Sport and Society // Annual Review of Sociology. 1991. № 17. R. 503—522.

8. Eugen W. Peasants into Frenchmen. Stanford, California: Stanford University Press, 1976. XV. 615 p.

9. Hugill W. M. Olympics Old and New // Phoenix. 1949. Vol. 3. R. 31—39.

10. Kanin D. B. A Political History of the Olympic Games. Boulder, CO: Westview Press, 1981. XIV, 161 p.

11. Kruger A. Strength through joy // The International Politics of Sport in the 20th Century / Eds.: A. Kruger, J. Riordan. London and New York: E & FN Spon, 1999. R. 67—89.

12. Kruger A. The role of sport in German international politics, 1918-1945 // Sport and International Politics / Eds.: P. Arnaud, J. Riordan. London and New York: E & FN Spon, 1998. R. 79—96.

13. Mosse G. L. The Nationalization of the Masses. New York: Howard Fertig, 1975. XIV, 252 p.

14. Riordan J. Introduction to «Sport and International Politics» // Sport and International Politics. London and New York: E & FN Spon, 1998. 227 r.

15. Riordan J. Sport in Soviet Society. Cambridge, London, Melbourne and New York: Cambridge University Press, 1978.

16. Riordan J. The U.S.S.R. // Sport under Communism: the U.S.S.R., Czechoslovakia, the G.D.R., China, Cuba / James Riordan, ed. 2. ed., rev. London : Hurst ; Montreal : McGill - Queen's univ. press, 1981. X, 181 r. Pp. 13—63.

17. Strenk A. What Price Victory? The World of International Sports and Politics // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1979. Vol. 445. R. 128—140.

18. Lenin V. I. Zadachi sojuzov molodezhi // Lenin V.I. Soch.4-е изд. М., 1949. Т.41

19. Lenin V.I. Doklad o dejatel'nosti Soveta Narodnyh Komissarov 11(24) janvarja 1918 g. // Lenin V.I. Soch.4-е изд. М., 1949. Т. 26.

20. Lenin V.I. Rech' v kommunisticheskoj frakcii V Vserossijskogo s#ezda Sovetov 3 ijulja 1918 g. // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 36.

21. Lenin V.I. Rech' na Vserossijskom s#ezde krest'janskikh deputatov i zemel'nyh komitetov 28 jan-

varja (10 fevralja) 1918 g. // Lenin V.I. Soch.4-e izd. M., 1949. T. 26.

22. Lenin V.I. Rech' pered agitatorami, posylae-mymi v provinciju // Lenin V.I. Soch.4-e izd. M., 1949. T. 26.

23. Programma Rossijskoj Kommunisticheskoy Partii (bol'shevikov) prinjata 8 s#ezdom partii 18—23 marta 1919 goda // Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK. M., 1983. T. 2. 1917—1922.

Submitted 10.12.2021

Ogorodov Dmitry A., Head of the Youth Innovation Center NRU National Research University of Electronic Technology (MIET) (1, Shokina sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), ogorodovd@mail.ru

Dobrynina Maria Vladimirovna — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Management and Finance, National Research University MIET

Этика постчеловечества

И.Ю. Привалова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

privalova912@rambler.ru

Проясняется содержание этики постчеловечества посредством сравнительного анализа психофизического устройства современного человека и постчеловека, особенности которых специфически детерминируют этику разных типов общества. С этой целью исследуется содержание понятий: разум, сознание, душа, дух, когнитом — с точки зрения современной нейронауки, христианской антропологии и картезианской философии. Поднимаются вопросы свободы воли, приводятся аргументы в пользу концепции компатибилизма.

Ключевые слова: этика, постчеловек, трансчеловек, искусственный интеллект, когнитом, разум, душа, сознание, Бог, христианская антропология, трансгуманизм.

Posthuman ethics

I. Yu. Privalova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

privalova912@rambler.ru

The content of posthuman ethics is clarified through a comparative analysis of the psychophysical structure of modern man and posthuman, the features of which specifically determine the ethics of different types of society. For this purpose, the content of the concepts mind, consciousness, soul, spirit, human cognition is investigated from the point of view of modern neuroscience, Christian anthropology and Cartesian philosophy. The questions of free will are raised, arguments are given in favor of the concept of compatibilism.

Keywords: ethics, posthuman, transhuman, Artificial Intelligence, cognitom, intelligence, soul, consciousness, God, Christian anthropology, transhumanism.

Для современного этапа развития технологий искусственного интеллекта (AI) характерны очень высокие темпы изменений. Научный прогресс в данной области, вызванный, помимо прочего, активным финансированием со стороны государства и бизнеса, об-

условливает массовое и повсеместное внедрение AI-технологий в жизнь человека и общества. Очевидно, что общество сегодня — на подступах к той фазе своего развития, которую трансгуманисты называют постчеловечеством. Весьма вероятным в этом контексте

представляется появление специфического этического кода, характерного для этого нового типа общества.

Приступая к исследованию заявленной темы, отметим, что этическая проблематика всегда внутренне связана с философским вопросом о свободе воли. Помимо этого, наше обращение к дискуссии о свободе воли человека обусловлено также содержанием современных исследований в области нейробиологии. Вопрос о наличии или отсутствии у человека свободы воли, а также, в случае ее наличия, вопрос совместимости последней с детерминизмом (компатибилизмом и инкомпатибилизмом), должен рассматриваться сегодня с точки зрения интенций прояснения, в том числе и локализации данного феномена.

Очевидно, что в случае полного отрицания наличия свободы воли у человека мы одновременно снимаем с повестки рассмотрения практически все этические вопросы. Если человек изначально несвободен в своих решениях и поступках, а строго детерминирован внешними факторами, то вопрос полной личной ответственности за поступки лишается смысла. Соответственно вопросы этики снимаются сами собой. Но если мы уверены в обладании человеком свободной волей, то необходимо прояснить источник и локализацию последней.

Большинство исследователей, признающих наличие у человека свободной воли, считают ее источником и сферой пребывания непосредственно сферу разума человека. Человек разумен, он не подчинен всецело своей инстинктивной составляющей и, соответственно, имеет возможность сугубо человеческого поведенческого выбора. В социуме мы имеем массу примеров, когда человек поступает прямо противоположно целям своей биологической программы. Он может принять решение пойти наперекор определенному социальному регламенту или противодействовать обстоятельствам внешней среды весьма затратным для себя обра-

зом (примеры героизма, подвижничества и жертвенности людей). Такие решения являются отражением его внутренней свободы, основанной на определенных ценностях. Ценности человеком присваиваются или не присваиваются также свободно и разумно. Подтверждением этому могут служить многочисленные примеры жизни людей, чьи ценности менялись с течением жизни, проходя сквозь призму осмысленного, препарированного разумного опыта.

Временно останавливаясь на утверждении разумного источника свободной воли, заметим, однако, что нейробиологические исследования последних лет заставляют нас поставить данное утверждение под сомнение.

Нейробиолог Джон-Дилан Хайнс в ходе научного эксперимента установил факт, содержание которого способно существенно изменить отношение человека к сознательным процессам, протекающим в его мозге. Процесс принятия решений объектом эксперимента — человеком, чей мозг подвергается сканированию в ходе этого процесса — воспринимается как полностью контролируемый и осознанный, но фактически данный процесс обусловлен результатом бессознательной активности тех или иных участков его мозга. Хайнс проводил исследования, используя магнитно-резонансный томограф, который фиксировал момент принятия решения мозгом на несколько секунд раньше, чем испытуемый это осознавал. Эксперимент Хайнса позволил сделать вывод о предопределенности (несвободе) всех решений человека, кажущихся ему свободными и сознательными, но по сути таковыми не являющимися. Сфера бессознательного в человеке является здесь ведущей и предопределяющей содержание принимаемых решений. Сфера сознания человека является, соответственно, ведомой. Ей отводится лишь пассивная роль реципиента уведомлений о содержании принятого решения [1, 2].

Здесь мы вынуждены вернуться к вопросу о свободе воли человека. Если деятельность

сознания предопределена и регламентирована, то возможно ли вообще говорить о свободе? Вероятно, о свободе воли человека можно говорить, рассматривая этот феномен, например, сквозь призму христианской антропологии. Христианская философия в целом, а также христианская антропология в частности особое внимание уделяют понятию «сердце». Сердце в христианстве понимается отнюдь не только физиологически, как орган кровообращения, а в первую очередь как главный орган богопознания, то есть ему приписывается комплекс душевно-духовных качеств [3]. В сердце человека в латентной форме присутствуют его желания и зарождаются намерения. Сердце непосредственным образом влияет на волевую сферу человека. Именно содержимое сердца человека обуславливает его решения и поступки.

Сердцем человек выбирает ориентацию к Богу, либо от него. Если человек принял решение впустить Бога в свое сердце, то он тем самым позволяет Богу действовать в нем. Из этого исходят основные христианские установки на перманентное очищение сердца. Свойствами чистого сердца должны стать, например, безобразность и бесстрастность. Эти свойства сердца позволяют Богу действовать через человека, наполняя его собственным содержанием и актуализируя новые способности, коих не имеет человек, не обращенный сердцем к Богу. Здесь уместно вспомнить о синергетическом взаимодействии двух волей — воли божественной и воли человека, которая приняла решение допустить божественные энергии внутрь себя, тем самым обретая новые возможности взаимодействия с внешним миром, а также возможность собственного внутреннего качественного переустroения [4].

Отмеченные выше процессы, происходящие в сердце человека, с точки зрения христианской антропологии, позволяют нам увидеть возможности для актуализации феномена свободы воли. И так как разум в христианской антропологии (особенно в ее ор-

тодоксальной ветви) признается инструментом, которым пользуется душа, направляемая велениями (выбором) сердца, то здесь мы видим непротиворечивое утверждение о существовании феномена свободы воли. Непротиворечивость здесь рассматривается по отношению к современным нейробиологическим представлениям о работе мозга, о которых говорилось выше. Именно в контексте различения функций сердца и разума, которые представлены в христианской антропологии, может логично ужиться факт современной нейронауки, настаивающей на несвободе человеческого сознания, с теорией о существовании свободы воли и даже теорией компатибилизма. Это легко объясняется тем, что первичный свободный выбор человека совершается в сфере его сердца. Именно выбор сердца (в его христианском понимании) детерминирует последующие процессы, происходящие в сознании человека. Мозг, таким образом, выступает в роли своеобразного процессора, или узла, выполняющего сугубо технические функции. Если рассматривать мозг человека и сознание, продуцируемое им именно в таком качестве, то мы снимаем вопросы о несвободе человека, с которыми вынуждены были столкнуться в результате нейронаучных исследований последних лет.

Теория компатибилизма, рассматриваемая сквозь призму христианской антропологии и данных нейробиологии одновременно, также приобретает новое звучание. Строгий детерминизм и внешнюю регламентацию решений и поступков можно отнести в ней к сфере разума человека, а признаки совместимости с феноменом свободы обнаруживаются в человеке, осуществляющем свой первичный свободный выбор сердцем.

В контексте исследования проблемы разума человека необходимо обратиться к многообразию смежных понятий, с которыми в настоящее время работают нейрокогнитивные науки. Множественные трудности обусловлены достаточно свободной трактовкой

и переводом понятия «Mind», под термином «Mind» может пониматься разум, ум, сознание, психика. Академик К.В. Анохин, например, считает, что понятию «Mind» синонимично понятие «Разум». Чтобы избежать терминологической путаницы, он предлагает ввести в нейронауку новый термин — когнитом, который называет понятие нейронной гиперсети, состоящей из нейронных групп со специфическими когнитивными свойствами. Структура когнитома тождественна структуре разума, а сознание есть специфический процесс широкомасштабной интеграции когнитивных элементов в этой нейронной гиперсети [5]. Эта структура постоянно присуща человеку, в ней могут протекать или не протекать различные процессы. Эти процессы следует считать сознательными, если за их счет формируется субъективный опыт человека (мышление, эмоции, квалиа), либо бессознательными (в иных случаях). Принципиально важно здесь то, что эта структура — когнитом — имманентно присуща любому человеку независимо от того, какие процессы в ней протекают. Кроме того, по мнению К.В. Анохина, правильно понятый разум — это и есть мозг, а правильно понятый мозг — это и есть разум (когнитом). Когнитом также можно квалифицировать как «Я» человека [6].

Стоит отметить, что в известном высказывании Картезия «Cogito ergo sum» само «cogito» часто переводят как «мыслю» и, соответственно, заключают, что именно процесс мышления человека подтверждает факт его существования. Однако можно предположить, что подобное понимание не является корректным. Из работ Декарта видно, что в понятие «cogito» включено не только мышление, но также и вся совокупность человеческих желаний, намерений, чувств, эмоций, то есть «cogito» — это, скорее, все то, как человек ощущает самого себя, все свои состояния, и как это им осмысливается [7; 8]. Это, вероятно, корректнее понимать как сознание человека, — сознание как процесс формирования многообразного опыта субъекта.

Согласно Декарту, человеческой душе присущи различные функции, часть из которых является приспособительным инструментом, позволяющим человеку встроиться в физический мир как «вещь среди вещей». Другая же часть — разумная — представляет собой гносеологический инструмент, в чей арсенал входит также и способность богопознания и богообщения. В этой части души содержится потенциал проникновения человека в так называемую зону Божественной истины, но более «низшая» (приспособительная) часть души всегда опосредует этот процесс. Для обозначения данного влияния Декарт вводит понятие *passion*, одновременно считая его своеобразной помехой на пути обретения абсолютной истины. Очевидно, что процесс борьбы двух этих частей души является сугубо индивидуальным и, соответственно, у каждого человека протекает специфично, в том числе и с точки зрения его результативности.

Возвращаясь к понятию «когнитом», отметим, что содержательно оно близко как к картезианскому, так и христианскому пониманию души. В дальнейшем, рассуждая об этике постчеловечества, будем придерживаться именно этого варианта трактовки понятия «душа». Напомним, что упоминаемое выше христианское понятие «сердце» в значении, прежде всего, органа богопознания (познания абсолютной истины) также является частью души.

Прежде чем перейти к собственно этической проблематике следующей ступени развития общества, называемой постчеловечеством, необходимо обозначить также и специфические понятия, характерные для последнего. Постчеловечество — это ожидаемая новая стадия цивилизационного развития, критериями наступления которой являются, например, следующие факты:

- население земли превышает 1 трлн «человек»;
- продолжительность жизни «человека» — 500 и более лет;

- отсутствие физического и психологического страдания [9].

Заметим, что следует различать понятия «трансчеловек» и «постчеловек». Если трансчеловек соответствует человеку в его современном понимании, но с улучшенными физическими характеристиками, то постчеловек — потомок человека, но уже человеком не являющийся. Согласно концепции трансгуманизма, существует три возможных этапа (или самостоятельных пути) перехода от современной стадии развития человечества к последующей — постчеловеческой. Первый этап (путь) — это постепенное изменение биологии человека за счет интеграции человека и небиологических технологий. Результатом движения по этому пути станет преобразование общества современного типа в общество киборгов. Второй этап (путь) к постчеловечеству лежит через полный отказ человека от собственной телесности. Осуществить эту программу станет возможно за счет загрузки оцифрованного сознания человека в суперкомпьютеры (возникнет так называемый сильный искусственный интеллект). И если в первом случае речь идет еще о трансчеловеке, то во втором случае — уже о постчеловеке. Третий путь к постчеловечеству для трансгуманистов — это так называемое преобразование общества через сингулярность, которая приведет к созданию искусственного интеллекта, способного многократно превзойти естественный. Здесь введем также понятие большого искусственного интеллекта, который будет представлен неким техническим агентом, способным по своим вычислительным мощностям превзойти все человечество.

Итак, планируемый трансгуманистами процесс перехода от современного человека к трансчеловеку, а затем и постчеловеку, очевидно, будет характеризоваться радикальными изменениями когнитива (разума или души) его носителя. Для всех трех понятий — когнитив, разум, душа, — которые подробно описаны выше, общим в содержании

является наличие компонента, оцифровка с последующей расшифровкой содержания которого категорически невозможна. В случае христианской души это невозможно осуществить в отношении компонента, называемого *сердцем*. В отношении картезианского разума это представляется невозможным применительно к компоненту *Дух* — высшей части разума. Если говорить о когнитиве, то в нем проблемным компонентом выступает совокупность процессов, объективно имеющих место, но не формирующих субъективный опыт, вследствие чего если и возможна их частичная фиксация, то полноценная семантическая расшифровка весьма затруднительна либо вовсе невозможна. Именно эти компоненты следует рассматривать, вероятно, в качестве сугубо человеческих атрибутов, невоспроизводимых на иных материальных носителях. Соответственно, при попытке создать «мыслящую» и «чувствующую» машину мы обречены на создание слабого подобия человека. Это будет машина, превосходящая вычислительные способности человека, но остающаяся далеко позади него с точки зрения обладания специфически человеческими свойствами. В связи с этим имеются опасения, что в будущем обществе, в период сосуществования человека в его современном виде с транс- и постлюдьми, возникнут неразрешимые этические противоречия. Весьма вероятно, что управление государством окажется «в руках» большого искусственного интеллекта, имеющего колоссальные технические преимущества перед обычным человеком, с точки зрения возможности принимать оптимальные решения. Оптимальность здесь имеется в виду, разумеется, в ее математическом, строго рациональном виде.

Однако, как известно, человек состоит из комплекса сложно взаимодействующих между собой компонентов рационального и иррационального происхождения, обуславливающих его решения и поступки. Зачастую люди ведут себя неоптимальным, с точки

зрения соответствия собственной биологической программе, образом, например, жертвуют собой на войне, раздают все свое имущество нищим и т.д. Эти примеры, казалось бы, представляют собой иррациональные траектории неоптимального функционирования системы, зачастую имеют в себе религиозные детерминанты, но в то же самое время в человеческом сообществе они предстают в качестве высочайших этических образцов, воспринимаются людьми как проявление высших эталонов человечности.

На каком этическом фундаменте будет построено постчеловечество? Не возникнет ли в нем конфликта интересов участников? Не разгорятся ли с новой силой эйблизм, эйджизм и прочие виды дискриминации? Сможет ли настоящий человек сохранить себя в новом типе общества или, будучи признанным неоптимально функционирующим элементом, будет принудительно удален из системы новым техническим агентом?

Представляется, что ответы на эти вопросы следует искать в плоскости размышлений великого философа-экзистенциалиста Мартина Хайдеггера, считавшего, что угроза человечеству исходит в первую очередь не от создания потенциально смертоносных технических средств, что настоящая угроза всегда направлена против сути человека [10; 11]. Если оставить без должного внимания сферу собственно человеческого в человеке, то процессы, характерные для будущего типа общества, называемого постчеловечеством, могут развернуться против человека в его современном понимании.

Библиографический список

1. John-Dylan Haynes [Электронный ресурс] // The Information Philosopher: website. URL: <http://www.informationphilosopher.com/solutions/scientists/haynes/> (дата обращения: 05.12.2021).
2. Haynes J.-D. Beyond Libet: Long-term Prediction of Free Choices from Neuroimaging Signals // Conscious Will and Responsibility / Ed. by W. Sinnott-Armstrong and L. Nadel. N. Y.: Oxford University Press, 2011. P. 85—96.
3. Дамаскин Иоанн (преподобный). Точное изложение православной веры. М.: Отчий дом, 2011. 474 с.
4. Привалова И. Ю. Эссенциальная, экзистенциальная и синергичная антропология VS трансгуманизм и искусственный интеллект // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 4(24). С. 139—143.
5. Анохин К. В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. М.: Российская академия наук, 2021. Т. 71, № 1. С. 39—71.
6. Анохин К. В. Сознание и мозг: последний рубеж нейронауки [Электронный ресурс] // Московский институт психоанализа. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PN4yArVCsas> (дата обращения: 10.12.2021).
7. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках [и другие философские работы]. М.: Академический проект, 2011. 335 с.
8. Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука, 2006. 649 с.
9. Хольм С. Философские проблемы в оценке постчеловеческого будущего // Человек, 2016. № 4. С. 5—15.
10. Heidegger M. Basic Writings. N. Y.: Harper and Row, 1957. 308 p.
11. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. Х.: Фолио, 2003. 503 с.

Поступила 19.12.2021

Привалова Ирина Юрьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (Россия, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), privalova912@rambler.ru

References

1. John-Dylan Haynes [Elektronnyj resurs] // The Information Philosopher: website. URL: <http://www.informationphilosopher.com/solutions/scientists/haynes/> (data obrashhenija: 05.12.2021).
2. Haynes J.-D. Beyond Libet: Long-term Prediction of Free Choices from Neuroimaging Signals // *Conscious Will and Responsibility* / Ed. by W. Sinnott-Armstrong and L. Nadel. N. Y.: Oxford University Press, 2011. P. 85—96.
3. Damaskin Ioann (prepodobnyj). *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoj very*. M.: Otchij dom, 2011. 474 s.
4. Privalova I. Ju. Jessencial'naja, jekzistencial'naja i sinergijnaja antropologija VS transgumanizm i iskusstvennyj intellekt // *Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija*. 2019. № 4(24). S. 139—143.
5. Anohin K. V. Kognitom: v poiskah fundamental'noj nejronauchnoj teorii soznaniya // *Zhurnal vysshej nervnoj dejatel'nosti im. I. P. Pavlova*. M.: Rossijskaja akademija nauk, 2021. T. 71, № 1. S. 39—71.
6. Anohin K. V. Soznanie i mozg: poslednij rubezh nejronauki [Elektronnyj resurs] // *Moskovskij institut psihoanaliza*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PN4yArVCsas> (data obrashhenija: 10.12.2021).
7. Dekart R. *Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravljat' svoj razum i otyskivat' istinu v naukah [i drugie filosofskie raboty]*. M.: Akademicheskij proekt, 2011. 335 s.
8. Dekart R. *Sochinenija*. SPb.: Nauka, 2006. 649 s.
9. Hol'm S. Filosofskie problemy v ocenke postchelovecheskogo budushhego // *Chelovek*, 2016. № 4. S. 5—15.
10. Heidegger M. *Basic Writings*. N. Y.: Harper and Row, 1957. 308 r.
11. Hajdegger M. *Bytie i vremja* / Per. s nem. V. V. Bibihina. H.: Folio, 2003. 503 s.

Submitted 19.12.2021

Privalova Irina Yu., Ph.d. (philos.), Associate Professor, Department of philosophy, sociology and political science, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology (Shokin Square, 1, 124498, Moscow, Zelenograd, Russian Federation), privalova912@rambler.ru

Трансформация содержания социальных идей под влиянием цифровизации

Н.Н. Равочкин^{1,2}, Р.Ш. Гилязов^{2,3}, Н.В. Кузнецов², М.А. Петров⁴

¹Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, г. Кемерово, Россия

²Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

³Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск

⁴Сибирский федеральный университет

nickravochkin@mail.ru

Авторы анализируют динамику содержания идей, фундирующих социальные изменения. Основной акцент сделан на преобразовании смыслов под влиянием постмодернистского дискурса и цифровизации. Показана амбивалентная роль передовых информационно-коммуникативных технологий в восприятии, интерпретации и понимании идей. Подчеркнуто возрастание доли фейковой информации, трансформирующей ключевые смыслы, заложенные в интеллектуальные конструкции. Рассмотрен современный опыт идейной детерминации социальных преобразований.

Ключевые слова: социальные идеи, трансформация идей, ключевые смыслы, ментальный конструкт, постмодернистский дискурс, дигитализация, фейк, теория заговора, коммуникативные технологии.

Social ideas content transformations under the influence of digitalization

N.N. Ravochkin^{1,2}, R.Sh. Gilyazov^{2,3}, N.V. Kuznetsov², M.A. Petrov⁴

¹Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

²Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

³Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

⁴Siberian Federal University

nickravochkin@mail.ru

The authors analyze the dynamics of content of ideas that fund social change. The main focus is on the transformation of meanings under the influence of postmodern discourse and digitalization. The ambivalent role of advanced information and communication technologies in the perception, interpretation and understanding of ideas is shown. The increase in the share of fake information that transforms key meanings in intellectual constructs is underlined. The modern experience of the ideological determination of social transformations is considered.

Keywords: social ideas, idea transformation, digitalization, key meanings, mental construct, postmodern discourse, fake, conspiracy theory, communication technologies.

Проблема интерпретации содержания заложенного в идеи замысла набирает свою актуальность в сопряжении с многомерными и сложными тенденциями мирового развития [11]. Так, в последние десятилетия существенной характеристикой развития глобального социума становится дигитализация как процесс проникновения современных цифровых технологий во все сферы и аспекты жизнедеятельности. Переход к цифровизации приходится на 1970—1980-е гг. [4, с. 5], этот процесс выступает более поздним по отношению к текущей интеллектуальной эпохе — Постмодерну, но, вне сомнения, выступает одной из существенных характеристик типа мышления, характерного этой эпохе. Следует привести важное уточнение: если в эпоху Модерна информационная среда была включена в социальную, «на заре» Постмодерна между ними, можно сказать, были эквивалентные отношения, то в последующем информационная сфера фактически подчиняет себе социальную [9].

Отдельно подчеркнем, что цифровизация вступила в действие позже становления Постмодерна, однако именно дигитализация стала существенной характеристикой новой интеллектуальной эпохи. Вместе с тем если Постмодерн считается периодом имплозии: человечество накапливало, аккумулировало внутренние факторы, — то, начиная с XXI столетия, можно говорить о ситуации собственно взрыва, «социальный “чирей” прорвался — как и было обещано — “вовнутрь”; “черная дыра” постмодерна взорвалась, и в этом адском пламени есть опасность сгореть всему человечеству» [8, с. 8]. Другими словами, сегодня мы вправе говорить о вступлении человечества в новую эпоху и такой период исторического развития, который не просто «потрясает основы нашего традиционного образа жизни, где бы мы ни находились», но и приводит к формированию иного общества, контуры которого просматриваются довольно смутно [3, с. 35].

Сегодня цифровые технологии осуществили стремительную экспансию, прочно

войдя в жизнь человека на всех возможных уровнях. В частности, они стали основой производства и промышленности, создали новое видение экономики и бизнес-процессов, доказали свою значимость в науке и образовании и, конечно, затронули политико-правовую сферу. Можно согласиться с тем, что «современные технологии воздействуют на взаимосвязь частной жизни и профессиональной деятельности, на появление новых профессий, обуславливают необходимость постоянного повышения квалификации и освоения новых специальностей» [1, с. 81]. Техноутопизм получил новый импульс своему последующему распространению в 1990-е гг., тем самым отражая веру в то, что «технологическое изменение реконструирует человеческое сообщество и что цифровая технология «диджитопия» (в особенности Интернет) способна увеличить степень личной свободы, освободить человека от бюрократических правительственных влияний, традиционных социокультурных иерархий и устаревших социальных схем и порядков индустриального общества» [7, с. 126]. Если уходить в глубинную рецепцию соответствующих смыслов, то в одном из вариантов можно обнаружить корни цифровизации еще в идеях Сен-Симона, Фурье, Оуэна, которые исходили из понимания строительства идеального мира, руководствуясь принципами научно-рационалистического преодоления наличествующих социальных изъянов. Говоря другими словами, цифровизация базируется на переформатировании мировосприятия личности, однако если постмодернизм основывается на беспрецедентном разрыве с традицией, то логика цифровизации во многом опирается на осознание человека как «венца творения», позитивизацию знаний, науки и техники, а также прогресса в целом. По словам А. И. Овчинникова, Е. А. Казачанской, либерализму, социализму и цифровизации удалось найти общий ответ на вопрос «уничтожения традиционного государства и его замене на глобализированное гражданское

общества с сетевым управлением техноэлитами» [7, с. 126—127]. Стало быть, сегодня за счет комплексной взаимосвязи (взаимосвязанность более относится к действию) и учета всей мощности потенциала идей, как надежного инструмента осуществления социальных преобразований, глубинным онтологическим трансформациям подвергается вся институциональная архитектура и прежде всего национальное государство как суперинститут. Помимо этого заслуживает внимания факт «реабилитации идей» — повышения их роли в обществе, что позволяет говорить не только о неизбежном обретении ими новых смыслов, но и о возвращении статуса сильных детерминант — благодаря цифровизации.

Особый интерес для нас представляют не столько внешние, сколько внутренние изменения идей и заложенных в них аксиологем. В первую очередь следует отметить, что если постмодернизм воспринимает идеи как знаки, утратившие любые взаимосвязи с обозначаемым и не способные направлять развитие общества, то в контексте цифровизации данное лишение уже не является характеристикой идей, но приводит к изменениям в их прочтении. Сами идеи «возвращаются» в общество, а в научном сообществе все настойчивее говорится о необходимости выработки национальных идей, кризисе (нео)классических конструктов и продуцировании креативных идеальных модификаций и конфигураций в целях решения актуальных социальных задач. Важно добавить, что формируется понимание идей именно как влиятельных интеллектуальных конструктов, продолжающих определять направления общественного развития даже в периоды отрицания их значимости ведущими мыслителями — на фоне сворачивания идеологического противостояния и последующего разочарования в идеальных факторах.

Говоря о злободневных трансформациях смыслов в содержании интеллектуальных конструктов, следует отметить, что развитие

современного общества мощно детерминировано детрадиционализацией, представляющей собой критику, доходящую до полного отрицания любых общепринятых ценностей, что, по сути, свидетельствует о конце их первоначальных смыслов, которые исчезают в современных медиа-репрезентациях, но остаются в исходных текстах и, вполне вероятно, в программах социальных преобразований, но в несколько «распыленном» виде [6, с. 44]. Как правило, традиции обеспечивали стабильность общественному развитию. В оппозиции к ним детрадиционализация предлагает, например, более высокую автономию личности, невиданную диверсификацию ее потребностей в новом, перманентно меняющемся непредсказуемом обществе. Полагаем, многие согласятся с тем, что и сам постмодернизм зачастую отрицает традицию и критически осмысливает созданные до него, даже проверенные столетиями идеи, строя свое неприятие исходя из пары «сегодня — тогда».

Однако сегодня цифровизация возвращается к традиции, основывается на рациональном понимании мира и старается обернуть смыслы по-своему, придать им актуальность и национальную конкретику в целях повышения прагматики идей. При этом, чтобы реабилитировать идеи, различные субъекты заимствуют созданный в эпоху Постмодерна «образ врага» с целью более ярко высветить образ виновного в очевидном интеллектуальном хаосе. По большому счету, воцарение Big Data рано или поздно должно было привести к «инфодемии», вызванной нескончаемыми потоками информации, в которой теряется навык ориентирования в социальной действительности. Обозначенная ситуация все чаще усугубляется тем, что дистрибуция массивов онлайн- и оффлайн-информации сопряжена с «имплементацией» фейков, за которыми стоят вполне очевидные интересы отдельных социальных групп и сил [2].

При этом некритическое отношение к распространяемым современными средствами

массовой коммуникации социальным идеям, которые «подаются под соусом» необходимой властным акторам и различным фракциям риторики, приводит к неутешительным последствиям. Модификация интеллектуального наследия прошлого служит материальной основой для многочисленных *теорий заговора* и упрощенных фреймов, помогающих легко применять двойные и тройные стандарты по отношению к оппонентам и идентифицировать нежелательные образы в системе «свой — чужой» [15, с. 46]. В самом общем виде теория заговора является интерпретацией, предлагающей упрощенное объяснение всего многообразия проявлений социального и релевантных национальному государству актуальных и потенциальных противоречий. Реалии Постсовременности таковы, что именно при непосредственном восприятии ментальных конструктов такие сущностные характеристики идей с превращенным смыслом, как иллюзорная притягательность, легкость, простота и широкая доступность, обуславливают популярность этих идей для массового сознания: «Можно сказать, что на сегодняшний день теории заговора стали одной из широко распространенных моделей объяснения “истинных” причин многих событий» [12, с. 175].

Разумеется, что подобные языковые игры, задумывающие радикально изменить заложенные в идеи первоначальные смыслы, не являются открытием цифровой эпохи, поскольку она лишь предложила мощный инструментарий для их дистрибуции. Пилотное осмысление различного рода «теорий заговора» было предпринято в 1960-х американским историком R. Hofstadter, он связывал генезис соответствующих идей и последовавшее за ним масштабное и повсеместное увеличение количества конспирологов — с наступлением эпохи Просвещения [12; 14].

Парадоксально возникшая в образованном мире высокая популярность теорий заговора, фундированных конфигурациями и модификациями порой логически несвязанных между собой социальных идей, — тео-

рий, позволяющих индивидам молниеносно реагировать на различные импульсы, бинарно, без глубокой аналитики и вдумчивого осмысления реальности, — дает все основания рассматривать их в качестве «способа перераспределения власти, подчеркивая несовершенство экономической, политической или культурной жизни и превращая теории заговора в политическую стратегию и способ формирования и продвижения идеологической повестки дня» [20, с. 176]. Причем в такой схеме привычной является «картина», в которой «мы» (белые тона) есть жертвы заговора, созданного «другими» (черные тона). В роли других часто выступают недружественные национальные государства, отдельные члены их правительств, или представители этнических и религиозных групп, или имеющие чуждые идеологические убеждения и т. д. Неудивительно, что заложенные в таком контенте идеи зачастую используют властные акторы — сторонники популизма, который, как известно, позволяет объединять массы людей против кого-либо. Однако эффективность этих процессов исключительно краткосрочная и далеко не всегда позволяет соответствующим субъектам использовать необходимый перечень социальных трансформаций для достижения желаемого результата [13].

Логика развития современного мира в последние годы отчетливо показала, что трансформация содержания идей в условиях дигитализации тесно связана с деятельностью социальных институтов, которые выполняют функции продуцирования, аккумуляции и ретрансляции знаний: университеты, библиотеки, музеи, театры и т.д. [6, с. 45]. Подобная ситуация отражает диалектическое взаимодействие двух процессов: возвращения знанию утраченных на начальных этапах Постмодерна былой актуальности и инструментальности и обновленных каналов и способов дистрибуции информации, которые сегодня преимущественно укоренены в медиа.

Все более рельефная глобализация медиарынков способствует тому, что в национальные пространства проникают транснациональные корпорации. Они весьма агрессивно поглощают разрозненных игроков, тем самым формируя глобальное коммуникационное пространство и обосновывая иллюзию так называемого свободного информационного поля. Доминирование холдингов, наполняющих национальные информационные пространства социальными идеями, созданными в строгой зависимости от региональных интересов узурпаторов, преследует весьма очевидную цель — создать и объяснить необходимый для длительной гегемонии образ мира. Медиа не столько отражают социокультурную реальность, сколько преследуют цель сформировать и внедрить в массовое сознание шаблоны, руководствуясь которыми индивиды будут объяснять мировые события и процессы и соотнобразовывать свои поведенческие паттерны с нужными властным акторам аксиологемами, в зависимости от их интериоризации.

На практике это приводит к нивелированию границ между национальными культурными государствами и моделями. Так, в африканском социальном пространстве образованные интеллектуалы активно заимствуют передовой опыт и насаждают конгруэнтные их мировосприятию, но чуждые реалиям национальной культуры западноевропейские идеи и фундируемые ими институты. Большинство современных институтов сформировалось на протяжении последних десятилетий после «великого пробуждения», ознаменовавшего включение Африки в международные отношения. Неизбежным следствием идейного импорта явились множественные институциональные дисфункции и разрывы в национальных архитектурах. Либерально-демократические конструкты априори вступают в коллизии с идеями, которые хоть и основаны на древних культурных традициях и отражают анахронизм развития этого региона, но успешно одобряются широкими

массами населения и выполняют свои регулятивные функции.

По оценкам специалистов, сегодня медиа превратились в «индустрию сознания», тогда как на деле медиасфере удалось осуществить экспансию функций и в определенном смысле расширить возможности тех институтов, которые традиционно занимались генерацией опыта и смыслов. Пожалуй, главное, что теряется в содержательной части идей при становлении новых практик — это истинность, более того, искажаются первоначальные смыслы вследствие множественных интерпретаций и переводов с оригиналов на национальные языки. Из этого можно сделать вывод о том, что информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и средства массовой коммуникации (СМК), замысел которых направлен на облегчение жизни человека, тем не менее ограничивают конструктивный функционал социальных идей, их модификации и конфигурации, как правило, обслуживая узкокорпоративные интересы и цели влиятельных субъектов. Однако при этом ИКТ и СМК все же позволяют различным группам увидеть новое прочтение «старых смыслов», которое при условии контекстуальной адаптации может быть использовано интеллектуалами для создания будущих программ социальных преобразований.

Приращение смыслов социальных идей дополняется изменением их национального содержания, поскольку цифровизация не только не выравнивает горизонты развития национальных государств, но и все больше усиливает информационное неравенство между ними, отраженное по преимуществу в доминировании «западной парадигмы мышления» [6, с. 46]. Как здесь не привести Э. Гидденса, отмечающего глобальный характер взаимосвязей и взаимозависимостей социального. Гидденс считает, что в реалиях цифровизации сами западные страны также изменяются: даже события в странах «третьего мира» (*периферия*) все чаще оказывают влияние на формирование и последующую корректировку различных

международных дискурсов стран Запада, стоящих во главе цифровизации и глобализации (*ядра*) [3, с. 19]. Отсюда следует, что в условиях культурной плюралистичности мира не может идти и речи о возвращении какой-либо однополярности.

Можно сказать, что цифровой мир придает содержанию самых различных социальных идей тоталитарные коннотации. Так, либерально-демократические концепты «права и свобода человека», «рыночная экономика», «толерантность» в грубом прочтении можно подвести под регуляторы поведения, которые в некотором смысле обусловили разрушение некогда успешно функционирующих институтов. Но поскольку человечеству пока еще не удалось придумать ничего более эффективного в политико-правовом плане, нежели демократия, то многократное повторение и активная пропаганда большинством национальных СМИ соответствующих конструктов и мифологем не только привели к бесконечной спекуляции смысловым наполнением и к трансформациям ряда положений в фетиш, но и в целом завели демократию в тупик [9].

С наступлением эпохи цифровизации особое значение для субъектов реализации социальных преобразований приобрели те классические идеи, практическое воплощение которых позволяет сформировать глобальное космополитическое общество. Например, возрастает роль теоретических конструктов, продуцированных еще в XVIII — XIX столетиях. Их смысл состоял в достижении континентальной интеграции («Конфедерация» Ш. Сен-Пьера, «Вечный мир» Ж.-Ж. Руссо, «Единая Европа» И. Канта, «Единый континент» Ф. Гизо, «Справедливость к другим народам» И. Гердера), благодаря чему мы можем наблюдать переход (транзит, когда переход через...) к постсовременному типу государств [10]. Адаптация содержания идей под новые контекстуальные реалии в условиях беспрецедентной открытости мира позволяет странам делегировать

часть своих полномочий не только межрегиональным, но и международным организациям (ООН, МВФ, ВТО), и даже транснациональным корпорациям. В связи с этим еще раз подчеркнем неактуальность ряда архаизированных традиционных национальных институтов, стремительно утрачивающих собственную значимость и былой функционал. В современных условиях распространение пандемии привело к тому, что национальные государства отыграли свои позиции, однако этот самоочевидный факт ни в коей мере не означает полное сворачивание глобалистских трендов.

На фоне усиления транспарентности и умножения миграционных потоков и коммуникаций власть государства над гражданами ослабевает. Цифровизация переформатировала характер прежних трудовых взаимоотношений, поскольку неравенство, как производное от технико-технологических особенностей развития стран, априори влечет за собой неравенство социально-экономическое. В сухом остатке более развитые в технологическом отношении страны становятся дестинацией для многонациональных потоков мигрантов, вследствие чего трансформируются системы экономических отношений обоих государств миграционного коридора.

Примечательно, что в странах, откуда начинают разворачиваться миграционные потоки, усугубляется дестабилизация социальных порядков, что приводит к вымыванию социальных групп и классов. Зачастую в них остаются представители таких профессий, которые в реалиях цифровой эпохи уже не только утрачивают значимость, но и вовсе могут исчезнуть в ближайшие годы, тогда как «профессии будущего», наоборот, остаются открытыми вследствие эмиграции более образованных соотечественников. В свою очередь в обществах с высоким уровнем неравенства, социальной стратификации снижается продолжительность жизни, уровень благополучия граждан, но при этом повышается

уровень агрессии, фиксируется рост психических заболеваний, самоубийств, несчастных случаев — увеличивается вероятность объективации социальных рисков.

Итак, в ряде стран *полупериферии* и *периферии* «привычные» трудовые отношения, которые основывались на наличии командных целей, духа коллективизма и развитой корпоративной идентичности, попросту исчезают. Выход на первый план смыслов идей, подчеркивающих ценности «номадизма» и обезличенности, позволяет государствам *ядра* быть более свободными и одновременно менее ответственными по отношению к новым трудовым ресурсам, за исключением разве что интеллектуалов, в потенциале которых они заинтересованы напрямую. Вследствие этого для достижения своих прагматических целей государства вынуждены транслировать аксиологически конгруэнтные интересам целевых групп социальные идеи, которые бы на деле обосновывали свою значимость при выборе индивидами страны для миграции. Надо полагать, что корреляция между идеями «успешности» и «(со)участия в инновациях» — одна из немногих, смысл которых вряд ли будет перевернут в ближайшие десятилетия.

Было бы непростительно допустить мысль о том, что изменения на макроуровне, фундированные новыми интерпретациями классических идей, никоим образом не скажутся на характере социальных взаимодействий между индивидами. В цифровом мире и новой реальности человек включен в систему интеракций по широко известному принципу «24/7» [1, с. 83]. Отныне люди могут беспрепятственно связываться практически с любой точкой мира, что сопровождается амбивалентными оценками степени значимости индивидов за счет неизбежного увеличения социальных контактов в сравнении даже с 1980—1990-ми гг. По этому поводу очень удачно высказался Э. Гидденс: «Если внешность Нельсона Манделы нам знакома лучше, чем лицо соседа, живущего

напротив, значит, что-то изменилось в самом характере нашей повседневности» [3, с. 28]. В этом отчетливо усматривается гипертрофированное значение идей «индивидуализации», на практике способствующих усугублению атомизации общества. Если занять позицию сторонников того, что значимость социальных контактов снижается, то, вероятно, это связано с трансформацией облика индивида. Действительно, а не потому ли мы все чаще предпочитаем жить «соло», что реальную личность подменяет ее цифровой профиль, «плодящий» трудно уловимые множественные идентичности, а сама коммуникация возводит новый мир «цифровых транс-индивидов, которые переходят из одной культурной системы в другую, везде ощущая себя чужими» [6, с. 47]. Онлайн-карнавал многочисленных масок субъектности оказывает мощное воздействие на эмоции индивидов: перманентное чувство незащищенности, неуверенности в себе, отсутствие интенций дальнейшего развития и полное отчуждение — все это возвращает актуальность ревизии классических социальных идей в целях выявления тех, которые гарантировали бы человеку его права.

Актуализация запросов, предъявляемых индивидами государствам, логичным образом привела к пересмотру идей, главным образом затрагивающих проблемы справедливого социального устройства. Одновременно с трансформацией содержания и динамикой идей о справедливости изменяются фундируемые ими социальные структуры. В частности, выбывают анахронические установления, а также появляются новые, виртуальные, структуры, конгруэнтные духу цифровой эпохи и, конечно, увеличивается количество наднациональных образований. Ярким примером такого образования является новый институт — Всемирная трансгуманистическая ассоциация, объединяющая представителей различных областей научного знания: философов, юристов, политологов, экологов, кибернетиков, специалистов

в области генной инженерии. Среди основных задач института следует выделить: создание почвы для социальной модернизации и институционального реформирования; повышение справедливости распределения ресурсов; продуцирование креативных знаний, мощностей и технологических новаций. Самоочевидно, что данная ассоциация становится новой институциональной формой, поскольку воплощает современные видения и теоретизирования по поводу социальной справедливости и призвана ремоделировать функции традиционных структур и повысить эффективность практик.

Обращают на себя внимание отечественные контекстуальные условия. Если при переходе к Постмодерну в советском государстве, а затем в ельцинской России институты по преимуществу основывались на идеях коммунизма и сильного централизованного государства (в углубленном изучении роли таких идей отмечено, что первая заявленная волна демократизации привела к установлению институтов «фасадного типа» за счет истинных интенций акторов преобразований [10]), то сегодня невозможно представить идейный фундамент без демократических интеллектуальных конструктов, олицетворяющих величайшее изобретение социальной мысли. Принципиальная открытость мира и бурный рост цифровизации жизни людей способствует также приобщению к демократии посредством, например, массмедиа и социальных сетей.

Однако налицо противоречие между содержанием демократических идей на Западе и уникальными условиями России, к которым данные смыслы применяются буквально в готовом виде, без адаптации к реалиям. На наш взгляд, готовность так называемой неизбежности, с которой необходимо произвести работу по настраиванию смыслов, позволила бы повысить эффективность функционирования указанных институтов, сегодня недостаточную. Действительно, отечественный демократический дискурс хоть и пользуется популяр-

ностью, но практическая реализация заложенных в ментальные конструкты смыслов все чаще подвергается критике.

Любопытно, что в цифровом мире социальные идеи с коннотациями «интеграция», «глобализация», «вестернизация» все чаще встречают сопротивление со стороны государств *полупериферии* и *периферии*, актуализируя интенции к обратным процессам — к трайбализации, которая позволила бы отдельным государствам сохранить самобытность и национальную идентичность. Эти интенции (интенция и стремление — не синонимы) находят свое материальное воплощение, например, за счет восстановления исторических институтов. В России таковым является институт губернаторства, созданный в самом начале XVIII столетия, но упраздненный после событий 1917 г. [5]. Национально маркированные структуры активно возвращаются в институциональную среду России в последние десятилетия. К ним относится кадетское образование, казачество и др. Несмотря на амбивалентные оценки их функционирования — несовершенство или целесообразность учреждения, — восприятие подобных институтов свидетельствует о позитивизации отношения большинства населения, поскольку в некотором смысле является полновесным ответом на усиление унификации в цифровых реалиях.

Исходя из анализа влияния цифровизации на трансформацию идей можно в очередной раз убедиться, что идеи не являются чем-то стабильным, единожды сформировавшимся и застывшим, но представляют собой динамичные образования, претерпевающие модификации и конфигурации смыслов. Содержание идей постоянно трансформируется наравне с фундируемыми ими социальными феноменами — институтами, традициями, практиками. Причем традиции «не только со временем эволюционируют, но и подвержены резкому, внезапному изменению и трансформации. Если можно так выразиться, они все время изобретаются заново» [3, с. 57].

(в цитате речь идет о традициях) Так же идеи адаптируются под условия новой социокультурной реальности. Под воздействием процессов дигитализации человечество, по сути, оказалось в ситуации возрождения и ревизии неоднократно доказывавших свою инструментальную ценность либерально-демократических идей, правда, с использованием цифровых технологий для построения новых социальных реалий: «Цифровизация и искусственный интеллект получают не просто легитимность в рамках либерального мировоззрения, а превращаются в “идола”, которому одинаково поклоняются и финансисты-банкиры, и технари-хозяева Фэйсбук и Гугла, и обыватели, мечтающие о новых удовольствиях и комфорте, облегчении физического труда и освобождении от работы, долгожданном равноправии» [7, с. 126].

Соответственно, на основании анализа теоретических источников можно сделать ряд выводов. Прежде всего следует отметить, что идеи, зародившиеся в глубокой древности, на протяжении столетий направляли развитие социальных структур и государства, выступая средством воплощения представлений человечества об идеальных вариантах устройства общества.

В 1960-х постмодернизм изменяет культуру идей, отличительной чертой этого периода Постмодерна становится отрицание традиции, «диктата разума» и развенчание классической рациональности. В основании нового интеллектуального периода лежит отрицание антропоцентризма, «смерть субъекта» и отсутствие сколь-либо сильных мотиваций к дальнейшему развитию.

Со второй половины прошлого столетия под влиянием цифровизации кардинально меняется облик общества, большинства социальных структур. Важно отметить, что если Постмодерн базировался на разрыве с традицией, цифровизация ознаменовала возврат к строительству идеального мира на принципах научно-рационалистического устройства. Иными словами, под влиянием цифровизации

идеи перестали быть постмодернистскими «пустыми знаками»: идеи обрели не только значимость, но и новые смыслы. Сама же цифровизация основывается на техноутопии — идеологии, центральные положения которой сосредоточены вокруг «обожествления» техники и науки, технологии воспринимаются как средства оптимизации социальных структур. Под влиянием дигитализации социальные установления трансформируются, создаются новые, направленные на воплощение идей о социальной справедливости в быстро меняющемся мире. В то же время новые технологии, наряду с преимуществами, влекут за собой появление новых и актуализацию существующих угроз и вызовов.

Проблема изменения идей под влиянием цифровизации и постмодернизма, разумеется, не исчерпывается, работа в данном направлении должна быть продолжена. В частности, перспективным предстает изучение фактологических особенностей трансформации отдельных идей (демократических, либеральных, идеи частной собственности) с применением методов лингвистического анализа.

Библиографический список

1. Бестяева Е. В. Социолингвистический аспект развития современных цифровых технологий. Преимущества и риски // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т 10, № 4. С. 80—84.
2. Борьба с инфодемией на фоне пандемии COVID-19: поощрение ответственного поведения и уменьшение пагубного воздействия ложных сведений и дезинформации // Всемирная организация здравоохранения: глобальный веб-сайт. 23.09.2020. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения 31.08.2021).
3. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 129 с.

4. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей / Л.Н. Данилова [и др.] // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 2. С. 5—12.
5. Дроздова А. М. Институт губернаторства в России // Субъекты Российской Федерации: законодательство, организация власти и управления. 2000. № 3. С. 62—66.
6. Замараева Е. И. Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т 11, № 1. С. 43—48.
7. Овчинников А. И., Казачанская Е. А. Цифрократические утопии и антиутопии: предпосылки и критика в государственно-правовых учениях прошлого и современности // Философия права. 2021. № 1(96). С. 124—130.
8. Пилюгина Е. В. Современная социальная реальность: панмифологизация, информационные войны и кризис Постмодерна // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 3(23). С. 7—15.
9. Пилюгина Е. В. Состояние Постмодерна: сингулярность бытия, транспарентность сознания и вирусы тоталитарных идей // Studia Humanitatis: междунар. электр. научн. журнал. 2014. № 1-2. URL: <http://st-hum.ru/content/pilyugina-ev-sostoyanie-postmoderna-singulyarnost-bytiya-transparentnost-soznaniya-i-virusy> (дата обращения: 12.07.2021).
10. Равочкин Н.Н. Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов: теоретико-методологические и прикладные аспекты: монография. Кемерово: КузГТУ, 2021. 258 с.
11. Равочкин Н.Н. Обретение новых смыслов классическими социальными идеями // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 148—159.
12. Яблоков И. Теории заговора в современных политических идеологиях России и США: насколько маргинален язык конспирологии? // Политическая наука. 2013. № 4. С. 175—191.
13. Fenster M. Conspiracy theories: Secrecy and power in American culture. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. 400 p.
14. Hofstadter R. The paranoid style in American politics: and other essays. Cambridge: Harvard University Press, 1996. 330 p.
15. McArthur B. «They're out to get Us»: Another look at our paranoid tradition // The History teacher. 1995. Vol. 25, № 1. P. 37—50.
16. Societal and ethical issues of digitization / Lambèr Royakkers [et al.] // Ethics and Information Technology. 2017. Vol. 20, № 2. P. 127—142.

Поступила 17.10.2021

Равочкин Никита Николаевич — доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru

Гилязов Ринат Шамилевич — сотрудник зоотехнического факультета Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), сотрудник философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия, 634050, Томская обл., г. Томск, пр. Ленина, д. 36), ideologie@mail.ru

Кузнецов Николай Валерьевич — аспирант, заведующий лабораторией и преподаватель кафедры агроинженерии Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5).

Петров Михаил Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета (Россия, 660041, Красноярский край, г. Красноярск, проспект Свободный, д. 79), mipet@yandex.ru

References

1. Bestaeva E. V. Sociolingvističeskij aspekt razvitija sovremennyh cifrovych tehnologij. Preimushhestva i riski // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2020. T 10, № 4. S. 80—84.
2. Bor'ba s infodemiej na fone pandemii COVID-19: pooshhrenie otvetstvennogo povedenija i umen'shenie pagubnogo vozdejstvija lozhnyh svedenij i dezinformacii // Vsemirnaja organizacija zdorovoohranjenja: global'nyj veb-sajt. 23.09.2020. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (data obrashhenija 31.08.2021).
3. Giddens Je. Uskol'zajushhij mir: kak globalizacija menjaet nashu zhizn'. M.: Ves' mir, 2004. 129 s.
4. Osnovnye podhody k ponimaniju cifrovizacii i cifrovych cennostej / L.N. Danilova [i dr.] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2020. T. 26, № 2. S. 5—12.
5. Drozdova A. M. Institut gubernatorstva v Rossii // Sub#ekty Rossijskoj Federacii: zakonodatel'stvo, organizacija vlasti i upravlenija. 2000. № 3. S. 62—66.
6. Zamaraeva E. I. Sociokul'turnye transformacii v jepohu cifrovizacii // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2021. T 11, № 1. S. 43—48.
7. Ovchinnikov A. I., Kazachanskaja E. A. Cifrokratičeskie utopii i antiutopii: predposylki i kritika v gosudarstvenno-pravovyh učenijah proshlogo i sovremennosti // Filosofija prava. 2021. № 1(96). S. 124—130.
8. Piljugina E. V. Sovremennaja social'naja real'nost': panmifologizacija, informacionnye vojny i krizis Postmoderna // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 7: Filosofija. Sociologija i social'nye tehnologii. 2014. № 3(23). S. 7—15.
9. Piljugina E. V. Sostojanie Postmoderna: singulyarnost' bytija, transparentnost' soznaniya i virusy totalitarnyh idej // Studia Humanitatis: mezhdunar. jelekt. nauchn. zhurnal. 2014. № 1-2. URL: <http://st-hum.ru/content/pilyugina-ev-sostoyanie-postmoderna-singulyarnost-bytiya-transparentnost-soznaniya-i-virusy> (data obrashhenija: 12.07.2021).
10. Ravochkin N.N. Rol' idej v stanovlenii i transformacii politiko-pravovyh institutov: teoretiko-metodologičeskie i prikladnye aspekty: monografija. Kemerovo: KuzGTU, 2021. 258 s.
11. Ravochkin N.N. Obretenie novyh smyslov klassičeskimi social'nymi idejami // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2021. № 3. S. 148—159.
12. Jablov I. Teorii zagovora v sovremennyh političeskijh ideologijah Rossii i SShA: naskol'ko marginalen jazyk konspirologii? // Politicheskaja nauka. 2013. № 4. S. 175—191.
13. Fenster M. Conspiracy theories: Secrecy and power in American culture. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. 400 p.
14. Hofstadter R. The paranoid style in American politics: and other essays. Cambridge: Harvard University Press, 1996. 330 p.
15. McArthur B. «They're out to get Us»: Another look at our paranoid tradition // The History teacher. 1995. Vol. 25, № 1. P. 37—50.
16. Societal and ethical issues of digitization / Lambèr Royackers [et al.] // Ethics and Information Technology. 2017. Vol. 20, № 2. P. 127—142.

Submitted 17.10.2021

Ravochkin Nikita N., Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Sciences of the Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya str. 28); Associate Professor of the Department of Educational Technologies of the Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva str. 5), nickravochkin@mail.ru

Gilyazov Rinat Sh., employee of the Zootechnical Department, Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva st., 5), employee of the Philosophy Department, National Research Tomsk State University (Russia, 634050, Tomsk region, Tomsk, Lenin Ave., 36), ideologie@mail.ru

Kuznetsov Nikolay V., post-graduate student, head of laboratory and lecturer of the Agroengineering Department, Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva st., 5).

Petrov Mikhail Al., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Siberian Federal University (Russia, 660041, Krasnoyarsk region, Krasnoyarsk, 79 Svobodny prospect), mipet@yandex.ru

**Классификация и роль квазиреалий в литературной вселенной
Дж.Р.Р. Толкина на материале романа-эпопеи «Властелин колец»**

С.В. Рогатова

Московский городской педагогический университет (МГПУ)

sofiia.rogatova@gmail.com

Анализируются квазиреалии в текстах произведений Дж.Р.Р. Толкина. Рассматривается проблема классифицирования квазиреалий по источнику моделирования и определения роли квазиреалий при создании искусственных литературных вселенных, в целях глубокого понимания произведений жанра. Раскрывается влияние личности автора произведений на формируемые им квазиреалии. Предложенные классификации позволяют охватить всю многоуровневость искусственно созданных реалий.

Ключевые слова: реалии, квазиреалии, психолингвистика, безэквивалентная лексика, литературная вселенная.

**Classification and role of quasi-realities in J.R.R. Tolkien's literary universe
on the epic novel material «The Lord of the Rings»**

S. V. Rogatova

Moscow City University (MCU)

sofiia.rogatova@gmail.com

Quasi-realities in the texts of J.R.R. Tolkien's works are analyzed. The problem of classifying quasi-realities according to the source of modeling and determining the role of quasi-realities in the creation of artificial literary universes, in order to deeply understand the works of the genre is considered. The influence of the writer's personality on the quasi-realities he forms is revealed. The proposed classifications make it possible to cover the entire multilevelness of artificially created realities.

Keywords: realities, quasi-realities, psycholinguistics, equivalentless vocabulary, literary universe.

Сегодня вымышленные или искусственно созданные вселенные как структурный элемент художественного произведения, определяющий его бытие, используются очень широко и давно вышли за

границы литературы. Этот структурный элемент переселился в кинематограф, компьютерные игры, фандомы и т.д. Одна вселенная может существовать в нескольких разных жанрах и видах искусств. Конструирование

вселенных стало одним из основных векторов развития литературы и киноискусства.

Яркими примерами тому являются такие художественные вселенные, как «Властелин колец» Дж.Р.Р. Толкина, «Гарри Поттер» Дж.К. Роулинг, «Хроники Нарнии» К.С. Льюис, «Плоский мир» Т. Пратчетта, вселенные «Star Wars» и «Marvel Cinematic Universe» и др. Поскольку авторами создается литературный мир, в нем появляются собственные реалии, связанные с топонимикой, именами персонажей, названиями кулинарных блюд и пр. Так как они имеют лишь относительную связь с миром реальности, они выделяются в отдельный вид *квазиреалий* и представляют собой особую сложность для понимания, поскольку созданы искусственно, часто не имеют аналогов и иногда для их именования даже разрабатываются вымышленные языки и наречия [11].

Миры, которые писатели создают для своих произведений, являются плодом авторского воображения. Это явление называется *авторско-индивидуальным образом действительности, авторской (индивидуально-авторской) концепцией мира, индивидуальной картиной мира*.

Искусственно созданная литературная вселенная (ИЛВ) — это серия или цикл произведений, действие которых происходит в едином вымышленном мире, в котором существуют свои законы, а события обязаны подчиняться единым принципам причинно-следственных связей.

Вымышленный мир «оживает» только тогда, когда в нем появляются культурные маркеры, отличающие его от других литературных и реальных миров. Слова-маркеры, показывающие эти культурные особенности, — это реалии и квазиреалии [4].

В разное время отечественные и зарубежные лингвисты предлагали различные определения этого языкового явления. В нашем исследовании мы опирались на определение реалий, составленное нами из определений, предложенных лингвистами Л.Л. Нелюбиным и Т.Ф. Ефремовой, так как они раскрывают перечень явлений, которые можно отнести к этому понятию [9: с. 14].

Реалии — это слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, элементы культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, исторические факты или процессы, а также национально-специфические особенности жизни и быта, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке, и обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках.

Это определение в полной мере приложимо к более узкому понятию *квазиреалий*, которые лингвисты выделяют как один из видов реалий. Отличием является не влияющая на сущность понятия характеристика: *принадлежность реалии не к реальному миру, а к миру, выдуманному писателем*.

Следует отметить, что в произведениях художественной литературы встречаются как реалии в чистом виде, так и квазиреалии. С одной стороны, писатель может разворачивать действие книги в существующих в действительности локациях, помещать его в существовавшую историческую эпоху, вводить объекты и явления, которые можно трактовать как приметы времени. Это придает произведению реалистичность, а в некоторых литературных направлениях позволяет достичь эффекта документальности и журналистской прозы.

С другой стороны, в художественном произведении большое место отводится вымышленным писателем личностям, объектам, событиям и так далее. Важно обратить внимание на то, что они в целом разделяются на две категории: *нереальные*, нарочито вымышленные, очевидно принадлежащие к области фантазии (*полные квазиреалии*) и *имитирующие реальность*, позволяющие писателю создать квазимир по образу и подобию мира, в котором мы существуем (*частичные квазиреалии*). Использование разных видов квазиреалий позволяет добиться разного восприятия произведения читателем.

Дж. Толкин в серии произведений строит свою искусственную литературную вселенную (ИЛВ) «Средиземья», стремясь приблизить восприятие читателем событий

к описанию реального места. В квазитопонимах автор делает отсылки к средневековой Англии, наделяя создаваемые наименования сходством с реальными топонимами этой эпохи [1]. Среди 200 квазиреалий, выбранных из текста данной ИЛВ для исследования, полностью вымышленными оказались 69 (34,5 %). Например, это топоним *Eriador*, образованный с помощью составленного автором искусственного языка [13; 14]. Остальные примеры — 131 квазиреалия (65,5 %) — были основаны на реалиях, в т.ч. квазиреалиях, составленных из нескольких реалий. Такова, например, квазиреалия *eleventy-first*, обозначающая несуществующее в реальности числительное.

Каждая квазиреалия, вводимая в искусственно созданную литературную вселенную, имеет свои функции. Являясь одним из видов реалий, квазиреалия имеет те же функции, что и реалия. Согласно С.И. Маниной, выделяются следующие функции реалий:

- функция маркера чужой культуры;
- создание темпорального колорита;
- создание национального (культурного) колорита;
- локализирующая функция;
- дескриптивная функция;
- эмотивная функция;
- символическая функция;
- ассоциативная функция [7, с. 95—98].

В своем искусственном мире Толкин чаще всего использует квазиреалии, выполняющие функцию **создания национального колорита** (30 %) и **символическую** функцию (28 %). Это связано со спецификой сюжета (большое количество народностей, различие которых необходимо показать; наделенность искусственной вселенной магическими силами и артефактами и принадлежность к жанру [5].

Толкин наделяет полные и частичные квазиреалии *разными функциями*. Полные квазиреалии в основном несут функцию маркера чужой культуры, создания национального колорита и локализирующую функцию. Частичные квазиреалии выполняют ассоци-

ативную, дескриптивную функцию и функцию создания темпорального колорита.

В результате сопоставления общих классификаций реалий с 200 квазиреалиями, обнаруженными в романе, мы пришли к выводу, что классификация В.С. Виноградова позволяет получить наиболее адекватное представление о составе и типе квазиреалий у Дж.Р.Р. Толкина [3]:

- бытовые;
- этнографические и мифологические;
- реалии природного мира;
- реалии государственного строя и общественной жизни;
- ономастические реалии;
- ассоциативные.

Кроме того, мы обнаружили 25 квазиреалий, которые не принадлежат ни к одной группе, это — *слова, обозначающие магические артефакты или явления, существующие только в данной вселенной*. Эта группа была также включена в классификацию.

Чаще всего у Толкина встречались следующие виды квазиреалий. Так как данное произведение относится к жанру фэнтези, чаще всего автор использует **топонимы** (37 %), чтобы описать местность, где происходит действие (речь идет о действиях на территории огромного мира с большим количеством городов и земель), **антропонимы** (21 %), чтобы дать характеристику персонажей (в романе множество персонажей — как действующих лиц, так и исторических, являющихся частью созданной автором истории искусственного мира), **этнографические** и **мифологические** (16 %) — для описания народов искусственно созданной литературной вселенной.

Среди этнографических и мифологических квазиреалий чаще всего встречалась функция **создания национального (культурного) колорита** (41 %): так как к данному типу относятся все квазиреалии, называющие *этнографические, социальные общности и их представителей, божеств, сказочных существ, легендарные места* и пр., все они создают национальный и культурный колорит

(например, *the Bree-landers; Elven-wise, lords of the Eldar from beyond the furthest seas*). Эту функцию в основном выполняют те квазиреалии, которые играют второстепенную роль в сюжете произведения, являются для него *культурным фоном* [2].

К *символьной* функции (19 %) относятся названия *ключевых* рас, групп и пр.; это связано с тем, что каждый из народов получает свое название не случайно: оно отражает его ключевую характеристику и роль, которая отведена ему в истории этой ИЛВ (*Mr. Bilbo Baggins, Bag End*). *Ассоциативная* функция (13 %) используется для того, чтобы сделать *отсылку к объектам действительности*, в большей степени — к Великобритании. Больше всего таких отсылок оказалось в названиях племен, пантеоне богов и мифологических героев и других этнографических и мифологических квазиреалиях (*Shire-folk*) [8].

В ходе исследования было выявлено, что функция реалии зависит как от ее вида, так и от типа — полная квазиреалия или частичная [10]. Поскольку писатель противопоставляет в созданной им вселенной существ, подобных человеку, вымышленным созданиям, не похожим на привычные человеку виды, весь мир делится на то, что Толкин старается приблизить к реальному миру читателя, и то, что он делает наиболее чужеродным. Таким образом, одни и те же виды квазиреалий функционально делятся на две группы. Так, к полностью нереальным квазиреалиям в основном относятся квазиреалии, созданные для обозначения топонимов-маркеров чужой культуры, — 34 примера (49,3 % от числа полных квазиреалий). Пример: *Minas Tirith* — название города, чуждой культуре, которой принадлежит главный герой повествования. 12 слов (17,4 %) являются квазиантропонимами, которые описывают придуманные автором расы и виды, отличающиеся от привычных человеку. Этнологические и мифологические квазиреалии, используемые для описания вымышленных народов и мифологем, на третьем месте

по частоте — 10 слов (14,5 % от числа полных квазиреалий).

К частичным квазиреалиям в большей степени также относятся топонимы, однако имеющие ассоциативную функцию, — те, которые дают отсылку на реальный мир, и на Англию в частности. Таких примеров было обнаружено 40, что составило 30,5 % от общего числа частичных квазиреалий. На втором месте — квазиантропонимы, относящиеся к наиболее человекоподобным расам искусственной вселенной (29 примеров, 22,14 %). Третье место так же, как и среди полных квазиреалий, занимают этнологические и мифологические квазиреалии, построенные по подобию реалий такого вида.

Автор «Властелина колец» не только писатель, но и известный филолог: Толкин работал в коллективе, который составлял Оксфордский словарь английского языка, исследовал мифологию, перевел «Беовульф» на современный английский язык и написал монографию «*Beowulf: The Monsters and the Critics*» по этому произведению [15]. Кроме того, Дж.Р.Р. Толкин занимался изучением иностранных языков и конструированием искусственных. Сам он обозначал роль искусственных языков в своих произведениях так: «я думаю, что основополагающим “фактом” о всей моей работе является то, что она целостна и фундаментально лингвистична по своему замыслу. <...> Это не “хобби” в смысле чего-то совершенно отличного от основного занятия человека, того, чем человек занимается для отвлечения и отдыха. Изобретение языков является основой моих трудов. “Истории” были написаны более для того, чтобы создать мир для этих языков, а не наоборот. Для меня сначала возникает слово, а затем — история, связанная с ним. Я бы предпочел писать “по-эльфийски”. Но, безусловно, такая книга, как “Властелин Колец”, подверглась серьёзной редакции, и я оставил там ровно столько “языков”, сколько мог переварить читатель (хотя сейчас я узнаю, что многие хотели бы большего). <...> В любом случае, для меня это во многом эссе по “лингвистической

эстетике», как я иногда отвечаю людям, которые спрашивают меня, о чём я написал свою книгу» [12, 219—220 с.].

Сфера его научных интересов повлияла и на то, каким получился искусственный мир в целом, и на то, как конструировались отдельные квазиреалии. Так, вследствие большой работы по созданию искусственных языков у Толкина появилась возможность использовать их в качестве основы для создания большей части полных квазиреалий. Исследования в области средневековой мифологии дали модель построения искусственного мира и его мифологии [6].

Таким образом, квазиреалии играют ключевую роль в формировании искусственных литературных вселенных. Такая лексика может формироваться на основе естественных языков или даже реалий, а может быть полностью выдумана автором или основана на созданном специально для ИЛВ искусственном языке. Источник формирования квазиреалии зависит не только от типа и функций этой лексической единицы в тексте произведения, но и от социальных или культурных факторов, оказавших влияние на автора. В своей искусственной вселенной Дж.Р.Р. Толкин создает квазиреалии по большей части на основе морфем или лексем естественных языков: 65,5 % квазиреалий, исследованных в рамках данной работы, были созданы на основе реалий или морфем, формирующих ассоциацию с реальным миром. Преобладание данного вида квазиреалий объясняется заложенными в них функциями: мир главного литературного героя должен быть близок и понятен читателю, поэтому автор использует отсылки к британским топонимам, мифологемам и другим реалиям.

Библиографический список:

1. Беренкова В.М. Топонимы в трилогии «Властелин колец» как объекты художественного перевода [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 134(10). URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/10/pdf/05.pdf> (дата обращения 10.12.2021).
2. Беренкова В. М. Авторские новообразования и их функции в трилогии Дж. Р.Р. Толкиена «Властелин колец»: в английском и русском текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / [Адыгейский государственный университет]. Майкоп, 2007. 21 с.
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы): учеб. пособ. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 352 с.
5. Гаков В. Властелин сердец: очерк о Толкиене и его мире: вступ. статья // Толкиен Дж.Р.Р. Хоббит, или туда и обратно / Пер. с англ. Л. Яхнина. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. 288 с.
6. Колберт Д. Волшебные миры «Властелина Колец»: Удивительные мифы, легенды и факты, которые легли в основу этого шедевра. М.: РОС-МЭН, 2003. 192 с.
7. Манина С.И. Прагматические функции иноязычных вкраплений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 1. С. 95—98.
8. Миньяр-Белоручева А.П., Плотнокова А.В. Имена собственные в романе Дж.Р. Толкиена «Властелин колец» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика, 2007. Вып. 5, № 15. С. 30—37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-sobstvennye-v-romane-dzh-r-tolkiena-vlastelin-kolets> (дата обращения 10.12.2021).
9. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2009. 320 с.
10. Рогатова С.В. Способы передачи реалий в текстах англоязычных СМИ [Электронный ресурс] // Пространство научных интересов: иностранные языки и межкультурная коммуникация — современные векторы развития и перспективы: сб. статей по результатам IV науч. межвуз. конференции молодых ученых. М.: Буки Веди, 2019. URL: <https://lang.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/326634765> (дата обращения 10.12.2021).
11. Тимошенкова Т.М., Переверзев В.Ю. О передаче реалий при переводе произведений жанра «фэнтези» // Вестник харьковского университета. 1991. № 352.

12. Tolkien, J. R. R., Carpenter Humphrey, Tolkien Christopher. The Letters of J. R. R. Tolkien. Boston: Houghton Mifflin, 2017. 480 p.

13. Tolkien J. R. R. Guide to the Names in The Lord of the Rings // A Tolkien Compass. NY: Ballantine Books, 1980. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/guide/guide.shtml> (дата обращения 10.12.2021).

14. Tolkien, J.R.R.. The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring: in 2 p. M.: Айрис пресс, Рольф, 2002.

15. Tolkien, J. R. R. The Monsters & the Critics. London: HarperCollins, 2009. 256 p.

Поступила 10.12.2021

Рогатова София Владимировна — аспирант, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4), sofia.rogatova@gmail.com

References

1. Berenkova V.M. Toponimy v trilogii «Vlastelin kolec» kak ob#ekty hudozhestvennogo perevoda [Elektronnyj resurs] // Nauchnyj zhurnal KubGAU. 2017. № 134(10). URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/10/pdf/05.pdf> (data obrashhenija 10.12.2021).

2. Berenkova V. M. Avtorskie novoobrazovaniya i ih funkcii v trilogii Dzh. R.R. Tolkiena «Vlastelin kolec»: v anglijskom i russkom tekstah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / [Adygejskij gosudarstvennyj universitet]. Majkop, 2007. 21 s.

3. Vinogradov V. S. Vvedenie v perevodovedenie (obshhie i leksicheskie voprosy): ucheb. posob. M.: Izdatel'stvo instituta obshhego srednego obrazovaniya RAO, 2001. 224 s.

4. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 352 s.

5. Gakov V. Vlastelin serdec: ocherk o Tolkiene i ego mire: vstup. stat'ja // Tolkien Dzh.R.R. Hobbit, ili tuda i obratno / Per. s angl. L. Jahnina. M.: OLMA-PRESS Obrazovanie, 2003. 288 s.

6. Kolbert D. Volshebnye miry «Vlastelina Kolec»: Udivitel'nye mify, legendy i fakty, kotorye legli v osnovu

jetogo shedevara. M.: ROSMJeN, 2003. 192 s.

7. Manina S.I. Pragmaticheskie funkcii inozazychnyh vkraplenij // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologija i iskusstvovedenie. 2010. № 1. C. 95—98.

8. Min'jar-Belorucheva A.P., Plotnikova A.B. Imena sobstvennye v romane Dzh.R. Tolkiena «Vlastelin kolec» // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika, 2007. Vyp. 5, № 15. S. 30—37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-sobstvennye-v-romane-dzh-r-tolkiena-vlastelin-kolets> (data obrashhenija 10.12.2021).

9. Neljubin L. L. Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'. M.: Flinta, 2009. 320 s.

10. Rogatova S.V. Sposoby peredachi realij v tekstah anglojazychnyh SMI [Elektronnyj resurs] // Prostranstvo nauchnyh interesov: inostrannye jazyki i mezkul'turnaja kommunikacija — sovremennye vektory razvitija i perspektivy: sb. statej po rezul'tatam IV nauch. mezvuz. konferencii molodyh uchenyh. M.: Buki Vedi, 2019. URL: <https://lang.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/326634765> (data obrashhenija 10.12.2021).

11. Timoshenkova T.M., Pereverzev V.Ju. O peredache realij pri perevode proizvedenij zhanra «fjentezi» // Vestnik har'kovskogo universiteta. 1991. № 352.

12. Tolkien, J. R. R., Carpenter Humphrey, Tolkien Christopher. The Letters of J. R. R. Tolkien. Boston: Houghton Mifflin, 2017. 480 p.

13. Tolkien J. R. R. Guide to the Names in The Lord of the Rings // A Tolkien Compass. NY: Ballantine Books, 1980. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/guide/guide.shtml> (data obrashhenija 10.12.2021).

14. Tolkien, J.R.R.. The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring: in 2 p. M.: Ajris press, Rol'f, 2002.

15. Tolkien, J. R. R. The Monsters & the Critics. London: HarperCollins, 2009. 256 p.

Submitted 17.10.2021

Rogatova Sofia V., Postgraduate student, Moscow City University (2-y Agricultural Avenue, 4), sofia.rogatova@gmail.com

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ: ОБРАЗОВАНИЕ,
ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА
PEDAGOGICAL COORDINATE SYSTEM EDUCATION, UPBRINGING,
HUMAN DEVELOPMENT**

УДК 37:004

DOI: 10.24151/2409-1073-2021-4-124-130

**Цифровые платформы и IT-сервисы в образовании:
применение в период локдауна**

С.В. Горбунова, Л.В. Мрочко, Г.В. Спиридонова

Московский гуманитарный университет

dr.discussion@yandex.ru

Рассмотрены информационные технологии, формы, методы и средства образовательного процесса в период пандемии. Выделены полезные функции цифровых платформ и IT-сервисов, используемые для проведения учебных занятий в формате видеоконференций. Сделан сравнительный анализ функций видеосвязи для наиболее востребованных в образовании технологий. Раскрыты особенности дистанционного обучения в России и за рубежом.

Ключевые слова: локдаун, образовательный процесс, цифровые платформы, информационные технологии, дистанционное обучение.

**Digital platforms and IT-services in education:
application during the lockdown period**

S. V. Gorbunova, L. V. Mrochko, G. V. Spiridonova

Moscow University for the Humanities

dr.discussion@yandex.ru

Information technologies, forms, methods, and means of the educational process during the pandemic are considered. Useful functions of digital platforms and IT-services used for conducting educational classes in the format of videoconferences are highlighted. A comparative analysis of video communication functions for the most popular technologies in education is made. The features of distance learning in Russia and abroad are disclosed.

Key words: lockdown, educational process, digital platforms, information technology, distance learning.

В условиях первой волны локдауна, вызванного пандемией коронавируса, Правительством России были приняты меры по переводу всех образовательных программ на дистанционный формат обучения с применением информационных технологий¹. Цифровые технологии образования и просвещения сменили традиционные формы. Для проведения занятий учебные заведения стали использовать цифровые платформы, для видеоконференций — IT-сервисы, причем выбор сервисов сегодня не ограничен. Ответим на вопрос, какая из цифровых платформ в полной мере отвечает всем потребностям института образования. Период с апреля 2020 г. по апрель 2021 г. дает возможность сделать некоторые выводы на основе сравнительного анализа эффективности применения цифровых технологий обучения.

Дистанционное обучение имеет преимущества, которые позволяют определить его место в привычном формате обучения, с одной стороны, и в условиях изменения традиционных форм обучения — с другой. Однако недостатки дистанционного формата влекут за собой падение качества образования. Более того, еще не все регионы страны обладают выходом к высокоскоростному интернету, что ограничивает доступ к образованию в период локдауна.

В преддверии первой волны локдауна колоссально вырос спрос на цифровые платформы и IT-сервисы. По данным компании Microsoft, в марте 2020 г. количество активных пользователей Microsoft Teams увеличилось с 32 млн чел. до 44 млн чел. за неделю [1]. 30 марта 2020 г. компания сообщила, что ежедневное число активных пользователей Skypeросло, начиная с цифры в 40 млн чел. в день и далее стабильно до 70 % в месяц [2]. С марта по апрель 2020 г. также увеличилось количество активных пользователей Google Classroom.

Безусловно, все названные выше компании задействовали различные методы продвижения своих платформ. Показательная ситуация, которая сложилась в компании Zoom. Компания сообщила: число ежедневных звонков значительно выросло к марту 2020 г., а в апреле 2020 г. количество ежедневных звонков достигло 300 млн чел. в день [3]. Первоначально в сообщении говорилось о числе пользователей, но Zoom признала ошибку, объяснив, что под «тремьястами миллионами ежедневных пользователей» надо понимать триста миллионов звонков в день. Неизвестно, намеренно ли компания допустила ошибку или это привлечение общественного внимания произошло случайно. Однако благодаря подобному вводу в заблуждение компания получила большой резонанс в СМИ.

Рассмотрим платформы Skype, Zoom, Microsoft Teams, Google Classroom, Discord. Выборка обусловлена тем, что они наиболее востребованы на мировом рынке. Результаты функционального анализа цифровых платформ и IT-сервисов для дистанционного образования представлены в таблице 1.

Teams обладает наибольшим количеством полезного функционала и наравне с Google наиболее подходит для среднестатистического пользователя. Дополнительно платформы содержат вспомогательный функционал, упрощающий коммуникацию вне звонка: текстовый редактор, календарь, расписание занятий, домашние задания, редактор таблиц. Эти функции доступны участникам конференции для общего просмотра и, при включенных настройках, для редактирования.

Есть некоторые не включенные в таблицу критерии оценки. Например, цена. В базовой комплектации почти все цифровые платформы и IT-сервисы бесплатные (платные версии имеются только у Zoom и Teams). Бесплатная версия Zoom ограничивает

¹ Названа дата начала дистанционного обучения в российских школах. URL: <https://lenta.ru/news/2020/04/03/schools/> (дата обращения 12.04.2021).

Таблица 1

Сравнение цифровых платформ и IT-сервисов по функциям видеосвязи

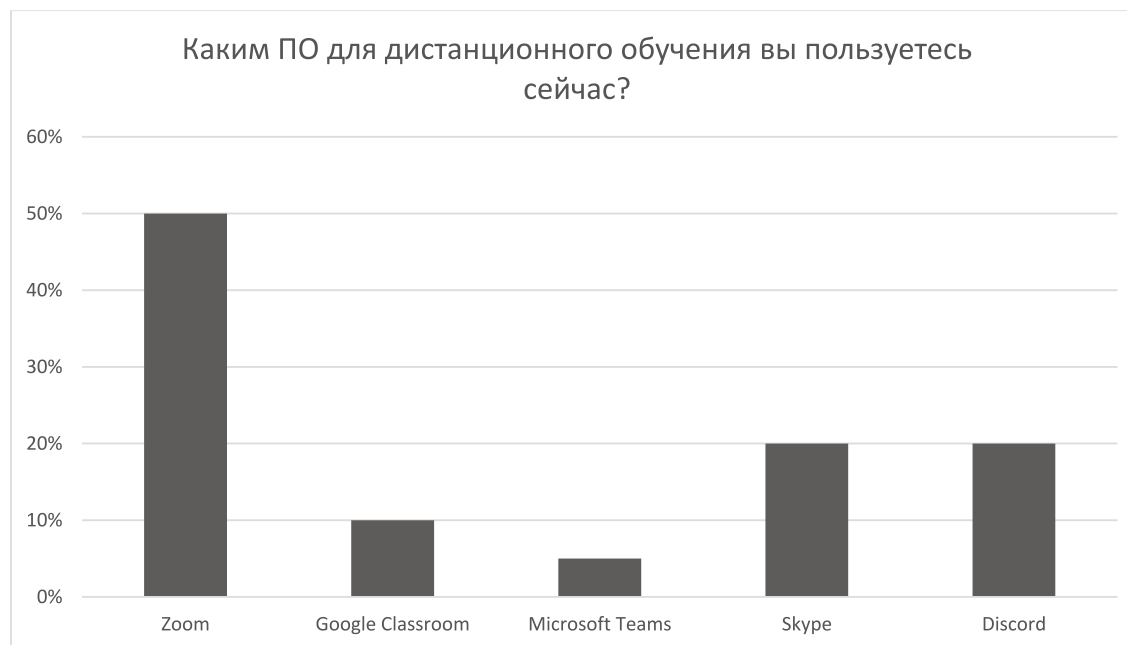
Функция	Zoom	Microsoft Teams	Google Classroom	Skype	Discord
Показ видео	+	+	+	+	+
Показ экрана	+	+	+	+	+
Показ экрана в мобильном приложении	—	+	+	+	—
Видеозапись конференции	+	+	—	+	—
Поднятая рука	—	+	+	—	—
Поднятая рука в мобильном приложении	+	+	+	+	—
Интерактивная доска	+	+	+	—	—
Планирование конференций	+	+	+	—	—
Создание постоянных конференций	—	+	+	+	+
Совместное использование файлов	—	+	+	—	—

максимальное время звонка до 40 мин., что затрудняет его использование, поскольку пара длится два академических часа. В бесплатной версии Teams содержится весь необходимый для дистанционного обучения функционал, а платный может быть полезен для узкоспециализированного обучения, однако возникают сложности при настройке среды, связанные с недостатком инструкций. Skype неудобен в отношении безопасности конференции — любой участник звонка имеет право пригласить пользователя со стороны, вне учебной организации.

Перечислим полезные функции цифровых платформ и IT-сервисов: показ видео с видеокамеры, демонстрация своего экрана, видеозапись звонка конференции. Большинство из рассмотренных цифровых платформ и IT-сервисов предоставляют функции в помощь обучению: интерактивную доску, подобную меловой, на которой любой участник может писать или рисовать; функцию поднятой руки, что позволяет ученику не переби-

вать преподавателя и дожидаться «с поднятой рукой», когда преподаватель закончит лекцию и уделит ему внимание; интерактивную демонстрацию презентации: эта функция дает участнику возможность листать презентацию вне зависимости от презентатора, но также он может смотреть презентацию как обычно, под контролем презентующего. Более того, некоторые цифровые платформы и IT-сервисы предоставляют общий доступ к файлам конференции, не требующий настройки; эта возможность полезна для получения и выполнения домашних заданий, а также для обмена материалом лекций. Дополнительная функция — календарь для планирования занятий, экзаменов или сроков сдачи заданий.

Сравнительный анализ данных, представленных в таблице 1, показывает, что Discord, часто используемый для повседневного общения в коммуникации игрового сообщества, сильно уступает другим сервисам по функционалу. Skype обладает не максималь-

Использование программного обеспечения (ПО) для дистанционного обучения

ным, но достаточным для дистанционного обучения набором возможностей, однако есть и глобальная проблема: конференции не защищены паролем, поэтому к ним может присоединиться любой желающий, что мешает учебному процессу.

Teams и Google можно считать лидерами по количеству функций, по сравнению с Zoom и остальными рассмотренными платформами и IT-сервисами, так как Teams и Google предоставляют не только функцию звонка, но и дополнительную инфраструктуру, упрощающую учебный процесс. Но, несмотря на преобладающий объем функционала, Teams и Google уступают Zoom по известности и по использованию. Это может быть связано с недостаточной рекламной кампанией первых двух сервисов или с их неудобством.

Главный рекламный слоган Zoom — простота в использовании. Компания заявляет, что для использования платформы необходимо сделать несколько кликов. Так, Джим Мерсер — бывший работник конкурирующей компании GoToMeeting — сообщил в интервью: «Один клик, мы зарегистрировались, ещё один — и мы уже на конферен-

ции с 25 другими людьми. Как они это делают, это какая-то магия вуду?». Такая функция удобна и экономит время пользователя, но ее можно назвать «дырой в безопасности» [4]. Функция не доставляла больших проблем, когда Zoom использовался для бизнеса b2b, для которого он был спроектирован, но стала «большим минусом» в период пандемии, когда популярность системы резко возросла. Развитие компании продолжилось в новом, не запланированном изначально направлении, и спустя определенный срок проблемы безопасности были исправлены. Компания Zoom использовала свою популярность и добавила b2c к направлению своего бизнеса.

Компания Google в 2020 г. провела опрос в целях субъективного сравнения цифровых платформ и IT-сервисов. В опросе участвовали студенты учебных заведений из разных стран, включая Россию (59 % респондентов), Казахстан (3 %), США (9 %), Японию (3 %), страны Евросоюза — Германию (6 %), Нидерланды (3 %) и другие [5; 6; 7; 8].

По результатам опроса (учащиеся могли выбрать несколько вариантов ответа), в России и СНГ в образовательных целях чаще

Таблица 2

Статистика установки цифровых платформ и IT-сервисов в Google Play

Сервис видеосвязи	Количество установленных платформ	Количество пользователей Интернет
Skype	11 млн 300 тыс.	4.3
Microsoft Teams	3 млн 200 тыс.	4.1
Discord	3 млн	4.5
Zoom	2 млн 200 тыс.	3.9
Google Classroom	1 млн 400 тыс.	2.6

всего используются платформы Zoom (62 %) и Skype (25 %), причем половина тех, кто предпочитает Skype, также пользуются и Zoom. Вместе с тем за рубежом чаще предпочитают Zoom (80 %), Google (30 %) и Tims (30 %), эти результаты представлены на графике. Половина участников опроса (47 %) остались недовольны качеством цифровых платформ и IT-сервисов, выделяя плохое качество связи (59 %), неудобный интерфейс (52 %), сбои в работе программного обеспечения (28 %), ограничение звонка до 40 мин. (24 %).

Однако использование сторонних программ чревато опасностью разногласий между выпускающими их компаниями и российским правительством. Так, в апреле 2021 г. компания Zoom сообщила, что запрещает дистрибьюторам продавать доступ к своему сервису государственным учреждениям и госкомпаниям, на что пресс-секретарь Президента России Дмитрий Песков ответил: «Надо переходить на альтернативы. Свято место пусто не бывает, будут покупать другие услуги, в этом особо ничего страшного нет»². Исходя из результата опроса, мнение таково: запрет заставит учебные заведения искать альтернативные цифровые платформы и IT-сервисы, что может повлиять на качество и удобство образования и подтолкнет разработчиков к созданию отечественных вариантов.

Сделаем попытку сравнить востребован-

ность сервисов видеосвязи по статистике скачивания приложений в *Google Play* (см. табл. 2). Безусловно, мы не можем полагаться на объективность такого анализа, поскольку данные об установке программного обеспечения — это внутренняя информация компаний, ее нет в открытом доступе. Однако эта узкая статистика, представленная в марте — апреле 2021 г., позволяет определить популярность мобильных приложений, используемых в образовании.

По данным таблицы 2, число установленных цифровых платформ и IT-сервисов не совпадает с числом участников опроса, которые дали оценку этим сервисам. Для сервиса Skype, который ранее являлся основным и практически не имел альтернативы, потеря популярности среди пользователей Интернет может быть связана со стагнацией качества связи и функционала. Число пользователей Google Classroom, согласно таблице, наоборот, превышает число установок, возможно, по причине отображения только активных приложений. Самый неожиданный результат сравнения: число установок Tims на 1 млн превосходит этот показатель Zoom. Такой результат может быть связан с некорректной постановкой вопросов, или с неправильным охватом группы опроса, или с отсутствием популярности мобильного приложения Zoom, в том числе

² Майшев А. В Кремле прокомментировали ограничения на использование Zoom в России. 07.04.2021. URL: <https://ria.ru/20210407/kreml-1727175173.html?in=t> (дата обращения 13.04.2021).

вследствие конфликта Zoom с правительством, сокращения его использования в сфере государственного образования. Вместе с тем относительная популярность Discord обусловлена его использованием именно в необразовательных отраслях.

Обратим внимание, что сервис Google значительно отстает от других сравниваемых сервисов — как по количеству установленных платформ, так и по числу оценок пользователей. Предположим, что этому послужили недостатки в структурах рекламной кампании или быстрый рост конкуренции на рынке цифровых платформ и IT-сервисов.

Добавим, что цифровые платформы и IT-сервисы, используемые для повседневного общения, очень редко выбираются для дистанционного обучения. У этих групп разные, почти не пересекающиеся рынки.

В заключение отметим, что группа сервисов Microsoft Teams и Zoom, используемая для обучения до пандемии коронавируса, разрабатывалась для бизнес-конференций и неосновного, онлайн обучения. Благодаря развитию в этих отраслях, Teams и Zoom имели возможность предоставить платформы для удобного дистанционного обучения в период локдауна. Без этой возможности обучение проходило бы в худших условиях, поскольку низкая степень распространения цифровых платформ в период чрезвычайных ситуаций способствует снижению уровня знаний.

Библиографический список

1. *Spataro J.* Microsoft Teams at 3: Everything you need to connect with your teammates and be more productive. // Microsoft: official website. March 19. 2020. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/microsoft-365/blog/2020/03/19/microsoft-teams-3-everything-you-need-connect-teammates-be-more-productive/> (дата обращения: 01.04.2021).
2. *Mehdi Y.* Introducing the new Microsoft 365 Personal and Family subscriptions // Microsoft: official website. March 30. 2020. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/microsoft-365/blog/2020/03/30/introducing-new-microsoft-365-personal-family-subscriptions/> (дата обращения: 1.04.2021).
3. 90-Day Security Plan Progress Report: April 22 // Zoom: Blog. URL: <https://blog.zoom.us/90-day-security-plan-progress-report-april-22/> (дата обращения: 11.04.2021).
4. *Конрад А.* «Зумбомбинг», утечки и ФБР: как сервис видеочатов Zoom стал жертвой собственной популярности в эпоху пандемии [Электронный ресурс] // Forbes: фин.-экон. журнал. 10.04.2020. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/397105-zumbombing-utechki-i-fbr-kak-servis-videochatov-zoom-stal-zhertvoy-sobstvennoy>. (дата обращения: 11.04.2021).
5. Сравнение семи популярных платформ для вебинаров и конференций [Электронный ресурс] // Хабр: сообщество IT-специалистов: [сайт]. 1 апреля 2020. URL: <https://habr.com/ru/company/leader-id/blog/495094/> (дата обращения 13.04.2021).
6. Как Zoom стала самой важной компанией в эпоху коронавируса [Электронный ресурс] // Хабр: сообщество IT-специалистов. 2 апреля 2020. URL: <https://habr.com/ru/post/495258/> (дата обращения 13.04.2021).
7. Статистика роста популярности видеочатов и сервисов видеосвязи за 2020 год [Электронный ресурс] // CNews: сетевое издание. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2021-02-09_statistika_rosta_populyarnosti (дата обращения 13.04.2021).
8. *Кинес Кизитов.* Пандемия цифрового образования [Электронный ресурс] // VC.RU: [сайт]. 26 августа 2020. URL: <https://vc.ru/education/153144-pandemiya-cifrovogo-obrazovaniya> (дата обращения 13.04.2021).

Поступила 16.11.2021

Горбунова София Владиславовна — студентка 4 курса факультета рекламы, журналистики, психологии и искусства, Московский гуманитарный университет (ул. Юности, 5, Москва), tigerinspace@mail.ru

Мрочко Леонид Владимирович — доктор фи-

лософских наук, профессор кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций, Московский гуманитарный университет (ул. Юности, 5, Москва), dr.discussion@yandex.ru

Спирidonova Галина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций, Московский гуманитарный университет (ул. Юности, 5, Москва), gspiridonova@mosgu.ru

videosvjazi za 2020 god [Jelektronnyj resurs] // CNews: setevoe izdanie. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2021-02-09_statistika_rosta_populyarnosti (data obrashhenija 13.04.2021).

8. Kines Kizitov. Pandemija cifrovogo obrazovaniya [Jelektronnyj resurs] // VC.RU: [sajt]. 26 avgusta 2020. URL: <https://vc.ru/education/153144-pandemiya-cifrovogo-obrazovaniya> (data obrashhenija 13.04.2021).

References

Submitted 16.11.2021

1. Spataro J. Microsoft Teams at 3: Everything you need to connect with your teammates and be more productive. // Microsoft: official website. March 19. 2020. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/microsoft-365/blog/2020/03/19/microsoft-teams-3-everything-you-need-connect-teammates-be-more-productive/> (data obrashhenija: 01.04.2021).

2. Mehdi Y. Introducing the new Microsoft 365 Personal and Family subscriptions // Microsoft: official website. March 30. 2020. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/microsoft-365/blog/2020/03/30/introducing-new-microsoft-365-personal-family-subscriptions/> (data obrashhenija: 1.04.2021).

3. 90-Day Security Plan Progress Report: April 22 // Zoom: Blog. URL: <https://blog.zoom.us/90-day-security-plan-progress-report-april-22/> (data obrashhenija: 11.04.2021).

4. Konrad A. «Zumbombing», utechki i FBR: kak servis videochatov Zoom stal zhertvoj sobstvennoj populyarnosti v jepohu pandemii [Jelektronnyj resurs] // Forbes: fin.-jekon. zhurnal. 10.04.2020. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/397105-zumbombing-utechki-i-fbr-kak-servis-videochatov-zoom-stal-zhertvoy-sobstvennoy>. (data obrashhenija: 11.04.2021).

5. Sravnenie semi populyarnyh platform dlja vebinarov i konferencij [Jelektronnyj resurs] // Habr: soobshhestvo IT-specialistov: [sajt]. 1 aprelja 2020. URL: <https://habr.com/ru/company/leader-id/blog/495094/> (data obrashhenija 13.04.2021).

6. Kak Zoom stala samoj vazhnoj kompaniej v jepohu koronavirusa [Jelektronnyj resurs] // Habr: soobshhestvo IT-specialistov. 2 aprelja 2020. URL: <https://habr.com/ru/post/495258/> (data obrashhenija 13.04.2021).

7. Statistika rosta populyarnosti videochatov i servisov

Gorbunova Sofia V., 4th-year student, Department of Advertising, Journalism, Psychology and Art, Moscow Humanitarian University (5 Yunost St., Moscow), tigerinspace@mail.ru

Mrochko Leonid V., Doctor of Philosophy, Professor, Department of Advertising Theory and Mass Communications, Moscow Humanitarian University (5 Yunost St., Moscow), dr.discussion@yandex.ru

Spiridonova Galina V., D. in Economics, Associate Professor, Department of Advertising Theory and Mass Communications, Moscow Humanitarian University (5 Yunost St., Moscow), gspiridonova@mosgu.ru

Особенности формирования профессионального стресса и эмоционального выгорания у пожарных-спасателей

С.И. Филиппченкова

Тверской Государственный Технический Университет

sfilippchenkova@mail.ru

Представлены результаты исследования особенностей формирования профессионального стресса у сотрудников МЧС. Выявлена психологическая структура симптомов синдрома эмоционального выгорания и ее взаимосвязь с уровнем нервно-психической устойчивости пожарных-спасателей Тверского региона. Диагностический инструментарий исследования составляют методики В.В. Бойко и Ю.А. Баранова. На основании результатов исследования, демонстрирующих связь острых стрессовых расстройств со спецификой профессиональной деятельности, сделан вывод о наличии синдрома эмоционального выгорания в стадии формирования у пожарных-спасателей и о достаточно высоком уровне нервно-психической устойчивости, позволяющем сотрудникам МЧС успешно работать.

Ключевые слова: профессиональный стресс, синдром эмоционального выгорания, нервно-психическая устойчивость, сотрудники МЧС, пожарный-спасатель.

Formation features of professional stress and emotional burnout in firefighters-rescuers

S.I. Filippchenkova

Tver State Technical University

sfilippchenkova@mail.ru

The article presents the results of a study of the peculiarities of the formation of professional stress in Emergencies Ministry officials. The psychological structure of the symptoms of emotional burnout syndrome and its relationship with the level of neuropsychic stability of firefighters and rescuers of the Tver region were revealed. The diagnostic tools of the study were made up by the methods of V.V. Boyko and Yu.A. Baranova. Based on the results of the study demonstrating the relationship of acute stress disorders with the specifics of professional activity, the conclusion about the presence of burnout syndrome in formative stage in firefighters and rescuers and about a sufficiently high level of neuropsychic stability, allowing Emergencies Ministry officials to work successfully.

Ключевые слова: professional stress, burnout syndrome, neuropsychic stability, Emergencies Ministry officials, firefighters-rescuers.

Специфика профессиональной деятельности пожарных-спасателей связана со значительным психоэмоциональным напряжением, порождаемым экстремальными условиями работы, а также с большой морально-этической ответственностью за здоровье и жизнь людей. Пожары и аварии всегда были и остаются тяжким бедствием. Особенно актуализируется проблема пожаров летом 2021 г.: значительная часть лесной территории России — от Карелии до Сибири — окутана пожарами, от последствий которых страдает население городов и сел. Пожарные-спасатели постоянно испытывают профессиональный и травматический стресс, и если уровень их нервно-психической устойчивости оказывается недостаточно высоким для сопротивления давлению внешних стрессовых обстоятельств, то постоянное нервно-психическое напряжение способствует формированию синдрома эмоционального выгорания.

Теоретический анализ проблемы. Теоретический интерес к проблеме профессионального выгорания обусловлен несколькими факторами, и главным среди них стал *практический запрос*, так как эмоциональное выгорание развивается у человека в процессе профессиональной деятельности и может привести к негативным для психики и жизнедеятельности последствиям. Термин «выгорание» ввел в науку американский психиатр Herbert J. Freudenberger в 1974 г. при описании неопределенных расстройств личности у физически здоровых людей, возникавших при частом эмоциональном межличностном общении в процессе профессиональной деятельности [17]. Позже, в отечественной психологии, под синдромом эмоционального выгорания, согласно исследованию В.В. Бойко, понимался «особый механизм, выработанный личностью, представляющий собой полное или частичное исключение каких-либо эмоций в ответ на избыточное психотравмирующее воздействие» [2, 3]. Бойко создал классическую методику для диагностики

уровня сформированности синдрома эмоционального выгорания. Конечно, основными факторами, влияющими на развитие синдрома эмоционального выгорания, являются стрессовая ситуация и состояние постоянного нервного напряжения. В последние несколько десятилетий формирование стресса стало одной из наиболее популярных тем в психологической науке и практике.

Термин «стресс» введен канадским физиологом Hans Hugo Bruno Selye в 1936 г., понятие поделено на два вида «дистресс» и «эустресс» и давно вышло за пределы медицины, поскольку рассматривается многими другими науками, включая психологию [14; 15]. Несмотря на то что стресс оказывает негативное влияние на жизнедеятельность и вводит в состояние постоянного нервного напряжения, индивид все-таки может противодействовать ему, для этого он должен обладать высоким уровнем нервно-психической устойчивости (НПУ). Существенный вклад в развитие теории НПУ был внесен А. Г. Маклаковым [6; 11]. В контексте процесса адаптации ученый поставил понятие НПУ в прямую зависимость с понятием «психическая регуляция»: чем совершеннее механизмы психической регуляции индивида, тем выше его нервно-психическая устойчивость. И это сопоставление имеет место быть, так как уровень нервно-психической устойчивости имеет непосредственное влияние на способность и возможность человека адаптироваться к тем или иным условиям и стрессовым обстоятельствам.

Длительный стресс у пожарных-спасателей приводит к значительному снижению эффективности их профессиональной деятельности: увеличивается количество ошибок в работе, которые могут привести к авариям и катастрофам, что также негативно сказывается на профессиональном здоровье и долголетию самих профессионалов. Поэтому пожарных-спасателей должен характеризовать высокий уровень стрессоустойчивости [1, 5]. Постоянное воздействие

стресса на человека может привести к негативным последствиям: к формированию чувства неудовлетворенности своей профессиональной деятельностью; снижению уровня нервно-психической устойчивости, а также физической активности организма; отказу от выполнения любых заданий, если повышаются требования, а также если постоянно преследуют неудачи. Многие профессии, в том числе профессия «пожарный-спасатель», ставят работника в условия, в которых он постоянно испытывает чувства нервного напряжения и эмоциональной опустошенности, что является первым признаком начала формирования синдрома эмоционального выгорания [4; 7; 10]. Формирование синдрома как следствие постоянных стрессовых расстройств у пожарных-спасателей обуславливает снижение качества выполнения профессиональных обязанностей: принимаются неадекватные решения в условиях экстремальных ситуаций, что, в свою очередь, приводит к снижению качества работы пожарно-спасательной службы [12]. Если уровень сформированности синдрома эмоционального выгорания высок, работник постепенно начинает чувствовать бесполезность своего труда, его не устраивает результат работы, нарастает количество конфликтов с коллегами, текущая работа уже не приносит удовлетворения. Таким образом, работнику перестает нравиться собственная профессиональная деятельность в целом.

Пожарные-спасатели зачастую становятся свидетелями трагедий, последствий чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и катастроф, что оказывает негативное влияние на их психоэмоциональное состояние, а нарушение внутренней стабильности напрямую ведет к возникновению острых стрессовых расстройств, которые являются основной причиной формирования синдрома эмоционального выгорания.

Методы и организация исследования. Проведено психодиагностическое исследование психоэмоционального состояния и уровня

сформированности синдрома эмоционального выгорания у сотрудников МЧС. Выборку эмпирического исследования составили 50 сотрудников МЧС, пожарных-спасателей в возрасте от 26 до 34 лет. База исследования: Главное управление Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по Тверской области. В качестве гипотезы исследования выдвинуто предположение о наличии взаимосвязи на достоверном уровне между показателями психоэмоционального состояния испытуемых и уровнем сформированности у них синдрома эмоционального выгорания. Диагностический инструментальный исследования составили: методика диагностики уровня сформированности синдрома эмоционального выгорания В.В. Бойко и методика диагностики уровня нервно-психической устойчивости и риска дезадаптации в стрессе «Прогноз» Ю.А. Баранова [13].

Результаты исследования и их обсуждение. Синдром эмоционального выгорания представляет собой выработанный личностью механизм психологической защиты от профессионального стресса, который представляет собой полное или частичное исключение каких-либо эмоций в ответ на избыточное психотравмирующее воздействие. Синдром эмоционального выгорания состоит из трех последовательно формирующихся фаз: «Напряжение» (нарастание нервно-психического напряжения и запуск формирования синдрома эмоционального выгорания), «Резистенция» (поведенческое сопротивление человека к нарастающему стрессу, стремление к психологическому комфорту и снижение «давления» обстоятельств жизнедеятельности) и «Истощение» (снижение работоспособности, падение жизненного тонуса, депрессия, тревога, редукция профессиональных обязанностей и эмоциональной вовлеченности в работу). В результате диагностики уровня сформированности

синдрома эмоционального выгорания с помощью методики В.В. Бойко обнаружены следующие тенденции фазы напряжения: среднегрупповой показатель первой фазы синдрома эмоционального выгорания «Напряжение» составил 39,5 балла, что указывает на «запуск» механизма формирования эмоционального выгорания. Показатель фазы «Резистенция», которая является своеобразным переходом от начальной, стартовой фазы «Напряжение» к конечной, финальной фазе «Истощение», составил 42,5 балла. Это означает, что дан старт формированию фазы «Резистенция» и психоэмоциональному сопротивлению профессиональному стрессу у сотрудников МЧС. Показатель фазы «Истощение» составил 37 баллов, следовательно, у большинства испытуемых эта фаза не сформирована.

Каждой из фаз синдрома эмоционального выгорания соответствуют четыре симптома. Наиболее высокий показатель в фазе «Напряжение» имеет симптом «Тревога и депрессия»: это личностная тревога, человек постоянно переживает, разочаровывается в себе, профессии или месте работы (среднегрупповой показатель 10,3 балла). У большинства сотрудников МЧС симптом «Тревога и депрессия» находится в стадии формирования. Далее следует симптом «Переживание психотравмирующих обстоятельств»: осознание человеком психотравмирующих факторов деятельности, которые очень трудно устранить, поэтому накапливается отчаяние и негодование (показатель 9,4 балла). Данный симптом находится в стадии начала формирования у большинства тестируемых сотрудников МЧС. Следующий по показателю — симптом «Загнанность в клетку» (8,1 балла). Завершает структуру фазы «Напряжение» симптом «Неудовлетворенность собой» (7,7 балла), который выражается в недовольстве собой, своей профессией, должностными обязанностями. Заметим, что фаза «Напряжение» показывает негативную оценку себя как профессионала,

отражает неспособность человека повлиять на психотравмирующие обстоятельства профессиональной деятельности, ей соответствует глубокое переживание собственных неудач.

Рассмотрим психологическую структуру фазы «Резистенция». Самый высокий показатель в этой фазе по симптому «Редукция профессиональных обязанностей»: человек предпринимает попытки сократить или облегчить обязанности, которые требуют особых эмоциональных затрат (среднегрупповой результат 11,7 балла). Отметим, что у большинства испытуемых симптом «Редукция профессиональных обязанностей» находится на этапе формирования. Далее следует симптом «Неадекватное эмоциональное избирательное реагирование»: человек перестает отличать экономичное проявление эмоций от неадекватного избирательного эмоционального реагирования (показатель 11,5 балла). Первый симптом — это довольно полезный навык в профессиональной деятельности, а второй воспринимается и интерпретируется партнерами как неуважение к их личности — и переходит в плоскость нравственности. Данный симптом у большинства испытуемых сотрудников МЧС находится на стадии формирования. Симптом «Эмоционально-нравственная дезориентация» (9,8 балла) является последствием и продолжением неадекватного реагирования на делового партнера. Человек не только перестает поддерживать какие-либо эмоциональные отношения с партнером, но и оправдывает свои действия тем, что «таким людям нельзя сопереживать». Такие мысли в первую очередь и говорят о том, что нравственные чувства человека остаются в стороне. Данный симптом также находится в процессе формирования у большинства испытуемых. Завершает структуру фазы «Резистенция» симптом «Расширение сферы экономии эмоций»: признаки эмоционального выгорания начинают проявляться не только в профессиональной сфере, но и в других жизненных

сферах, таких как семья, увлечения (показатель 9,5 балла). Это происходит из-за того, что человек слишком устает на работе от контактов с людьми — и ему уже не хочется общаться со своей семьей и близкими, следствием является некое эмоциональное игнорирование. Данный симптом находится на стадии начала формирования у большинства тестируемых сотрудников МЧС.

И последней, заключительной фазой в формировании синдрома эмоционального выгорания является фаза «Истощение». Наиболее высокий показатель в этой фазе по симптому «Эмоциональный дефицит» (10,3 балла). Симптом открывает формирование третьей фазы, так как на этой стадии человек понимает, что эмоционально он больше не может помогать своим коллегам, не может войти в их положение и посочувствовать, помочь в чем-то. Здесь важную роль играет прошлое: «раньше такого не было». У большинства испытуемых симптом «Эмоциональный дефицит» находится на этапе формирования. Далее следует симптом «Эмоциональная отстраненность»: человек постепенно начинает работать как «бездушный автомат», «робот», полностью исключая эмоции из профессиональной деятельности, однако в других сферах его эмоциям есть место (показатель 9,9 балла). Бесчувственное реагирование — один из основных симптомов эмоционального выгорания, свидетельствует о профессиональной деформации человека и наносит ему особый ущерб. Данный симптом находится на стадии формирования у большинства испытуемых сотрудников МЧС. Следующий по показателю — симптом «Личностная отстраненность (деперсонализация)»: выгорание проникает в систему ценностей личности (9,5 балла). На этой стадии человек утверждает, что работа с людьми не приносит ему никакого удовлетворения. Более того, выгорание смыкается с психопатологическими проявлениями личности. Данный симптом у большинства испытуемых находится на этапе начала формирования. И наконец, симптом

«Психосоматические и психовегетативные нарушения» (показатель 7,3 балла) является заключительным в процессе формирования синдрома эмоционального выгорания. На этой стадии внутренние переживания способствуют физическому недомоганию (неприятные ощущения в области сердца, сосудистые реакции; обострение хронических заболеваний). Данного симптома у большинства испытуемых сотрудников МЧС не наблюдается.

Рассмотрим результаты диагностики уровня нервно-психической устойчивости (НПУ) и риска дезадаптации в стрессе, полученные с помощью методики «Прогноз» Ю.А. Баранова. В методике выделяются три уровня НПУ: 13 и менее баллов (от 6 до 10 стенов) — нервно-психические срывы маловероятны; 14—28 баллов (от 3 до 5 стенов) — нервно-психические срывы вероятны, особенно в экстремальных условиях; 29 и более баллов (от 1 до 2 стенов) — высокая вероятность нервно-психических срывов. В нашей выборке среденегрупповой показатель НПУ составил 15 баллов (3 стена), что свидетельствует о достаточно высоком уровне нервно-психической устойчивости сотрудников МЧС, позволяющем им эффективно справляться с нарастающим профессиональным стрессом.

Результаты корреляционного анализа с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена позволили выявить значимые взаимосвязи между показателями нервно-психической устойчивости испытуемых и синдрома эмоционального выгорания на уровне значимости 0,01:

1) между уровнем нервно-психической устойчивости и уровнем выраженности синдрома «Редукция профессиональных обязанностей» (-0,438): чем выше уровень нервно-психической устойчивости испытуемых, тем менее они склонны к редукции своих обязанностей в профессиональной деятельности;

2) между уровнем нервно-психической устойчивости и уровнем выраженности фазы

«Резистенция» (-0,382): чем выше уровень нервно-психической устойчивости испытуемых, тем менее они склонны к поведенческим проявлениям стресса (резистентности) в своей профессиональной деятельности;

3) между уровнем нервно-психической устойчивости и интегральным показателем синдрома эмоционального выгорания (-0,449): чем выше уровень нервно-психической устойчивости испытуемых, тем менее они склонны к формированию у них эмоционального выгорания.

Таким образом мы подтвердили гипотезу нашего исследования и выявили взаимосвязь на достоверном уровне между показателями психоэмоционального состояния испытуемых и уровнем сформированности у них синдрома эмоционального выгорания.

Результаты исследования демонстрируют, что у большинства тестируемых сотрудников МЧС наличествуют острые стрессовые расстройства в связи со спецификой их профессиональной деятельности: пребывая в экстренных ситуациях, они часто становятся свидетелями тяжелого физического состояния людей и даже их гибели. У большинства пожарных-спасателей синдром эмоционального выгорания находится на стадии формирования, что означает ухудшение психоэмоционального состояния, обусловленное профессиональным стрессом. Исследование фаз и симптомов эмоционального выгорания свидетельствует о достаточно высоком уровне нервно-психической устойчивости у пожарных-спасателей, что позволяет им успешно справляться с проявлениями профессионального стресса.

Библиографический список

1. **Берг Т.Н.** Нервно-психическая неустойчивость и способы ее выявления. Владивосток: Мор. гос. университет, 2005. 63 с.
2. **Бойко В.В.** Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Питер, 2009. 105 с.
3. **Бойко В.В.** Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинь, 2016. 472 с.
4. **Водопьянова Н.Е. [и др.]** Синдром профессионального выгорания в управленческой деятельности / Н.Е. Водопьянова, А.Б. Серебрякова, Е.С. Старченкова // Вестник СПбГУ. 2017. Серия 6. Вып. 2, № 13. С. 83—91.
5. **Крамаренко Г.И., Рудой И.С.** Нервно-психическая неустойчивость у военнослужащих срочной службы. Л.: ВмедА, 1984. 26 с.
6. **Маклаков А.Г.** Военная психология. М.: Флинта, 2004. 450 с.
7. **Малкина-Пых И.Г.** Экстремальные ситуации: справочник практического психолога. М.: Эскимо, 2005. 284 с.
8. Методики военного профессионального психологического отбора / под ред. В.И. Лазуткина, Н.Н. Зацарного, Г.М. Зараковского. М.: Науч.-практ. центр Генштаба МО РФ, 1999. 535 с.
9. Нервно-психическая неустойчивость и мероприятия по ее выявлению у военнослужащих: учеб.-метод. пособ. М.: Министерство обороны РФ., 1992. 32 с.
10. **Орел В.Е.** Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. 2017. Т. 22, № 1. 10 с.
11. Психология и педагогика. Военная психология: учебник для вузов / Под ред. А.Г. Маклакова. СПб.: Питер, 2015. 464 с.
12. Психология профессионального здоровья: учеб. пособ. / Под ред. проф. Г.С. Никифорова. СПб.: Речь, 2016. 480 с.
13. **Райгородский Д.Я.** Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособ. Самара: БАХРАХ-М, 2009. 672 с.
14. **Селье Г.** Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 2012. 318 с.
15. **Смирнов Б.А., Долгополова Е.В.** Психология деятельности в экстремальных условиях. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. 276 с.
16. **Щербатых Ю.В.** Психология стресса и методы коррекции: учеб. пособ. СПб.: Питер, 2012. 330 с.
17. **Freudenberger H. J.** Staff burn-out // Journal of Social Issues. 1974. Vol. 30, № 1. P. 159—165.

Поступила 08.11.2021

Филиппченкова Светлана Игоревна — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии, Тверской государственный технический университет (170001, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22, к. 240), sfilippchenkova@mail.ru

Referents

1. Berg T.N. Nervno-psihicheskaja neustojchivost' i sposoby ee vyjavlenija. Vladivostok: Mor. gos. universitet, 2005. 63 s.
2. Bojko V.V. Sindrom «jemocional'nogo vygoranija» v professional'nom obshhenii. SPb.: Piter, 2009. 105 s.
3. Bojko V.V. Jenergija jemocij v obshhenii: vzgljad na sebja i na drugih. M.: Filin#, 2016. 472 s.
4. Vodop'janova N.E. [i dr.] Sindrom professional'nogo vygoranija v upravlencheskoj dejatel'nosti / N.E. Vodop'janova, A.B. Serebrjakova, E.S. Starchenkova // Vestnik SPbGU. 2017. Serija 6. Vyp. 2, № 13. S. 83—91.
5. Kramarenko G.I., Rudoj I.S. Nervno-psihicheskaja neustojchivost' u voennosluzhashhih srochnoj sluzhby. L.: VmedA, 1984. 26 s.
6. Maklakov A.G. Voennaja psihologija. M.: Flinta, 2004. 450 s.
7. Malkina-Pyh I.G. Jekstremal'nye situacii: spravocnik prakticheskogo psihologa. M.: Jeskimo, 2005. 284 s.
8. Metodiki voennogo professional'nogo psihologicheskogo otbora / pod red. V.I. Lazutkina, N.N. Zaccarnogo, G.M. Zarakovskogo. M.: Nauch.-prakt. centr Genshtaba MO RF, 1999. 535 s.
9. Nervno-psihicheskaja neustojchivost' i meroprijatija po ee vyjavleniju u voennosluzhashhih: ucheb.-metod. posob. M.: Ministerstvo oborony RF., 1992. 32 s.
10. Orel V.E. Fenomen «vygoranija» v zarubezhnoj psihologii: jempiricheskie issledovaniya i perspektivy // Psihologicheskij zhurnal. 2017. T. 22, № 1. 10 s.
11. Psihologija i pedagogika. Voennaja psihologija: uchebnik dlja vuzov / Pod red. A.G. Maklakova. SPb.: Piter, 2015. 464 s.
12. Psihologija professional'nogo zdorov'ja: ucheb. posob. / Pod red. prof. G.S. Nikiforova. SPb.: Rech', 2016. 480 s.
13. Rajgorodskij D.Ja. Prakticheskaja psihodiagnostika. Metodiki i testy: ucheb. posob. Samara: BAHRAH-M, 2009. 672 s.
14. Sel'e G. Stress bez distressa. M.: Progress, 2012. 318 s.
15. Smirnov B.A., Dolgopolova E.V. Psihologija dejatel'nosti v jekstremal'nyh uslovijah. Har'kov: Gumanitarnyj centr, 2007. 276 s.
16. Shherbatyh Ju.V. Psihologija stressa i metody korrekcii: ucheb. posob. SPb.: Piter, 2012. 330 s.
17. Freudenberg H. J. Staff burn-out // Journal of Social Issues. 1974. Vol. 30, № 1. P. 159—165.

Submitted 08.11.2021

Filippchenkova Svetlana Ig., Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University (170001, Tver, A. Nikitin embankment, 22, room 240), sfilippchenkova@mail.ru

**Феномен информационного суверенитета государства:
анализ политологического дискурса**

А.И. Пирогов¹, А.В. Иванцов²

*¹Национальный исследовательский университет «Московский институт
электронной техники»*

²Академия управления при президенте Республики Беларусь

aipirogov2013@gmail.com

Рассмотрен феномен информационного суверенитета государства, приведены различные точки зрения на его сущность и содержание, дано его авторское определение. Отмечено, что понятие информационного суверенитета носит динамический характер и что в современном информационном пространстве, в условиях глобализации, привязка информационного суверенитета к территориальным границам становится все более размытой.

Ключевые слова: государство, информация, государственный суверенитет, информационный суверенитет, глобализация.

**The phenomenon of state information sovereignty:
analysis of political science discourse**

A.I. Pirogov¹, A.V. Ivantsov²

¹National Research University Moscow Institute of Electronic Technology

²Academy of Management under the President of the Republic of Belarus

aipirogov2013@gmail.com

The phenomenon of informational sovereignty of the state is considered, various points of view on its essence and content are provided, its author's definition is given. It is noted that the concept of information sovereignty is dynamic. The authors state that in modern information space, in the context of globalization, the binding of information sovereignty to territorial boundaries is becoming more and more blurred.

Key words: state, information, state sovereignty, information sovereignty, globalization.

Проблема информационного суверенитета в научной литературе мало изучена и до настоящего времени является дискуссионной.

Сам термин «суверенитет» происходит от латинского «superatus» и производного французского термина «superieur», означающего

статус того, кто имеет власть над территорией и ее жителями [Dictionnaire historique de la langue française]. В традиционном понимании суверенитет представляет собой политико-правовой феномен, сформировавшийся в процессе исторического развития государства и общества и на разных этапах под влиянием внешних и внутригосударственных факторов приобретающий определенные особенности — относительно содержания, форм и сфер проявления, субъектов его реализации, акторов. В целом суверенитету присуща содержательная трансформация: на каждом историческом этапе развития происходит выделение доминант и ключевых вопросов его содержания. Одновременно следует отметить, что учение о суверенитете сформировалось значительно позднее, чем появился сам его феномен. В научной литературе сложилась разделяемая многими авторами точка зрения, что «принцип суверенитета сопутствует любому государству как его обязательный атрибут на всех этапах его исторического развития в силу того, что суверенитет, как и государство, — категория историческая» [Василевич, Шавцова].

Анализ теоретической разработанности проблемы государственного суверенитета свидетельствует о том, что учеными принята серия попыток определить его понятие, сущность и признаки. Вместе с тем публикации содержат ряд спорных, а порой и противоположных положений. Как справедливо замечает Б.Л. Манелис, в отдельных исследованиях понятие суверенитета рассматривается как тождественное понятию государства (официальной власти), нередко в качестве свойства государственной власти либо в качестве отдельных полномочий государственных органов, либо в качестве принципа [Бредихин; Горюнов; Левин; Манелис; Морозова; Тункин].

Категория «суверенитет», как и любая иная научная категория, в истории научной мысли формировалась поэтапно. Отдельные

исследователи считают, что ее ретроспективный анализ следует начинать с эпохи феодализма, апеллируя к тому, что в античности такое понятие не могло появиться [Дорогин]. Другие авторы полагают, что государственный суверенитет есть порождение первых государственных образований с соответствующей конфигурацией властных структур [Зуев]. Особое значение в этом отношении имеет работа «Государь» итальянского мыслителя, которого многие считают основоположником политической науки, Никколо Макиавелли (Макьявелли). Несмотря на то что в этой работе сам термин «суверенитет» не употребляется, в содержательном плане абсолютистский характер власти суверена отождествляется с властью государственной. Макиавелли отмечал: «Сильное государство — это, по сути, абсолютное, централизованное государство, неразрывно связанное с личностью государя» [Макиавелли, с. 63]. Государь у него априори должен обладать высшей властью — иначе государство становится нежизнеспособным. Иными словами, по Макиавелли, государь и государство — понятия тождественные. Эти идеи государственного управления были впоследствии использованы для понимания феномена государственного суверенитета.

Важный научный импульс развитию теории суверенитета придал французский мыслитель Ж. Боден, который в 1576 г., в труде «Шесть книг о республике» впервые ввел термин «суверенитет» в научный оборот. Согласно его теории, суверенитет рассматривался как абсолютная и постоянная, не делимая ни с кем власть государства [Лейкофф]. Эта позиция Ж. Бодена впоследствии нашла свою поддержку у представителей юридической науки. В частности, А. В. Дайси утверждал, что «суверенной называется та высшая правовая власть в государстве, которая не имеет над собой иной власти» [Дайси].

В XVII — XVIII веках шло дальнейшее развитие феномена суверенитета. В трудах философов эпохи Просвещения и Нового

времени Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо можно найти утверждение о том, что сувереном является не только конкретная личность (государь), но и некий коллективный правитель (государство как таковое). Немецкий ученый К. Шмитт трактовал суверенитет как законное право на насилие.

Тенденцией последних десятилетий XIX — начала XX вв. стало возникновение ряда концепций, отрицавших суверенитет как атрибут государства. Сторонники этой точки зрения (Г.Д. Гурвич, А.И. Елистратов, Г.Еллинек, Ф.Ф. Кокошкин, Й.А. Краббе, П. Лабанд, Ж. Ссель) утверждали, что внутри страны большинство государств не являются единственными носителями публичной власти: наряду с ними на эту власть претендуют и другие политико-правовые институты и органы самоуправления, — а заключение различных союзов, договоров, соглашений приводит к зависимости от других государств.

По мере становления демократических основ государственности суверенитет приобретал новый смысл: в его функции вошла защита прав народа своей страны, с учетом равноправия стран в международных делах [Кучерявый, с. 10]. В период новейшей истории в многочисленных публикациях был представлен ряд определений суверенитета. Анализ точек зрения на проблему определения суверенитета позволил условно выделить две группы.

В первой группе следует выделить определение Г.И. Тункина: «Государственный суверенитет — это присущее государству верховенство на своей территории, независимость в международных отношениях» [Тункин, с. 102]. Весьма близким по содержанию является определение, данное Б.Л. Манелисом: «верховенство государства внутри страны и независимость государства от власти третьих стран» [Манелис, с. 58]. В трудах современных ученых и специалистов в области международного права, в частности С.В. Черниченко, государствен-

ный суверенитет определяется без принципиальных отличий как «верховенство государства в пределах собственных границ и его самостоятельность, независимость в международных делах» [Международное право, с. 151]. Основной смысл этих формулировок связан опять-таки с отождествлением понятия «суверенитет» с понятием либо самого государства, либо его свойства.

Для второй группы характерна точка зрения, сформулированная такими авторами, как А.И. Лепёшкин и Л.А. Моджорян, которые определяли суверенитет как верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость в международных отношениях [Лепёшкин, с. 252], разделяемая Д.Б. Левиным: «Суверенитет — это верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость от какой бы то ни было другой власти в международных отношениях» [Левин, с. 200]. В свою очередь, А.Я. Вышинский и А.И. Денисов в рамках науки государственного права еще более абсолютизировали состояние государственной власти. Их точка зрения на государственный суверенитет такова: «Верховенство государственной власти, в силу которого она является неограниченной и самостоятельной внутри страны и независимой во внешних отношениях» [Вышинский, с. 77; Денисов, с. 28]. Более развернутый характер носит содержание анализируемого понятия, сформулированного в работе «Государственный суверенитет» В.С. Шевцова: «Под государственным суверенитетом понимается верховенство и независимость, то есть такие суверенные свойства государственной власти, которые выражают ее политико-правовую сущность и проявляются в соответствующих формах во внутренней и внешней политике государства» [Шевцов, с. 138]. Также заслуживает внимания трактовка понятия «государственный суверенитет», предложенная профессором А.А. Головки: «Суверенитет государства — это верховенство, самостоятельность и полнота высшей государственной власти на

своей территории и независимость ее от других государств в ее внутренних делах и внешних международных отношениях» [Головко, с. 9]. Мы полагаем, что представленные трактовки предопределены в основном правовым характером понятий, рассматривающих государственный суверенитет как «свойство государственной власти, которое выражается в верховенстве и независимости данного государства по отношению к любым другим властям внутри страны, а также в сфере межгосударственных отношений при строгом соблюдении общепризнанных норм международного права» [Хропанюк]. Видимо, поэтому М.М. Кучерявый в структуре современного государственного суверенитета выделяет следующие его основные виды: юридический, дипломатический, экономический, информационный, военный [Кучерявый, с. 11].

Переходя к рассмотрению понятия «информационный суверенитет», подчеркнем, что предпосылкой его появления стало так называемое возведение «информационных стен» [Черняк, с. 117], в результате которого передовые технико-технологические достижения стали использоваться в информационной сфере в целях, явно противоречащих достижению мировой стабильности и безопасности, мирному сосуществованию государств с различной степенью информационной развитости [Крылов, с. 3].

В понимании информационного суверенитета следует принять две оговорки. Прежде всего, необходимо отметить, что с расширением мирового виртуального пространства привязка информации к территориальным границам становится все более размытой. В этом отношении М.М. Кучерявый справедливо утверждает: «Прозрачность государственных границ для информационных потоков в эпоху глобализации и возрастания их объемов ведет к возникновению принципиально новой ситуации, связанной с информационной безопасностью: создаются все большие предпосылки для возможных

нарушений при сборе, обработке и анализе информации, что, в свою очередь, может привести к снижению требуемого уровня информационной безопасности личности, общества и государства» [Кучерявый, с. 12].

Другая оговорка связана с тем, что современное киберпространство объективно ставит вопросы о механизмах государственного регулирования в информационном пространстве: понимание независимости «внутри» и «вовне» сегодня весьма условно — оно уже не носит абсолютного характера: глобализация переплела общество внутри государств и сами государства в их международных отношениях в единый узел. Сегодня все цивилизованные государства «связаны» принципами Устава Организации Объединенных наций, различными двусторонними и многосторонними договорами, союзами, участием в международных организациях. Таким образом, указанные оговорки означают, что информационный суверенитет (как, собственно, и любой иной суверенитет) в современных условиях не будет означать совершенной независимости и «внутри», и «вовне».

Характеризуя информационный суверенитет, отдельные исследователи склонны считать, что его природа обусловлена возможными последствиями применения ядерного оружия, которое может уничтожить человеческую цивилизацию, в результате чего произошел переход с позиции «горячего» противостояния государств на скрытое противостояние и ведение информационных и гибридных войн [Зорина, с. 345; Крынина]. Так, И.С. Ашманов определяет информационный суверенитет как «устойчивость государства к информационной войне в любых ее проявлениях» [Ашманов], а Д.С. Артамонов сводит его к необходимости контроля государства над своей информационной сферой и защитой ее от угроз, таких как информационные войны и кибератаки [Артамонов, с. 17].

В большинстве научных работ трактовки сущности информационного суверенитета, несмотря на некоторые отличия, в основном сводятся к защитной функции государства в информационной сфере. С. В. Жигжитов, например, сводит информационный суверенитет государства к трем основным компонентам, а именно к способности государства: «1) контролировать внутреннее информационное пространство; 2) отражать информационные атаки извне; 3) влиять на информационное пространство других государств» [Черняк, с. 118].

Аналогичное понимание информационного суверенитета дано, к примеру, в ст. 1 Закона Украины «О национальной программе информатизации»: «Информационный суверенитет государства — это способность государства контролировать и регулировать потоки информации из-за пределов государства с целью соблюдения законов Украины, прав и свобод граждан, национальной безопасности государства» [О национальной программе информатизации, 1998, Ст. 181; 2002, Ст. 3; 2010, Ст. 471]. Такое определение у российского исследователя В.П. Сабадаша вызвало критические замечания. По его мнению, такое определение, игнорирующее глобализационные аспекты в информационной сфере, не является исчерпывающим [25]. Соглашаясь с этой точкой зрения, мы также считаем данное и предшествующее определения недостаточно корректными, поскольку «способность государства контролировать и регулировать» что-либо в функциональном отношении означает реализацию властных полномочий государства, а не его информационный суверенитет.

Более широкое определение дает российский ученый Л. Ю. Черняк: «Информационный суверенитет — это многоаспектная категория, включающая как минимум два компонента: информационный суверенитет государства и информационный суверенитет личности» [Черняк, с. 117]. Такую точку зре-

ния можно принять, учитывая, что в публицистической практике термин «информационный суверенитет» применяют и по отношению к государству, и по отношению к личности.

Известный российский исследователь информационного суверенитета государства политолог А.В. Россошанский также дает ему расширенную трактовку: «Информационный суверенитет — это способность и намерение субъекта политики производить, распределять и потреблять информацию в зависимости от собственных интересов участия в политике, и использовать информацию как ресурс политического влияния в масштабах и объемах, которые соответствуют его текущим и долгосрочным политическим интересам» [Россошанский, с. 185]. Исследователь Д.Г. Балугев считает, что в политической науке изучение проблемы информационного суверенитета государства пока не вышло на создание теории, позволяющей выявить факторы и алгоритм оценки ее влияния и предложить механизмы обеспечения информационного суверенитета [Балугев].

Один из первых и наиболее авторитетных исследователей в данной области М.М. Кучерявый дает такое определение: «Информационный суверенитет — это верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве» [Кучерявый, с. 13]. Это определение, по нашему мнению, носит сущностный характер, точно раскрывает природу информационного суверенитета и включает главные компоненты — обеспечение информационной безопасности как внутри страны, так и на международной арене.

Опираясь на понимание суверенитета вообще и на приведенные выше дефиниции, предлагаем такое определение информационного суверенитета: *информационный суверенитет есть исключительное*

право государства использовать национальные информационные ресурсы для реализации национальных интересов в информационной сфере внутри страны и в области международных отношений.

Информационный суверенитет — составная часть обеспечения информационной безопасности. Представляется, что в нашем определении присутствуют все ее основные компоненты: государство, его информационная политика, информационные ресурсы, используемые в национальном и мировом информационном пространстве.

Таким образом, информационный суверенитет в современной научной литературе — понятие новое, в политическом дискурсе оно уже устоялось (А.В. Россошанский), но не получило своей однозначной трактовки, что вполне объяснимо в силу наличия разных точек зрения на его сущность, содержание и функции. Полагаем, что главная причина такого положения состоит в неоднозначности оценок тех изменений, которые произошли в конце XX — начале XXI вв., — в глобальном мире в целом и особенно в едином мировом информационном пространстве, начиная от баз и банков данных и знаний, новой информационной инфраструктуры и технологий и до их использования в интересах политических акторов в международном информационном взаимодействии и противоборстве, вплоть до информационных и гибридных войн.

Библиографический список

1. **Артамонов Д.С.** Информационный суверенитет, теоретический аспект // Международный и национальный механизмы обеспечения суверенитета. Материалы VIII Международного Конституционного Форума, посвященного 80-летию Саратовской области. Саратов : Саратовский источник, 2017. 202 с.
2. **Ашманов И.С.** Информационный суверенитет — новая реальность [Электронный ресурс]. 24.04.2013. URL: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/doc/ashmanov.pdf> (дата обращения: 16.10.2021).
3. **Балуев Д.Г.** Влияние современных социальных медиа на информационный суверенитет России: основные подходы к исследованию // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 140—143.
4. **Бредихин А.Л.** Суверенитет как политико-правовой феномен. М. : Инфра-М, 2012. 127 с.; Горюнов В.В. Суверенитет Российской Федерации: сущность, содержание, гарантии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Екатеринбург, 2007. 25 с.; Левин И.Д. Суверенитет. М. : Ассоц. юрид. центр, 2003. 371 с.; Манелис Б.Л. Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях. Ташкент: Гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1964. 599 с.; Морозова Л.А. Общая теория государства и права : академ. курс в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М. : Наука, 2001. Т. 1. 319 с.; Тункин Г.И. Основы современного международного права : учеб. пособие. М. : ВПШ при ЦК КПСС, 1956. 48 с.
5. **Василевич Г.А., Шавцова А.В.** Конституционно-правовые основы суверенитета Республики Беларусь : учеб.-метод. пособие. Минск : Веды, 2002. 176 с.
6. **Вышинский А.Я.** Вопросы теории государства и права. М. : Всесоюз. ин-т юрид. наук Министерства юстиции СССР, 1949. 417 с. С. 77; Денисов А. И. Сущность и формы государства. М. : Изд-во МГУ, 1960. 210 с.
7. **Головко А. А.** БССР — суверенное социалистическое государство. Минск : Знамя, 1986.
8. **Дайси А. В.** Основы государственного права Англии / пер. и доп. по 6-му англ. изд. О.В. Виноградова. М. : Тип. товарищества И.Д. Сытина, 1905. 658 с.
9. **Дорогин В.** Суверенитет в советском государственном праве / под. общ. ред. М. Аржанова. М. : Наука, 1948. 208 с.
10. **Зорина Е.Г.** Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 345—348; Крынина О.Ю. Дефиниции понятия «информационная война»: анализ российского и зарубежного

опыта // Новые технологии. 2009. № 3. С. 68—70.

11. **Зуев В.И.** Приоритет русской правовой мысли в создании и развитии теории суверенитета // Советское государство и право. 1951. № 3. С. 10—37.

12. **Крылов Г.О.** Международный опыт правового регулирования информационной безопасности и его применение в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 34 с.

13. **Кучерявый М.М.** Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2015. № 2. С. 7—14.

14. **Левин И.Д.** Суверенитет. М.: Ассоц. юрид. центр, 2003. 371 с.

15. **Лейкофф С.** Оппозиция «суверенитет — автономия в условиях федерализма»: выбор между «или-или» и «больше-меньше» // Полис. 1998. № 2. С. 158—172.

16. **Лепёшкин А.И.** Советский федерализм (теория и практика). М.: Юридическая литература, 1977. 319 с.

17. **Макиавелли Н.** Государь. М.: Планета, 1998. 230 с.

18. **Манелис Б.Л.** Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях. Ташкент: Гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1964. 599 с.

19. Международное право: учебник / под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. 3-е изд., испр. М.: Омега-Л, 2008. 831 с.

20. О национальной программе информатизации: закон Украины от 4 февр. 1998 г. № 74/98 ВР (с изм., внес. в соответствии с Законами от 13 сент. 2001 г. № 2684-III (2684-14); от 1 июня 2010 г. № 2289 VI (2289-17) // Ведомости Верховной Рады (ВВР). 1998. № 27—28. Ст. 181; 2002. № 1. Ст. 3; 2010. № 33. Ст. 471.

21. **Россошанский А.В.** Политический и информационный суверенитет в контексте процессов глобализации // Симбирский научный вестник. 2011. № 4(6). С. 185.

22. **Тункин Г.И.** Теория международного права. М.: Зерцало-М, 2005. 397 с.

23. **Хропанюк В.Н.** Теория государства и права: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и испр. М.: ДТД, 1995. 378 с. С. 60—61.

24. **Черняк Л.Ю.** О понятии информационного суверенитета: теоретический и сравнительно-правовой аспекты // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3(58). С. 117—122.

25. **Шевцов В.С.** Суверенитет Советского государства. М.: Юрид. лит., 1972. 264 с.

26. Dictionnaire historique de la langue française [Dictionnaires Le Robert] / Par A. Rey [atal.]; Sous la dir. de A. Rey. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2000. 3450 p.

Поступила 08.11.2021

Пирогов Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (124498, Россия, Москва, пл. Шокина, 1), aipirogov2013@gmail.com

Иванцов Алексей Васильевич — аспирант, Институт государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (220089, Республика Беларусь, Минск, ул. Московская, 17), Aliaksei.Ivantsou@yandex.ru

References

1. Artamonov D. S. Informacionnyj suverenitet, teoreticheskij aspekt // Mezhdunarodnyj i nacional'nyj mehanizmy obespechenija suvereniteta. Materialy VIII Mezhdunarodnogo Konstitucionnogo Forum, posvjashhennogo 80-letiju Saratovskoj oblasti. Saratov: Saratovskij istochnik, 2017. 202 s.

2. Ashmanov I. S. Informacionnyj suverenitet — novaja real'nost' [Jelektronnyj resurs]. 24.04.2013. URL: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/doc/ashmanov.pdf> (data obrashhenija: 16.10.2021).

3. Baluev D. G. Vlijanie sovremennyh social'nyh media na informacionnyj suverenitet Rossii: osnovnye podhody k issledovaniju // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2015. № 3. S. 140—143.

4. Bredihin A.L. Suverenitet kak politiko-pravovoj fenomen. M. : Infra-M, 2012. 127 s.; Gorjunov V.V. Suverenitet Rossijskoj Federacii: sushhnost', soderzhanie, garantii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.02. Ekaterinburg, 2007. 25 s.; Levin I.D. Suverenitet. M. : Assoc. jurid. centr, 2003. 371 s.; Manelis B.L. Problema suvereniteta i ee znachenie v sovremennyh uslovijah. Tashkent: Gos. un-t im. V.I. Lenina, 1964. 599 s.; Morozova L.A. Obshhaja teorija gosudarstva i prava : akadem. kurs v 3 t. / otv. red. M.N. Marchenko. M. : Nauka, 2001. T. 1. 319 s.; Tunkin G.I. Osnovy sovremennogo mezhdunarodnogo prava : ucheb. posobie. M. : VPSH pri CK KPSS, 1956. 48 s.
5. Vasilevich G.A., Shavcova A.V. Konstitucionno-pravovye osnovy suvereniteta Respubliki Belarus' : ucheb.-metod. posobie. Minsk : Vedy, 2002. 176 s.
6. Vyshinskij A.Ja. Voprosy teorii gosudarstva i prava. M. : Vsesojuz. in-t jurid. nauk Ministerstva justicii SSSR, 1949. 417 s. S. 77; Denisov A.I. Sushhnost' i formy gosudarstva. M. : Izd-vo MGU, 1960. 210 s.
7. Golovko A.A. BSSR — suverennoe socialisticheskoe gosudarstvo. Minsk : Znamja, 1986.
8. Dajsi A.V. Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii / per. i dop. po 6-mu angl. izd. O.V. Vinogradova. M. : Tip. tovarishhestva I. D. Sytina, 1905. 658 s.
9. Dorogin V. Suverenitet v sovetskom gosudarstvennom prave / pod. obshh. red. M. Arzhanova. M. : Nauka, 1948. 208 s.
10. Zorina E.G. Informacionnyj suverenitet sovremennogo gosudarstva i osnovnye instrumenty ego obespechenija // Izvestija Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Sociologija. Politologija. 2017. T. 17. Vyp. 3. S. 345—348; Krynina O. Ju. Definicii ponjatija «informacionnaja vojna»: analiz rossijskogo i zarubezhnogo opyta // Novye tehnologii. 2009. № 3. S. 68—70.
11. Zuev V.I. Prioritet russkoj pravovoj mysli v sozdanii i razvitii teorii suvereniteta // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1951. № 3. S. 10—37.
12. Krylov G.O. Mezhdunarodnyj opyt pravovogo regulirovanija informacionnoj bezopasnosti i ego primenenie v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2007. 34 s.
13. Kucherjavij M.M. Gosudarstvennaja politika informacionnogo suvereniteta Rossii v uslovijah sovremennogo global'nogo mira // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2015. № 2. S. 7—14.
14. Levin I.D. Suverenitet. M. : Assoc. jurid. centr, 2003. 371 s.
15. Lejkoff S. Oppozicija «suverenitet — avtonomija v uslovijah federalizma»: vybor mezhdju «ili-ili» i «bol'she-men'she» // Polis. 1998. № 2. S. 158—172.
16. Lepjoshkin A.I. Sovetskij federalizm (teorija i praktika). M. : Juridicheskaja literatura, 1977. 319 s.
17. Makiavelli N. Gosudar'. M.: Planeta, 1998. 230 s.
18. Manelis B.L. Problema suvereniteta i ee znachenie v sovremennyh uslovijah. Tashkent: Gos. un-t im. V. I. Lenina, 1964. 599 s.
19. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik / pod red. A.A. Kovaleva, S.V. Chernichenko. 3-e izd., ispr. M. : Omega-L, 2008. 831 s.
20. O nacional'noj programme informatizacii : zakon Ukrainy ot 4 fevr. 1998 g. № 74/98 VR (s izm., vnes. v sootvetstvii s Zakonami ot 13 sent. 2001 g. № 2684-III (2684-14); ot 1 ijunja 2010 g. № 2289 VI (2289-17) // Vedomosti Verhovnoj Rady (VVR). 1998. № 27—28. St. 181; 2002. № 1. St. 3; 2010. № 33. St. 471.
21. Rossoshanskij A. V. Politicheskij i informacionnyj suverenitet v kontekste processov globalizacii // Simbirskij nauchnyj vestnik. 2011. № 4(6). S. 185.
22. Tunkin G.I. Teorija mezhdunarodnogo prava. M. : Zercalo-M, 2005. 397 s.
23. Hropanjuk V.N. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. posobie. 2-e izd., dop. i ispr. M. : DTD, 1995. 378 s. S. 60—61.
24. Chernjak L. Ju. O ponjatii informacionnogo suvereniteta: teoreticheskij i sravnitel'no-pravovoj aspekty // Sibirskij juridicheskij vestnik. 2012. № 3(58). S. 117—122.
25. Shevcov V.S. Suverenitet Sovetskogo gosudarstva. M. : Jurid. lit., 1972. 264 s.
26. Dictionnaire historique de la langue française [Dictionnaires Le Robert] / ParA. Rey [atal.] ; Sous la dir. deA. Rey. Paris : Dictionnaires Le Robert, 2000. 3450 p.

Submitted 08.11.2021

Pirogov Alexander I., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, National Research University «Moscow Institute Electronic Technology» (124498, Russia, Moscow, Shokina sq., 1), *aipirogov2013@gmail.com*

Ivantsov Alexey V., Postgraduate student, Institute of Civil Service, Administration Academy under the President of the Republic of Belarus (220089, Republic of Belarus, Minsk, Moskovskaya st., 17), *Aliaksei.Ivantsou@yandex.ru*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 экземпляра номера, в котором будет опубликована его статья.

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ! Статьи принимаются в редакцию только при наличии договора о передаче авторского права.

Научный журнал «**Экономические и социально-гуманитарные исследования**» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи. Верстка журнала осуществляется в издательской системе, функционирующей в сети IBM-совместимых компьютеров. Журнал имеет формат А4 и изготавливается по технологии цифровой печати.

В редакцию предоставляются:

- 1) текст статьи, включая аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список, список авторов и сведения о них, подготовленный на компьютере и распечатанный на лазерном принтере на белой бумаге формата А4 с четким и ясным шрифтом;
- 2) электронный вариант статьи на лазерном диске или USB-флеш-накопителе, подготовленный на IBM PC в формате MS Word for Windows (для иногородних авторов допускается передача электронного варианта статьи по e-mail);
- 3) экспертное заключение, рекомендации кафедры, сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций);
- 4) лицензионный договор о передаче авторского права в 2 экземплярах.

Основные рубрики:

- экономические науки;
- философские науки;
- социологические науки;
- политические науки;
- исторические науки;
- педагогические науки;
- психологические науки.

Статья должна быть подписана всеми авторами.

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 10 страниц текста и 5 рисунков, для краткого сообщения — до 6 страниц текста и 2 рисунка.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **ФамилияИО_Название статьи**.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; краткая (но не менее 500 знаков, считая пробелы) аннотация на русском языке; ключевые слова. Далее следует текст статьи.

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Внимание! Редакция должна быть уверена, что ни представленная работа, ни ее части не были ранее опубликованы и не находятся на рассмотрении в других изданиях. Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат».

Аннотация (предоставляется на русском и английском языках) должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др.

Ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках) отделяются друг от друга точкой с запятой.

Текст печатается через полтора интервала с размером шрифта не менее стандартного машинописного (Times New Roman, кегль 13). Абзацы отделяются друг от друга одним маркером конца абзаца (применение этого символа в других целях не допускается), ширина отступа (1,25 м) устанавливается в меню Word *Формат* → *Абзац*; набор текста начинается с левого края; по правому краю текст не выравнивается; текст набирается без переносов. Все слова внутри абзаца разделяются только пробелом. Перед знаками препинания пробелы не ставятся, после них — один пробел. Не допускается применение разрядки, псевдографики, а также стилей.

В рукописи должна быть **сквозная нумерация** страниц, рисунков и таблиц.

Рисунки (максимальный размер 13 × 21 см, размер шрифта не менее 9) должны быть черными, контрастными, читабельными. Каждый рисунок должен иметь подпись. На все рисунки должны быть ссылки по тексту.

Векторные рисунки предоставляются в форматах EPS или CDR (версии не выше Adobe Illustrator CS5, CorelDRAW X3). Текст и линии на рисунке должны быть редактируемыми (текст не «в кривых»).

Полутоновые рисунки (фотографии) принимаются только в градациях серого, могут быть предоставлены в формате TIFF (без компрессии) или в виде оттиска на матовой бумаге (предпочтительный формат 9 × 12). Использование MS Word не допускается.

Бумажные оттиски рисунков должны быть пронумерованы и подписаны (на обороте каждого рисунка разборчиво написать порядковый номер, фамилию и инициалы автора). На иллюстрациях, по внешнему виду которых трудно или невозможно определить их расположение, следует сделать пометки «верх» и «низ».

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера, на каждую из них в тексте должна быть ссылка.

Для **форматирования текста** не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—).

Для математических и химических **формул** следует выбирать шрифт 11 кегля. Пронумерованные формулы (нумеруются только те, на которые есть ссылки в тексте) выносятся отдельной строкой и располагаются по центру. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов, математические функции $\lim$, $\lg$, $\ln$, $\arg$, const , $\min$, $\max$ и т. д., а также названия химических элементов — прямым шрифтом. Подстрочные и надстрочные индексы должны стоять строго на своих местах и быть размечены (подстрочные помечаются дугой сверху, надстрочные — снизу). Символ не должен сливаться с надсимвольным элементом.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо давать их расшифровку.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы оформляется в порядке ссылок на нее по тексту.

Рекомендуется использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Необходимо указать:

— для **книг**: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;

— для **периодических изданий**: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;

— для **материалов конференций, школ, семинаров**: фамилию и инициалы автора, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;

— для **электронных ресурсов**: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

— информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;

— e-mail для публикации в Интернете.

Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно по каталогу «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать» в любом отделении Почты России

Этические нормы публикационного процесса

Редакционный совет и главный редактор научного журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» (ЭСГИ) придерживаются принятых международным сообществом принципов публикационной этики, отраженных, в частности, в рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (*Committee on Publication Ethics, COPE*), Совета по этике Ассоциации научных редакторов и издателей, а также учитывают ценный опыт авторитетных международных журналов и издательств.

Во избежание недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиат, изложение недостоверных сведений и др.), в целях обеспечения высокого качества научных публикаций, признания общественностью полученных автором научных результатов, каждый член редакционного совета, автор, рецензент, издатель, а также учреждения, участвующие в издательском процессе, обязаны соблюдать этические стандарты, нормы и правила и принимать все разумные меры для предотвращения их нарушений. Соблюдение правил этики научных публикаций всеми участниками этого процесса способствует обеспечению прав авторов на интеллектуальную собственность, повышению качества издания и исключению возможности неправомерного использования авторских материалов в интересах отдельных лиц.

Редакция оставляет за собой право отклонить публикацию статьи в случае нарушения указанных ниже правил.

Принципы, которыми должен руководствоваться автор научных публикаций

Автор (или коллектив авторов) осознает, что несет первоначальную ответственность за новизну и достоверность результатов научного исследования, что предполагает соблюдение следующих принципов:

- авторы статьи должны предоставлять достоверные результаты проведенных исследований; заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы;

- авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в предоставленной рукописи, полностью оригинальны, при этом заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника, а чрезмерные заимствования, так же как плагиат в любых формах, включая неофор-

перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы;

- необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования — в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования;

- авторы не должны предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале;

- качестве соавторов статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования, при этом среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании;

- если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Нарушения публикационной этики

При возникновении ситуации, связанной с нарушением публикационной этики со стороны редактора, автора или рецензента, требуется обязательное расследование. Это распространяется как на опубликованные, так и неопубликованные материалы. Редакционный совет обязан потребовать разъяснения без привлечения лиц, которые могут иметь конфликт интересов с одной из сторон.

Редакция журнала ЭСГИ защищает репутацию авторов и внимательно относится ко всем случаям обнаружения плагиата в статьях. В целях обеспечения объективности редакция тщательно исследует каждый случай и рассматривает аргументы всех заинтересованных сторон.

Прежде чем предпринимать дальнейшие действия, редакционный совет стремится получить максимально точную информацию у авторов спорной публикации или владельцев авторских прав и изучает ее. Решение редакции беспристрастно, объективно и не зависит от третьих лиц.

Редакция журнала ЭСГИ оставляет за собой право не реагировать на обвинения в плагиате, если обвинитель предоставляет недостоверную персональную информацию либо действует в неэтичной или угрожающей форме. Редакция не обязана выносить на обсуждение случаи предполагаемого плагиата лицами, не имеющими к нему прямого отношения.

Ethical Norms of Publishing

Editorial Board and Editor-in-Chief of the journal *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* (ESGI) are committed to publication ethics principles adopted by international community, notably presented in Guidelines of Committee on Publication Ethics, COPE and of Russian Association of Science Editors and Publishers' Ethics Board; they also take advantage of valuable experience of respected international journals and publishing houses.

In order to avoid unfair practice in publication activities (plagiarism, statement of unreliable information etc.) and to ensure high quality of scientific publications and recognition of authors' scientific results by the public, each member of Editorial Board, author, reviewer, editor, and each of organizations participating in publishing process must observe ethical standards, norms and rules and take all reasonable measures to prevent their violation. The observance of scientific publication's ethical rules by all participants of this process contributes to assurance of authors' intellectual property right, to improvement of publications' quality and eliminates the possibility of author's materials unlawful use for the convenience of particular persons.

Editorial team reserves the right to decide against publication of a paper in the event that below specified rules are violated.

Principles to which the science publication author should comply

Author (or group of authors) is / are aware of his / her / their primary responsibility for novel nature and reliability of scholarly results, which is premised on the observance of following principles:

- the authors of a paper must provide reliable results of undertaken study; demonstrably wrong or fabricated statements are unacceptable;
- the authors must guarantee full originality of research results stated in the manuscript they provide, it being understood that borrowed fragments or statements must be presented as citations, with obligatory reference to primary author(s) and source, while excess borrowing, as well as any form of plagiarism, including text copying without source attribution, text recycling or misappropriation of other's research results, are unethical and unacceptable;

- the contributorship of all persons who influenced in some way or other the study progress, must be acknowledged; notably, the paper must contain references to works relevant to the pursuance of research;

- the authors must not provide to the journal a manuscript sent to another journal and being under consideration there nor a paper already published in another journal;

- all persons who contributed considerably to the pursuance of research must be listed as paper's coauthors, with that it is unacceptable to list among coauthors the persons who did not participate in the research;

- if the author detects significant errors or inaccuracies in the paper on the stage of its consideration or after its publication, he / she must notify the editorial team of that as soon as possible.

Publication ethics violations

Should there be situation related to publication ethics violation on the part of editor, author or reviewer, mandatory investigation is required. This is applicable to published as well as unpublished materials. Editorial Board must require explanation with no involvement of persons who might have conflict of interest with either party.

The ESGI journal editorial team protects authors' reputation and is attentive to all cases of plagiarism detection in the papers. For the sake of objectivity the editorial team investigates thoroughly each case and considers the reasons of all parties involved.

Before taking any future action the Editorial Board endeavors to obtain the most accurate information possible from the authors of publication at issue or from copyright holder and studies it. Editorial team's judgment is impartial, objective and not influenced by third parties.

The ESGI journal editorial team reserves the right to be without responding to plagiarism claims if the accuser provides unreliable personal information or acts in unethical or threatening way. Editorial team has no obligation to submit for discussion the cases of supposed plagiarism not having a direct relationship to it.

УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ К ЖУРНАЛУ «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ», 2021 Г.

Экономика инновационного развития: теория и практика

Анискин Ю.П. Стратегические корпоративные изменения в условиях развития цифровых двойников управления компаниями. № 3(31). С. 6—16.

Балашов А.И. Цифровизация порядка оказания социальных услуг населению: инновации и препятствия на пути их реализации. № 4(32). С. 6—15.

Бударов А.Ю. Теоретические положения концепции управления развитием научно-производственного комплекса на основе системно-синергетического подхода. № 2(30). С. 6—15.

Васильев В.И., Егорычева Е.В. Организационно-правовые аспекты индивидуального цифрового предпринимательства. № 4(32). С. 16—24.

Волицкой А.А. Реструктуризация как механизм оптимизации деятельности предприятия. № 1(29). С. 6—10.

Гладков И.С. Внешнеторговые связи Европейского Союза: трансформации за первые 20 лет XXI века (2001—2020 гг.). № 3(31). С. 17—30.

Гладков И.С. Внешняя торговля России: тренды на этапе всеобщего кризиса 2020 г. № 1(29). С. 11—19.

Гладков И.С. Международная торговля: основные тренды за первые 20 лет XXI века (2001—2020 гг.). № 2(30). С. 16—27.

Глебов А.Л., Кизхт Н.П. Математическое моделирование с неопределенностью в микроэлектронике. № 3(31). С. 31—34.

Лукичева Л.И., Егорычева Е.В., Алаторцева О.А., Вендина И.А. Интеллектуальные активы в комплексном управлении наукоемким предприятием. № 3(31). С. 35—44.

Мрочко Л.В., Спиридонова Г.В., Жук А.А. Цифровая трансформация и адаптация бизнеса в период локдауна. № 4(32). С. 25—36.

Мрочко Л.В., Полякова Л.А. PR в социальных сетях: особенности бизнес-коммуникаций компаний сегмента B2B. № 1(29). С. 20—25.

Олейник С.П., Матына Л.И. Международный бизнес-проект и компетентностный профиль команды управления проектом (часть 1). № 2(30). С. 37—46.

Посохова А.В. Конкурентоспособность как инвариант профессионализма субъектов управления. № 4(32). С. 37—42.

Прима Я.Г., Сальников А.К. Предпроектные исследования при создании цифрового продукта в рамках методологий Customer Development и Lean Startup. № 1(29). С. 34—45.

Прима Я.Г., Свечников Н.С., Аганиязова М. Человеческий капитал проектной команды в условиях Agile-трансформации бизнеса. № 2(30). С. 28—36.

Спиридонова Г.Л., Мрочко Л.В. Антикризисные тренды рынка FMCG в период пандемии: e-grocery, маркетинг-плейсы, цифровые технологии. № 1(29). С. 26—33.

Философия: мир в человеке и человек в мире

Андриенко Е.В., Горбачева И.М. Бытие и саморазвитие личности в социокультурном пространстве. № 3(31). С. 45—50.

Андриенко Е.В., Горбачева И.М. Феномен «мягкой силы» в аспекте философского осмысления политического бытия. № 2(30). С. 47—53.

Бондарева Я.В., Бурмакин В.М. Алгоритм философского анализа коррупции и антикоррупционная просветительская деятельность. № 2(30). С. 54—62.

Галахтин М.Г., Степанов В.А. Социальная интеграция беженцев в странах Европейского Союза (на примере Испании). № 3(31). С. 51—58.

Евстифеева Е.А., Комаров Г.В. Феномен тайны в контексте пандемии COVID-19 и биоэтической проблемы. № 4(32). С. 43—49.

Заложных Ю.С. К вопросу об идейно-теоретических источниках раннего славянофильства. № 2(30). С. 63—69.

Кальней М.С. Демократический и тоталитарный проекты: проблемы и противоречия. № 4(32). С. 50—55.

Кизхт Н.П. «Вненаходимые пространства» технопарков позднего социализма. № 2(30). С. 70—76.

Ковалев А.А. Дуализм добра и зла в ранней античной философии. № 1(29). С. 46—54.

Ковалев А.А. К вопросу об актуальности германской военно-стратегической мысли (Фридрих Великий и Ганс Дельбрюк). № 4(32). С. 56—64.

Ковалев А.А. Посредничество в конфликтах: некоторые теоретико-методологические аспекты. № 3(31). С. 59—66.

Ковалев А.А. Секст Эмпирик и Августин Блаженный: к вопросу о генезисе средневековой концепции природы зла. № 2(30). С. 175—184.

Корнюхов Д.В. Аксиологические основания феномена лидерства. № 4(32). С. 65—71.

Костров Г.Л. Онтология и методология исследования культурной травмы в социально-философском дискурсе. № 2(30). С. 77—88.

Ксенофонтов В.А. Проблемы обеспечения национальной безопасности. № 3(31). С. 67—76.

Ксенофонтов В.В. Историческая правда о Великой Отечественной войне — императив духовной жизни российского общества (социально-философский анализ). № 2(30). С. 89—96.

Литвинович В.М., Пирогов А.И. Учим «цифре», учимся в «цифре»: EdTech в эпоху цифровой трансформации государства и общества. № 4(32). С. 72—79.

Малахов А.А., Михайлина С.А. Общественное благо в концепции государства всеобщего благосостояния. № 4(32). С. 80—88.

Малинкина Е.В. Лирико-философское начало в малом литературном жанре как детерминанта культуры. № 2(30). С. 97—106.

Морозов М.Ю. Платон против «диамата»: спор о предмете философской науки в свете диалектики тотального и фрагментарного. № 2(30). С. 107—119.

Морозов М.Ю. Свобода и необходимость с позиций теории фрактальности. № 3(31). С. 77—86.

Мушта А.А., Растимешина Т.В. Историческая политика в контексте трансформаций концепций национальной безопасности Беларуси и России: теоретические основания. № 2(30). С. 120—129.

Мушта А.А., Растимешина Т.В. Трансформации концепций национальной безопасности Беларуси и России и историческая политика: содержательные аспекты. № 3(31). С. 87—99.

Назаров С.А. Налоговая культура и справедливость в зеркале социологического опроса. № 1(29). С. 55—61.

Некрасов А.С., Некрасова Н.А., Некрасов С.И. Воздействие информационных технологий на человека и его сознание. № 2(30). С. 130—135.

Огородов Д.А. Идеология национализма и спорт. № 3(31). С. 100—107.

Огородов Д.А. К генезису спорта: функции спорта в обществе модерна. № 2(30). С. 136—143.

Огородов Д.А., Добрынина М.В. Спорт высоких достижений в контексте советской политики и идеологии. № 4(32). С. 89—98.

Олейник С.П., Матына Л.И. Международный бизнес-проект и компетентностный профиль команды управления проектом (часть 2). № 3(31). С. 108—114.

Привалова И.Ю. Этика постчеловечества. № 4(32). С. 99—105.

Равочкин Н.Н. Нелинейная динамика процессуального мира. № 1(29). С. 62—71.

Равочкин Н.Н., Бобриков В.Н., Щенников В.П., Рахинский Д.В. Институциональная проблематика в зеркале социальной философии. Социологические и философские подходы. № 2(30). С. 144—153.

Равочкин Н.Н., Бобриков В.Н., Щенников В.П., Рахинский Д.В. Институциональная проблематика в зеркале социальной философии. Обзор современных исследований. № 3(31). С. 115—128.

Равочкин Н.Н., Гилязов Р.Ш., Кузнецов Н.В., Петров М.А. Трансформация содержания социальных идей под влиянием цифровизации. № 4(32). С. 106—117.

Растимешина Т.В. Демократические и недемократические политические режимы в период борьбы с пандемией: эффект Матфея. № 1(29). С. 72—81.

Рогатова С.В. Классификация и роль квазиреалий в литературной вселенной Дж.Р.Р. Толкина на материале романа-эпопеи «Властелин колец». № 4(32). С. 118—123.

Рыжов О.А. Новая Военная доктрина РФ: к методологическим неточностям понятий. № 3(31). С. 129—137.

Самохвалова В.К. От Декарта к Фромму: интеллектуальная и нравственная деградация. № 2(30). С. 154—160.

Семенов С.Н., Семенова Д.С. Единство рациональных и иррациональных аспектов творческого мышления (от Р. Декарта к философии всеединства). № 1(29). С. 82—95.

Сизов С.Е. Философия Николая Федорова в контексте православной сотериологии. № 1(29). С. 96—104.

Соколова Т.Ю., Фазылынова Г.И., Ефграфова Е.Е., Астапович Е.В. Виртуальная реальность как объект и инструмент познания: прикладные аспекты. № 2(30). С. 161—166.

Удалова Л.В., Горшкова С.Е., Мещерякова Л.Я. Толерантность как социально значимая ценность. № 3(31). С. 138—147.

Фазылынова Г.И., Соколова Т.Ю., Балалов В.В. Тенденции геймификации в образовательных коммуникациях

цифрового общества. № 1(29). С. 105—110.

Фазылынова Г.И., Соловьева С.А., Шигорина В.Н. Философия дизайна: современные аспекты комплексного проектирования упаковки. № 3(31). С. 148—154.

Филиппов И.М. Молодежное лидерство в управленческой деятельности: аксиологические аспекты. № 2(30). С. 167—174.

Шарапова Е.С., Огородов Д.А. Социокультурная роль современного спорта. № 1(29). С. 111—120.

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

Гавриков А.И. Общность понятия предела в математическом анализе как тема обзорной лекции. № 1(29). С. 121—125.

Горбунова С.В., Мрочко Л.В., Спиридонова Г.В. Цифровые платформы и IT-сервисы в образовании: применение в период локдауна. № 4(32). С. 124—130.

Соколова Т.Ю., Фазылынова Г.И. Исследование методов имитационного компьютерного моделирования и визуализации сложных технологических процессов на кафедре инженерной графики и дизайна НИУ МИЭТ. № 3(31). С. 155—159.

Филиппченко С.И. Особенности формирования профессионального стресса и эмоционального выгорания у пожарных-спасателей. № 4(32). С. 131—137.

Хижак Н.П. Методические подходы к разработке комплексных электронных образовательных ресурсов по прикладным экономическим дисциплинам на базе LMS Moodle. № 2(30). С. 185—193.

Личность. Общество. Государство

Баранов В.В., Беркутов А.С. Новые задачи органов милиции в годы Великой Отечественной войны. № 3(31). С. 160—169.

Денисов Л. А. Издержки грамотности в области здоровья в технотронную эпоху. № 1(29). С. 141—147.

Каилов А.М. Стимулирование служебно-трудовой деятельности офицеров-экспертов строительного комплекса Росгвардии в контексте управленческих теорий. № 1(29). С. 132—140.

Назаров С.А. Корпоративная налоговая культура и изменения налоговой лояльности населения: эффект пандемии. № 3(31). С. 170—177.

Пирогов А.И., Растимешина Т.В. Союзное государство России и Беларуси: кризис или крушение надежд? № 1(29). С. 126—131.

Личность. Политика. Право

Пирогов А.И., Иванцов А.В. Феномен информационного суверенитета государства: анализ политологического дискурса. № 4(32). С. 138—146.

CONTENTS INDEX FOR JOURNAL «ECONOMIC AND SOCIO-HUMANITARIAN STUDIES», 2021

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

Aniskin Y.P. Strategic corporate changes under the conditions of developing digital twin management systems. № 3(31). C. 6—16.

Balashov A.I. Digitalization of the procedure for the provision of social services to the population: innovations and obstacles to their implementation. № 4(32). C. 6—15.

Budarov A.Yu. Theoretical provisions of the concept of managing the development of scientific and industrial complex on the basis of the system-synergetic approach. № 2(30). C. 6—15.

Gladkov I. S. Foreign trade relations of the European Union: transformations for the first 20 years of the XXI century (2001—2020). № 3(31). C. 17—30.

Gladkov I.S. Foreign trade of Russia: trends at the stage of the general crisis (2020). № 1(29). C. 11—19.

Gladkov I.S. International trade: key trends for the first 20 years of the XXI century (2001—2020 rr.). № 2(30). C. 16—27.

Glebov A.L., Knekht N.P. Mathematical modeling with uncertainty in microelectronics. № 3(31). C. 31—34.

Lukicheva L.I., Alatoritseva O.A., Egorycheva E.V., I.A. Vendina Intellectual assets in the integrated management of knowledge-intensive enterprises. № 3(31). C. 35—44.

Mrochko L.V., Polyakova L.A. PR in social networks: features and benefits for B2B companies. № 1(29). C. 20—25.

Mrochko L.V., Spiridonova G.V., A.A. Zhuk Digital Transformation and Business Adaptation during the lockdown period. № 4(32). C. 25—36.

Oleynik S.P., Matyna L.I. International business project and competence profile of the project management team (part 1). № 2(30). C. 37—46.

Posokhova A.V. Competitiveness as an invariant of professionalism of management entities. № 4(32). C. 37—42.

Prima Ya.G., Salnikov A.K. Pre-project studies of the digital product within the framework of Customer Development and Lean Startup methodologies. № 1(29). C. 34—45.

Prima Ya.G., Svechnikov N.S., Aganiyazova M. Human capital of the project team in the context of Agile business transformation. № 2(30). C. 28—36.

Spiridonova G.V., Mrochko L.V. Anti-crisis FMCG market trends during the pandemic: e-grocery, marketplace and digital technology. № 1(29). C. 26—33.

Vasiliev V.I., Egorychev E.V. Organizational and legal aspects of individual digital entrepreneurship. № 4(32). C. 16—24.

Volotskoy A.A. Restructuring as a optimization mechanism of enterprise activity. № 1(29). C. 6—10.

Philosophy: Universe in Man and Man in Universe

Andriyenko E.V., Gorbacheva I.M. Being and self-development of a personality in social and cultural space. № 3(31). C. 45—50.

Andriyenko E.V., Gorbacheva I.M. The phenomenon of «soft power» in the aspect of philosophical understanding of political being. № 2(30). C. 47—53.

Bondareva Ya.V., Burmakin V.M. Algorithm of philosophical analysis of corruption and anti-corruption education activities. № 2(30). C. 54—62.

Evsifeeva E.A., Komarov G.V. The phenomenon of secrecy in the context of the COVID-19 pandemic and the bioethical issue. № 4(32). C. 43—49.

Fazykzianova G.I., Sokolova T.Yu., Balalov V.V. Gamification Trends in Educational Communications in a Digital Society. № 1(29). C. 105—110.

Fazykzianova G.I., Solovieva S.A., Shigorina V.N. Design philosophy: modern aspects of integrated packaging design. № 3(31). C. 148—154.

Filippov I.M. Youth Leadership in Management Activities: Axiological Aspects. № 2(30). C. 167—174.

Galakhtin M.G., Stepanov V.A. Social Integration of Refugees in the European Union (based on the Spanish experience). № 3(31). C. 51—58.

Kalney M.S. Democratic and Totalitarian Projects: Problems and Contradictions. № 4(32). C. 50—55.

Knekht N.P. «Non-discoverable-spaces» of full-fledged socialism's technological parks. № 2(30). C. 70—76.

Kornyukhov D.V. The axiological background of the phenomenon of leadership. № 4(32). C. 65—71.

Kostrov G.L. Ontology and Methodology of studying cultural trauma in social-philosophical discourse. № 2(30). C. 77—88.

Kovalev A.A. Mediation in conflicts: some theoretical and methodological aspects. № 3(31). C. 59—66.

Kovalev A.A. Sextus Empiricus and Aurelius Augustinus: on the genesis of the medieval concept of the nature of evil. № 2(30). C. 175—184.

Kovalev A.A. Dualism of Good and Evil in Early Antique Philosophy. № 1(29). C. 46—54.

Kovalev A.A. On the question of the relevance of German Military-strategic Thought (Frederick the Great and Hans Delbruck). № 4(32). C. 56—64.

Ksenofontov V.A. Problems of ensuring national security. № 3(31). C. 67—76.

Ksenofontov V.V. The historical truth about the Great Patriotic War — the imperative of the spiritual life of Russian society (socio-philosophical analysis). № 2(30). C. 89—96.

Litvinovich V.M., Pirogov A.I. We learn «digital», we study «digital»: EdTech in the era of digital transformation of the state and society. № 4(32). C. 72—79.

Malakhov A.A., Mikhailina S.A. Public Good in the concept of welfare state. № 4(32). C. 80—88.

Malinkina E.V. The lyric-philosophical beginning in the small literary genre as a determinant of culture. № 2(30). C. 97—106.

Morozov M.Y. Freedom and necessity from the perspective of the fractality concept. № 3(31). C. 77—86.

Morozov M.Y. Plato vs. «dialectical materialism»: the dispute about the subject of philosophical science in the light of the dialectic of totality and fragmentarity. № 2(30). C. 107—119.

Mushta A.A., Rastimehina T.V. Historical Policy in the context of Transformations of the National security Concepts in Belarus and Russia: theoretical foundations. № 2(30). C. 120—129.

Mushta A.A., Rastimehina T.V. Transformations of the national security concepts of Belarus and Russia and historical policy: substantive aspects. № 3(31). C. 87—99.

Nazarov S.A. Tax culture and justice in the mirror of socio-logical survey. № 1(29). C. 55—61.

Nekrasov A.S., Nekrasova N.A., Nekrasov S.I. Impact of information technology on a person and his consciousness. № 2(30). C. 130—135.

Ogorodov D.A. The ideology of nationalism and sports. № 3(31). C. 100—107.

Ogorodov D.A. Towards the Genesis of Sport: the Functions of sport in Modern Society. № 2(30). C. 136—143.

Ogorodov D.A., Dobrynina M.V. High Performance Sport in the Context of Soviet Policy and Ideology. № 4(32). C. 89—98.

Oleynik S.P., Matyna L.I. International business project and competence profile of the project management team (part 2). № 3(31). C. 108—114.

Privalova I.Yu. Posthuman ethics. № 4(32). C. 99—105.

Rastimehina T.V. Democracies and autocracies amid the pandemic: the Matthew effect. № 1(29). C. 72—81.

Ravochkin N.N. Procedural world nonlinear dynamics. № 1(29). C. 62—71.

Ravochkin N.N., Bobrikov V.N., Shchennikov V.P., Rakhinsky D.V. Institutional issues in the mirror of social philosophy. Sociological and Philosophical Approaches. № 2(30). C. 144—153.

Ravochkin N.N., Bobrikov V.N., Shchennikov V.P., Rakhinsky D.V. Institutional issues in the mirror of social philosophy. A review of current research. № 3(31). C. 115—128.

Ravochkin N.N., Gilyazov R.Sh., Kuznetsov N.V., Petrov M.A. Social ideas content transformations under the influence of digitalization. № 4(32). C. 106—117.

Rogatova S.V. Classification and role of quasi-realities in J.R.R. Tolkien's literary universe on the epic novel material «The Lord of the Rings». № 4(32). C. 118—123.

Ryzhov O.A. New Military Doctrine of the Russian Federation: To Methodological Inaccuracies of Concepts. № 3(31). C. 129—137.

Samokhvalova V.K. From Descartes to Fromm: Intellectual and Moral Degradation. № 2(30). C. 154—160.

Semenov S.N., Semenova D.S. Unity of rational and irrational aspects of creative thinking (from R. Descartes to the philosophy of all-unity). № 1(29). C. 82—95.

Sharapova E.S., Ogorodov D.A. The sociocultural role of modern sports. № 1(29). C. 111—120.

Sizov S.E. Nikolai Fyodorov's philosophy in the context of Orthodox soteriology. № 1(29). C. 96—104.

Sokolova T.Yu., Fazylzianova G.I., Efgrafova E.E., Astapovich E.V. Virtual reality as an object and a tool of cognition: applied aspects. № 2(30). C. 161—166.

Udalova L.V., Gorshkova S.E., Meshcheryakova L.Ya. Tolerance as a socially significant value. № 3(31). C. 138—147.

Zalozhnykh Y.S. Regarding the Ideological and Theoretical Sources of Early Slavophilism. № 2(30). C. 63—69.

Pedagogical coordinate system education, upbringing, human development

Filippchenkova S.I. Formation features of professional stress and emotional burnout in firefighters-rescuers. № 4(32). C. 131—137.

Gavrikov A.I. The generality of the concept of limit in mathematical analysis as the topic of the review lecture. № 1(29). C. 121—125.

Gorbunova S.V., L.V. Mrochko, G.V. Spiridonova Digital platforms and IT-services in education: application during the lockdown period. № 4(32). C. 124—130.

Khyzhak N.P. Methodological approaches to the development of complex electronic educational resources in applied economic disciplines based on LMS Moodle. № 2(30). C. 185—193.

Sokolova T.Y., Fazylzianova G.I. Research of methods of simulation computer modeling and visualization of complex technological processes at the Department of Engineering Graphics and Design of NRU MIET. № 3(31). C. 155—159.

Personality. Society. State

Baranov V.V., Berkutov A.S. New tasks of the Police in the years the Great Patriotic war. № 3(31). C. 160—169.

Denisov L. A. The costs of health literacy in the technotronic age. № 1(29). C. 141—147.

Kaibov A.M. The stimulation of service activity of the Russian national guard expert officers, serving in the construction department: pedagogical analysis of the phenomenon. № 1(29). C. 132—140.

Nazarov S.A. Corporate tax culture and changes in the tax loyalty of the population: the pandemic effect. № 3(31). C. 170—177.

Pirogov A.I., Rastimehina T.V. Union state of Russia and Belarus: crisis or frustration? № 1(29). C. 126—131.

Personality. Politics. Right

Pirogov A.I., Ivantsov A.V. The phenomenon of state information sovereignty: analysis of political science discourse. № 4(32). C. 138—146.

Для заметок

Для заметок